

Цѣна въ Спб. 5 к

№ 8.

Цѣна въ провинціи 7 к.

СПРУТЪ

16 февраля 1906 г.

Видъ на землю съ луны.

16-го февраля 1906 г.

Хорошо живется на Руси, весело! Охъ, какъ весело! Нужды нѣтъ, что великій постъ,—но за то была масленица!.. Хороша была ты, широкая русская масленица! Что за раздолье, что за буйный молодецкій разгулъ! По первопутку 9 января 1905 г., а затѣмъ по широкой дорогѣ, проложенной Треповымъ, мчатся русскія тройки... Вотъ впереди всѣхъ несется какъ вихрь, самъ Сергѣй Витте! Въ шпикѣ лисьей, въ коронѣ графской да въ шубѣ волчьей шкуры—совсѣмъ бы русскій богатырь, кабы не фамилія немножко не русская!.. Ну да это—ничего, за то удалъ русская, министерская, да денежки русскія!.. Несется онъ на тройкѣ лихой.. Звонкій голосъ на всю Русь отдается: «Эй, родимыя!.. Сторонись народъ! Пропадай моя телѣга—всѣ четыре колеса!..» А кто за графомъ то угомонится? Кони народъ топчутъ.. Крикъ, вопль, смятеніе.. А графу все нипочемъ!.. Вали во всю—на то масленица!.. Слѣдомъ скачетъ Дурново. Крѣпко держитъ вожжи ѣздокъ, разудалый. Несутся кони, словно птицы, подъ гору... «Эй, сторонись!.. Задаваю!..» И давить... Куда народу сторониться? Гонить во всю Дурново.. Чего жалѣть? Сани чужія, хомутъ не свой, овесъ чужой—погоняй, не стой! Всѣхъ обогналъ Дурново—и Плеве и Трепова... Ужъ на что мастеръ былъ на тройкѣ ѣздить да людей давить старый русскій батюшка Иванъ Васильичъ Грозный, а и того обогналъ Дурново!..

Скачутъ кругомъ, кружатся, словно бѣшеные, генералы да губернаторы.. Вонъ Скалонъ по Польшѣ проѣхался—ажно стоить пошелъ.. Вонъ Дубасовъ по Москвѣ кружить.. У-у-ухъ, гудитъ бѣлокаменная отъ топоту коней адмиральскихъ и посвисту молодецкаго!.. Скачутъ съ нимъ други вѣрные Минъ-генералъ и Рима-полковникъ, и Назимовъ-капитанъ, и вся братія семеновская! Кони летятъ, земля дрожитъ, изъ пулеметовъ огонь валитъ, изъ домовъ дымъ столбомъ, а люди, какъ листья подъ вѣтромъ осеннимъ, валятся... У-хъ, хороша ты удалая русская масленица!

А вонъ далеко-далеко скачутъ вслѣдъ Чухинъ—сева-стопольскій да Каульбарсъ, да Карангозовъ—одеские. Всѣ богатыри, всѣ на подборъ.. А по Лифляндіи Орловъ скачетъ... Шуба казенная, боярская, рукавицы желѣзныя, кнутъ—нагайка казацкая.. Не счесть сколько людей подъ тройкой его задавлено. И еще, и еще, и еще скачутъ по Руси генералы да губернаторы. Скачутъ они по Руси.. А кругомъ стоить стоить.. Земля русская вся дрожитъ... А народъ съ испугу хоронится, стономъ стонетъ, слезами горячими, да кровью горячею обливается...

А Витте на тройкѣ летитъ да хохотомъ заливается:—«Охъ, хороша ты, свобода—матушка! Допрежъ тебя такъ не ѣздило вольно—весело!..»

Хорошо живется на Руси, весело! Охъ, какъ весело! Хороша ты, русская масленица года шестого, вѣка двадцатаго!..

ДВѢ ЭПИТАФИИ.

(На кладбищѣ будущаго).

I.

Подъ камень сей запрятанъ наконецъ
Реакціи почтеннѣйшій отецъ.
Вы незнакомы съ нимъ, потомки, подвезло вамъ!..
Прохожій, помяни его «свободнымъ» словомъ!

II.

Онъ былъ мужчина шаткихъ правилъ,
Носилъ высокій санъ и чинъ,
Перо свободѣ ловко вставлялъ...
Погибъ отъ взрывчатыхъ причинъ.

Б. Вилли.

* * *

«Ой, кабы Волга матушка да вспять побѣжала!»
«Кабы можно, братцы, начать жить сначала!»

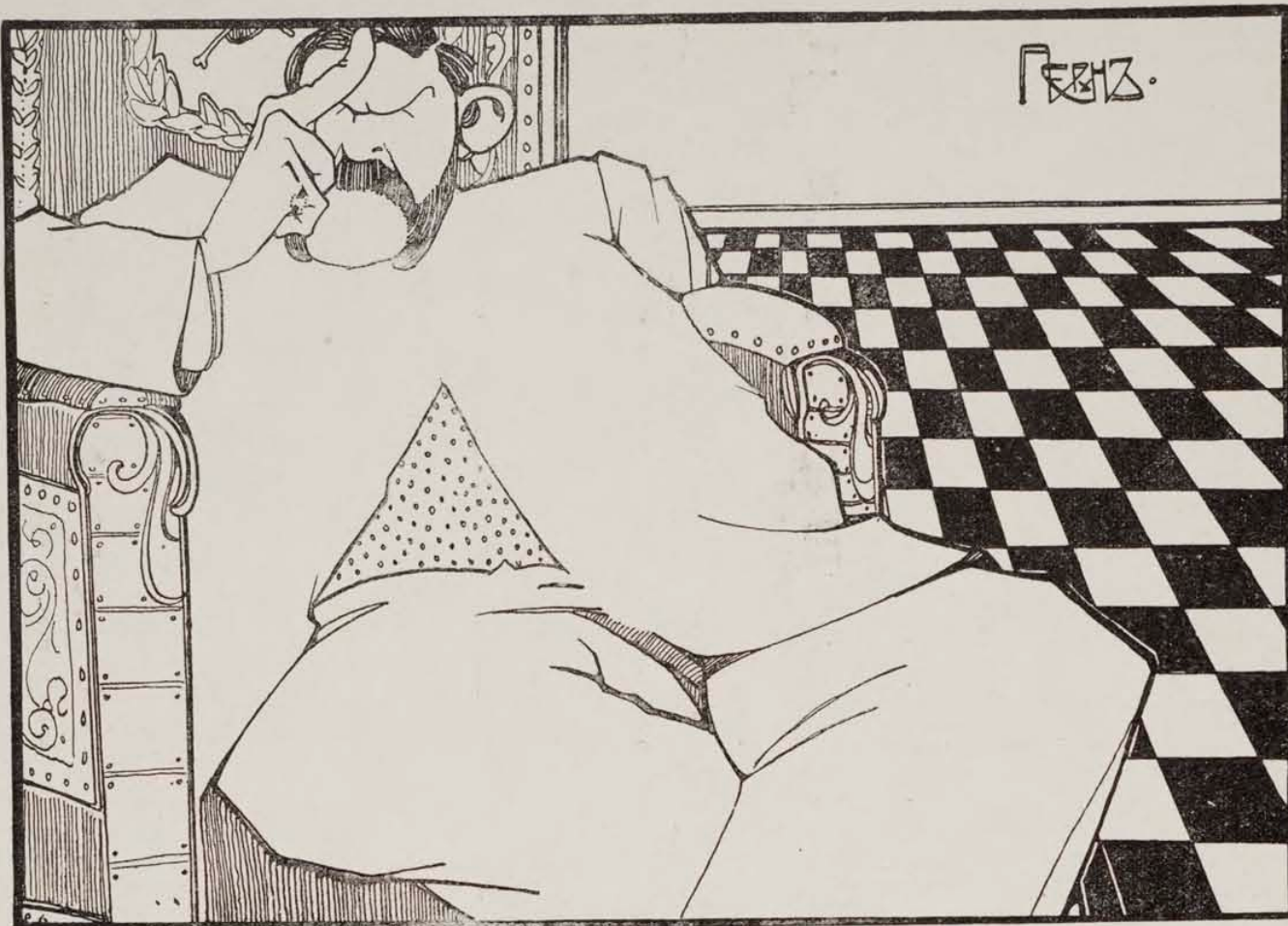
Ой, кабы зиму да весной не называли
Кабы подъячіе къ довѣрію народъ не приглашали!
Кабы море словъ да дѣломъ измѣрить!
Кабы можно, братцы, графу Витте вѣрить!
Ой, кабы всѣ дружно да за правду стали!
Да промежъ себя вражды не раздували!
Кабы дары приказныхъ не застрявали въ-рту
Кабы черносотенцевъ по-боку—да къ чорту!
Кабы не пулеметы, а свободы дали!
Кабы Дубасовы народъ не просвѣщали!
Да кабы изъ Думы не сдѣлали улиты!
Да не набирали туда Грингмутовой свиты!

Тисъ.

Руководство для Россійской полиціи

(наглядная таблица).

— Гдѣ мой либеральный товарищъ, ки. Урусовъ? Въ отставку не подавалъ?! Протестовъ не выражалъ?! Голоса не подаетъ?!

... Значитъ,— я сижу на немъ!..

КОМУ ГОРЕ, КОМУ СМѢХЪ.

Германскій чудодѣй, почтеннѣйшій
Гильомъ.
Коль катаньемъ нейметъ, попробуетъ
мытьемъ:
Чтобъ кляксу ту замыть, что далъ въ
Алгеzirасѣ,
(Практичность свойственна весьма гер-
манской расѣ)
Лубе онъ преподнесъ картину, напи-
савъ
Штрихами сочными, для свѣдѣнья дер-
жавъ,
Сравненье силъ военныхъ флотовъ
націй...
Икнется намъ не разъ отъ этихъ ком-
бинацій!..
Б. Вилли

ЛЕТУЧІЕ ДІАЛОГИ.

— Отчего у васъ такое изумленное лицо?
— Я только что пересмотрѣлъ свои вещи
и убѣдился, что у меня при обыскѣ про-
пала только пара серебряныхъ ложекъ.

— Что вы скажете о «союзѣ 17-го ок-
тября».

— Название союза изумительно соотвѣт-
ствуетъ его программѣ.

— Вдохновитель одного «Пулемета» по-
саженъ за рѣшетку, а вдохновители ты-
сячъ пулеметовъ разгуливаютъ на свободѣ.

— Всякому овощу свое время!

Цитра.

ВѢСТИ И СЛУХИ.

Мы слышали, что полиціи внушено
вскрывать черепъ обывателей исключи-
тельно въ цѣляхъ опредѣленія благонадеж-
ности, а не изъ празднаго любопытства.

Мы слышали, что дѣло о приставѣ Ер-
моловѣ прекращено производствомъ, за
смертью потерпѣвшаго.

Говорятъ, что въ Москвѣ были розданы
войскамъ исключительно шальные пули.

Кустарь.

РУССКІЯ СКАЗКИ.

I. Конституція.

Жили-были люди. Пришла Конституція.
Стали людидохнуть...

II. Генераль-губернаторъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ
городѣ жилъ былъ генераль-губернаторъ.
Захотѣлъ онъ человѣка повѣсить. Взялъ
да повѣсилъ.

III. О томъ, что осталось въ нѣкоторомъ
государствѣ послѣ того, какъ стали въ
немъ генераль-губернаторы свободу
проводить.

Ничего.

IV. О министрѣ, который крѣпко слово
держалъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ
государствѣ былъ министръ. Крѣпко онъ
свое слово держалъ. Дастъ слово — и сей-
часъ назадъ возьметъ: крѣпко слово дер-
жалъ. Такъ и умеръ.

V. Русский гражданинъ.

Жилъ былъ русскій гражданинъ. Услы-
халъ онъ, будто неприкосновенность лич-
ности объявилась. Вышелъ на улицу по-
смотреть, а казаки его и убили.

VI. Газеты.

Жили были на Руси когда-то газеты.
А теперь живутъ на Руси генераль-губер-
наторы.

Духъ Банко.

КОГДА СОБЕРЕТСЯ ДУМА?

(Сказка про бѣлаго бычка).

Непремѣнно въ Декабрѣ,
Этакъ—въ половинѣ...
Нѣтъ, скорѣе въ Январѣ...
Но по той причинѣ,
Что Таврическій дворецъ
Все приспособляютъ,
На Февраль (его конецъ)
Думу созываютъ...
Списки можно переврять:
Тише—такъ скорѣе...
Значить, въ Мартѣ коль созвать,
Будетъ повѣрнѣе!..
Какъ бы всѣмъ не сѣсть на мель,
Не устроить скверно?
Нѣтъ! Назначить на Апрель.
Но, зато, навѣрно!
Впрочемъ, какъ ни созовай,
Отложить придется —
Значить, въ дивный мѣсяцъ Май
Дума соберется!
Чтобы маяться-то всѣмъ?
Бросить трудъ весъ втунѣ?
Ну ужъ этотъ Май совсѣмъ!
Лучше ужъ въ Іюнь!..
Значить все свести на нуль?
Все испортить дѣло?
Нѣтъ! Сзывать,—такъ на Іюль,
Но зато ужъ смѣло!
Ну, въ Іюльскую жару
Дѣломъ заниматься
Будетъ всѣмъ не по нутру...
Вотъ, за Августъ взяться?
Съ дачъ тогда съѣзжать начнутъ,
Значить, очень ясно,
Будетъ думѣ всей капутъ...
Вотъ, Сентябрь—прекрасно!
Ну, не лучше и Сентябрь:
Дождь, да вѣтеръ скверный...
Нѣтъ! Сзовемъ-ка на Октябрь,
Это мѣсяцъ вѣрный!
Или лучше въ Ноябрь?..
По какой причинѣ?
Созывать, такъ въ Декабрѣ,
Этакъ—въ половинѣ...
И т. д., до безконечности.

Узнай меня.

КОГДА КОНЕЦЪ!..

— Слышали, что пишутъ-то? Графа Витте
опять убить собирались, но снова его Богъ
спасъ.

— Охъ! Когда жъ этому конецъ-то будетъ!..

Али-Баба.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

За ненужностью, по сходной цѣнѣ рас-
продаются слѣдующія вещи, бывшія до-
тогда въ употребленіи у нашихъ имени-
тыхъ сановниковъ: ходули о. Іоанна Крон-
штадскаго, проектъ открытія мощей По-
бѣдоносцева, популярности Витте, безре-
брие Дурново, генераль-губернаторскіе до-
спѣхи Трепова, мощи Кронштадской Бого-
родицы, рубище Стесселя, боченокъ гуль-
скихъ селедокъ (трофей Рождественскаго),
альбомъ чудеснаго спасенія Небогатова, ар-
бузъ Нейдгарта—отъ признательныхъ одес-
ситовъ, политическій зудъ генерала Бого-
новича, данныя о самооточеніи Дубасова
во время вооруженнаго возстанія въ Москвѣ,
смиреномудріе православнаго духовенства,
благоденствіе русскихъ обывателей и мн.
мн. друг.

Деревянный фетишъ грубой работы, изъ коллекціи
одного путешественника. Дикари, взявъ въ его
силу укрощать политическія страсти и боли
въ желудкѣ.

.... Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ подобномъ торжественномъ подтвержденіи существованія права собственности не представлялось и нынѣ не представляется надобности, такъ какъ право это священо и охраняется основными законами Имперіи (ст. 66) наравнѣ съ жизнью и честью отдѣльныхъ лицъ. (Изъ Правит. сообщ.).

УСТАВЪ ГАЗЕТЫ „РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО“.

§ I. «Русское Государство» организуется графомъ Витте въмѣнъ имъ же уничтоженнаго Россійскаго Государства.

§ II. Цѣль изданія—содѣйствовать видамъ правительства по осуществленію началъ, 17 октября путемъ укрѣпленія въ обществѣ правильныхъ понятій о самодержавіи, православіи и истинно-русской народности.

Примѣч. Съ симъ неразлучнымъ почтается неизмѣнный призывъ общества къ довѣрію графу Витте, къ борьбѣ со смутой, а въ случаяхъ, когда на сіе будетъ особое указаніе,—и къ погромамъ.

§ III. «Русское Государство» стоитъ совершенно въ сторонѣ и независимо отъ партійной печати и съ ней не конкурируетъ, такъ какъ изданіе само по себѣ—выѣ конкурренціи. Общественное мнѣніе для «Русск. Госуд.», какъ и для его руководителя гр. Витте не обязательно.

Примѣч. На полемическія статьи «Русск. Госуд.» не отвѣчаетъ, передавая ихъ непосредственно въ охранное отдѣленіе—къ исполненію.

§ IV. Признавая вполне свободу печати, «Русское Государство» не подчиняется никакимъ цензурнымъ законамъ, и даже законамъ здраваго смысла, и логики фактовъ.

§ V. Журнальную этику, какъ институтъ не самобытно—чиновничій, «Русск. Госуд.» не признаетъ...

Примѣч. Сотрудники виновные въ какихъ либо сношеніяхъ съ журнальной этикой, кромѣ явно враждебныхъ, немедленно увольняются.

§ VI. Девизами своей публицистической дѣятельности «Русск. Государство» избираетъ: «Наплевать!» и «Стыдъ не дымъ—глазъ не выѣстъ»...

§ VII. Сотрудники «Русск. Госуд.» обязаны:

1. Умѣть писать подъ диктовку.

Примѣч. Грамотность необязательна.

2. Не имѣть никакихъ идей, и вообще, никакихъ собственныхъ мыслей въ головѣ, пользуясь исключительно отпускаемыми отъ казны.

3. Умѣть красить черное въ бѣлое и наоборотъ.

4. Стирать и замазывать пятна, которыя могутъ быть брошены на изданіе и его руководителей не благонамѣренными элементами общества.

5. Въ нужныхъ случаяхъ умѣть пустить слезу (крокодилову).

6. Усвоить новыя понятія въмѣнъ устарѣвшихъ, напр.: вмѣсто „законъ“ — „гр. Витте“, „Дурново“; вмѣсто „судъ“ — „произволъ“, вм., „право“ — „смута“, вм., „неприкосновенность личности“ — „полиція“... И. т. д.

Примѣч. Съ понятіями, вообще, обращаться съ крайней осторожностью. Руководясь общимъ принципомъ: всѣ положительныя понятія относить къ правительству, всѣ отрицательныя—къ обществу,—спрашивать въ нужныхъ случаяхъ указанія главнаго командира изданія.

7. Говорить, говорить и говорить—все, что прикажутъ... Въ частности:

а) Призывать общество къ довѣрію.

б) Содѣйствовать заключенію займовъ внѣшнихъ и внутреннихъ, путемъ внушенія Европѣ и Россіи увѣренности въ прочности нашихъ финансовъ.

в) Божиться, что никакой революціи не существуетъ и что свобода на Руси цвѣтетъ, какъ майская роза.

г) Доказывать, какъ дважды два—четыре, что не будь гр. Витте и генералъ-губернаторовъ, Россія давно была бы завоевана инородцами и даже японскую войну проиграла бы.

Примѣч. Для сего надлежитъ раньше доказать, что японскую войну мы не проиграли.

д) Писать обѣими руками опроверженія всѣхъ попадающихъ въ печать свѣдѣній о дѣйствіяхъ войскъ и администраціи.

8. При вступленіи въ число сотрудниковъ „Русск. Госуд.“—представить свѣдѣтельство о благонадежности отъ полиціи или о принадлежности къ редакціи „Нов. Времени“.

§ VIII. Въ вознагражденіе за труды на благо отечества сотрудники получаютъ:

1. Весьма солидное жалованье отъ казны.

2. Поштучно за каждую сочиненную по указанію начальства статью.

Примѣч. Доносы на общественныя учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, подвохи, подтасовки въ фактахъ, „собственные корреспонденціи“, сочиненныя какъ на мѣстѣ, такъ и въ редакціи, въ духѣ патристическомъ, и хвалебныя статьи власти—оплачиваются особо по повышенной такѣ.

3. Завтраки—горячіе—натурой сообразно вкусамъ каждого, съ казенной выпивкой.

Примѣч. Учредители газеты признаютъ, что 6000 р. ассигнованные на завтраки не соответствуютъ аппетитамъ уважаемыхъ сотрудниковъ и потому имѣютъ въ виду сумму эту увеличить тотчасъ по взысканіи карательными экспедиц. налоговъ и податей съ мятежныхъ губерній.

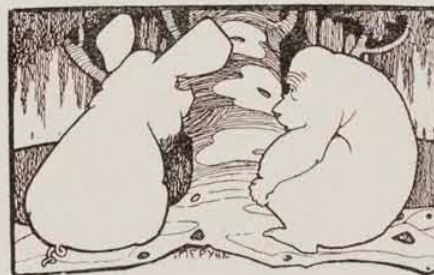
4. Награды къ праздникамъ

5. Пенсію по выслугѣ лѣтъ:

6. Гарантированное уваженіе современниковъ и признательность потомства.

7. Мѣсто члена Государственной Думы.

Списалъ Духъ Банко.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Въ Думу идете?
— Итти то иду, да дойду ли, Богъ вѣсть: министерство внутреннихъ дѣлъ по дорогѣ...

ВЕРХНИМЪ КОНЦОМЪ ВНИЗЪ.

Твердо помню съ дѣтства
Анекдотъ пріятный:
Мельника землицу
Отнялъ Фридрихъ силой.
Жалобу въ судъ подалъ
Мельникъ на монарха:
«Землю мою силой
«Взялъ король для парка».
Строгіе законы
Правили страной
И за правду судьи
Поднялись стѣною,—
Наказавъ монарха,
Разсудили здраво...
Что это такое?
Это сила права.

Напекли свободѣ намъ
...Изъ родного тѣста,
Маршируемъ къ свѣту,
Только все ни съ мѣста!
Отъ Россіи ловко
Отдѣлились финны;
Въ флигель-адъютанты
Вылѣзаютъ мины;
Строгое повсюду
Вводятъ положенье,
И проектъ о Думѣ
Вянетъ безъ движенія...
Лишь растутъ несмѣтно
Братскія могилы...
Что это такое?
Это право силы.

Б. Елли.

ГРАФУ N.

Повѣрить, что таишь въ себѣ
Руси спасенье—нѣтъ отъаги.
Лишь стоитъ вспомнить мнѣ
Про материнство королевы Драги.

Кустарь.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

— Знаешь, полковникъ Рима въ больницѣ Николая—чудотворца...
— Наконецъ-то!
— ... командуетъ военной охраной.

Кустарь.

ПО ГАЗЕТАМЪ.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что пачка воззваній П. П. П., вырванная такъ вѣроломно изъ рукъ раздававшего ихъ и брошенная на ледъ рѣки Фонтанки, въ настоящее время достигла своего назначенія. Приказчики, находящагося у моста рыбнаго садка достали эти воззванія и употребили ихъ на заворачиваніе селедокъ.

Евг. Бенедетто.

Открыта подписка на 1906 годъ.

„СПРУТЪ“

Художественно-сатирическій журналъ. Выходитъ еженедѣльно.
Размѣръ журнала отъ 8—12 страницъ.
Подписная цѣна на 1 годъ 3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Спб.—5 коп. Въ друг. город. 7 коп.

Авторовъ просятъ направлять художественный и литературный матеріалъ въ редакцію «Спрута» (СПб. Фонтанка, 80, кв. 10). Редакція не беретъ на себя обязательства возвращать непринятые къ напечатанію рукописи.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по четвергамъ 4—5 часовъ.

Патріотическій допинг.

ПОСЛѢДНЯЯ СИМФОНІЯ.

(Миніатюра).

Старый музыкантъ вышелъ на лѣстницу,—проводить любимого ученика.

— Сегодня ночью ждуть погрома—говорилъ ученикъ.—Въ городѣ затишье, но зловѣщее, жуткое затишье... Вы не боитесь, учитель?

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Хотите, я пришлю къ вамъ нѣсколькихъ товарищей для защиты?—продолжалъ юноша.—Кто знаетъ, быть можетъ, и на вашъ домъ падетъ жребій... Хотите?

Старикъ снова покачалъ головой и видя, что ученикъ его все еще медлитъ уходить, сказалъ:

— Я ничего не боюсь. Я старъ. Одинокъ. Вѣдьня. Посылай своихъ друзей, мальчикъ, несчастнымъ матерямъ, въ страхѣ обливающимъ слезами дѣтскія головки... А обо мнѣ не тревожься... Прощай.

Онъ вошелъ въ комнату, заперъ дверь и сталъ медленно ходить изъ угла въ уголъ. Голова его низко склонилась на грудь, брови сурово сдвинулись. На мигъ онъ остановился у окна и устремилъ жадный взоръ въ черную бездну ночи. Потомъ онъ открылъ окно, прислушался. Было тихо... Въ саду неясно, робко шептались полу-голыя, оборванные деревья, изрѣдка съ ихъ вѣтокъ падала на землю задержавшаяся капля давняго дождя... Изъ города не доносилось ни шороха, ни звука.

Молчала ночь. Молчала вся природа. Молчалъ суетливый городъ. И была въ этомъ молчаніи жгучая тревога, ужасъ ожиданія, скорбь неизбежности...

Сжимая руки, старый музыкантъ вслушивался въ эту напряженную тишь. Изъ глазъ его медленно падали слезы...

Незамѣтно для себя онъ отошелъ отъ окна, опустился на стулъ у рояля... Дрожація руки упали на желтыя клавиши,—и въ комнатѣ родился звукъ. На смѣну ему пришелъ цѣлый сонмъ

звуконъ, и они безъ словъ передали и жуткое молчаніе ночи, и тяжесть ожиданія, и мучительную тревогу. Но вотъ къ ропоту этихъ звуконъ неожиданно присоединился стонъ отчаянья, крикъ боли... Еще мгновенье,—и клавиши исторгнули мольбы, проклятья... Звуки молитвъ перемѣшались съ воплями отчаянья, и потонули въ волнахъ дикаго хохота, торжествующаго, злопаго, безошаднаго... Это была оргія звуконъ, руки музыканта едва поспѣвали за огненнымъ потокомъ вдохновенія... И казалось, что сама ночь, заглядывая въ комнату сквозь раскрытое окно, со скорбнымъ недоумѣніемъ вслушивалась въ импровизацію стараго музыканта... А деревья въ саду гудѣли безпокойно и глухо; съ ихъ вѣтокъ все еще падали одинокія капли—одинокія слезы...

Но, полно, импровизировалъ ли старый музыкантъ? Онъ игралъ, казалось, въ забытіи, не сознавая ни времени, ни мѣста... А между тѣмъ, вдали, за садомъ уже нѣсколько минутъ ярко пылало зарево пожара и огненные языки поднимались выше и выше къ небу... Чуткій воздухъ, вздрагивая, переносилъ и бросалъ въ убогую комнату музыканта крики боли, мольбы, стоны, слова молитвъ и проклятій, рожденные непроницаемой бездною ночи... И импровизація стараго музыканта странно, нелѣпо сливалась съ мрачной симфоніей ночи...

Старикъ продолжалъ играть. Его глаза сверкали гнѣвомъ, губы дрожали. Онъ весь былъ во власти своей фантазіи, не слышалъ и не сознавалъ ничего. Не слышалъ онъ и того, какъ рвали внизу дверь, ведущую къ нему на лѣстницу, рвали нетерпѣливо, злобно... Не слышалъ тяжелыхъ шаговъ по лѣстницѣ, не видѣлъ явившихся изъ бездны ночи, людей съ искаженными бредовыми масками вмѣсто лицъ...

Внезапно оборвалась симфонія... Оборвалась воплемъ ужаса, отчаянья, нечеловѣческимъ смертельнымъ воплемъ... И на пожелтѣвшихъ клавишахъ стараго рояля горячей волной хлынула кровь изъ груди музыканта. Въ этой крови потонулъ послѣдній аккордъ...

О. Ситѣина.

КАКЪ ЖИВЕТЪ МУЖИЧЕКЪ III

Всходы.

Цѣна въ Спб. 5 к.

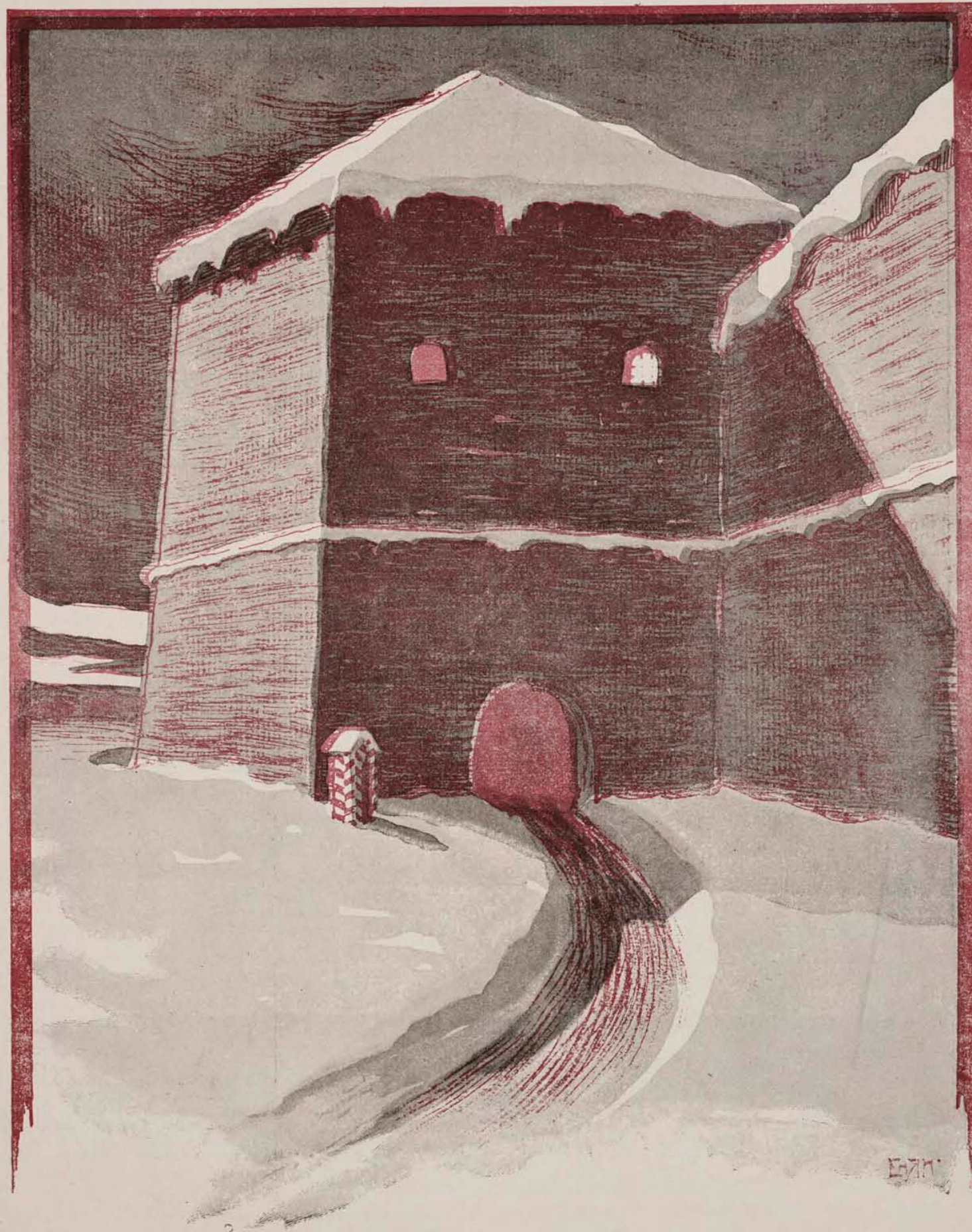
Цѣна 5 коп

№ 9.

Цѣна въ провинціи 7 к.

СПРУТЪ

22 февраля 1906 г.

— «Съйте разумное, доброе, вѣчное! Съйте, — спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ!..»

22 ю февраля 1906 г.

РУСЬ.

Изъ нашей груди невольно вырывается радостный вздохъ. На 27-ое апрѣля назначенъ съѣздъ въ Думу. Первая русская Дума! До сихъ поръ въ нашемъ отечествѣ все совершалось безъ всякой думы, попросту. Время выбрано очень удачно: если и не взойдетъ ожидаемое солнце свободы, то уже весеннее солнце не надуетъ,—все лучше, чѣмъ ничего! Открытіе Думы выпало на апрѣль — мѣсяцъ, который нашему правительству болѣе всего по душѣ, — особенно его первое число. Да къ тому же необходимо считаться съ „мартовскимъ распутиемъ, которое можетъ помѣшать ходу выборовъ“. Наконецъ-то наше правительство болѣе, кажется, не желаетъ дѣлать сюрпризовъ гражданамъ, а открыто предупреждаетъ, что распутица въ ходѣ выборовъ наступитъ не ранѣе марта. Впрочемъ, русскій гражданинъ отъ этого ничего не потеряетъ: онъ ужъ давно привыкъ къ распутицамъ... Къ тому же въ апрѣлѣ—добавляетъ русское правительство—дороги попросохнутъ, и выборныхъ легче будетъ доставлять изъ деревни; но еще легче, добавимъ мы, ихъ можно будетъ выставлять обратно, такъ какъ просохшія столичныя дороги куда лучше деревенскихъ... Въ своихъ, въ полномъ смыслѣ, „маленькихъ письмахъ“ Суворинъ написалъ, что 27-ое апрѣля приходится въ недѣлю разслабленнаго; все, что касается „разслабленнаго“, знакомо Суворину болѣе, чѣмъ кому-либо, а потому къ этимъ его словамъ мы относимся съ полнымъ довѣріемъ.

Итакъ не только мѣсяцъ, но и недѣлю русское правительство выбрало для себя вполне подходящую.

Заботливый министерскій кабинетъ, по слухамъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы сразу слишкомъ не утрудить народныхъ представителей, поэтому первая сессія ея будетъ очень непродолжительна: она сейчасъ же распутица, какъ только дадутъ заемъ; а чтобы депутатамъ въ зданіи Думы вольготнѣй дышалось, то составъ Думы не будетъ законнымъ, а будетъ уменьшеннымъ.

Приступая къ предвыборной агитации, русское правительство весьма предусмотрительно рѣшило дать отдыхъ представителямъ нѣкоторыхъ партій; для чего закрыло центральное бюро конституціонно-демократической партіи, а ея членамъ отвело прекрасныя дачи въ здоровомъ-сибирскомъ климатѣ. Партіи же бездѣльниковъ, какъ напримѣръ, союзъ русскихъ людей, заставило еще до Думы дѣлать патристическія упражненія, чтобы онѣ знали, какъ вести себя въ Думѣ. Впрочемъ, это мелочь, великое еще впереди; оно наступитъ 27-го апрѣля. Объ этомъ днѣ правительству придется подумать. Не будемъ мѣшать ему въ этой незнакомой и трудной для него работѣ.

Новая линия.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ НИЩІЕ.

— Подайте голосъ истинно русскому человѣку, члену Русскаго Собранія. Въ Думу хочется...

— Ступай, ступай—Дурново подастъ...

Парламентарь

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—

Разсказать, что солнце встало,

И что ночь кровавымъ свѣтомъ

Надъ землею затрепетала...

Что объявлена свобода

(И на истинныхъ началахъ!)

Что тюрьма полна народа,—

И сидятъ ужъ въ частныхъ залахъ;

Что съ печати всѣ запреты

Сняты; съ правды спали гири,

Что закрыты всѣ газеты,

А редакторы въ Сибири;

Что земли живыя силы

«Не препятствуемы въ ростѣ»,

Что растутъ, растутъ могилы

Убиенныхъ на погостѣ...

Что и жизнь, и честь, и дома

Гражданъ власть блюдетъ безмѣрно,

Что готовятся погромы

И на Пасхѣ будутъ, вѣрно!..

Что прошла пора морозовъ,

И весна тепломъ ужъ вѣетъ,

Что въ Одессѣ Карангозовъ

Штрафы съ высылками съѣтъ...

Что въ судахъ съ безстрастнымъ взоромъ

Правды съ кривдой ужъ не мѣсятъ,

И что многихъ приговоромъ

Скоро, можетъ быть, повѣсятъ...

Что для Думы назначенье

На апрѣль ужъ состоялось,—

И въ военномъ положеніи

Все подрежнему осталось.

Духъ Банко.

ВЪ ГЛУХОЙ ДЕРЕВНѢ.

— Дядя Каллистратъ, а дядя Каллистратъ!

— Чаво тебѣ?

— Слыхалъ ты, какая теперь у насъ по всей Россіи между народомъ склока идетъ? Вотъ ужъ почитай третій мѣсяцъ такъ другъ дружку лущаютъ, что страсть!

— Съ чѣво это?

— Да вотъ, третьево днись Петрухинъ племянникъ изъ Москвы на побывку прѣхалъ. Такъ сказывалъ, что съ междуусобія!

— Съ какого это междуусобія?

— Да вишь ты, тамъ въ Питерѣ у царя, бають, какихъ то двое было. Одинъ, значить, Серега, а другой Митюха. Серега это, выходитъ, при царѣ по письменной части состоялъ. Письма царскія къ другимъ царямъ писалъ, что ли, а Митюха по дворницкой, т. е. значить царскій дворъ сторожилъ, улицу подметалъ, коровникъ чистилъ и прочее. Ну такъ вотъ видишь ли ты, когда, значить, этотъ Серега, то есть, въ Америку на японское замѣренье ѣздилъ, то будто съ собой какую то Конституцію привезъ, на манеръ, надо полагать, своей полюбовницы, да еще будто не православную, а прямо изъ гулящихъ пѣмочъ. Ну, привезъ это онъ, значить, ее съ собой въ Питеръ да прямо съ ней во дворецъ и претъ, какъ будто такъ и быть должно, а Митрей это смѣтилъ да сейчасъ ее за косу. Намъ, грить, всякихъ шлюхъ на царскій дворъ пушать не приказано и такихъ безобразіевъ я не потерплю, ну и хотѣлъ значить ее сейчасъ въ участокъ, какъ полагается. Да и Сергѣю тоже говорить: я тебя самого тоже по загривку, грить, съ царскаго двора выпровожу вмѣстѣ съ твоей мамзелью. Ну Серега, знамо, не стерпѣлъ, далъ ему самому колѣнкой подъ задъ и пошелъ къ царю съ докладомъ. Только онъ значить опять отъ царя вышелъ, а Митрей снова на его мамзель напунулся. Ну и пошла у нихъ тутъ драка. Сбѣжался народъ: кто за Сергѣя, кто за Митрей,—и пошла потѣха: въ кровь, бають, другъ дружку лущать.

— Ну а ктожъ кого одолѣлъ?

— Да, сказываютъ, помирились Серега съ Митриемъ.

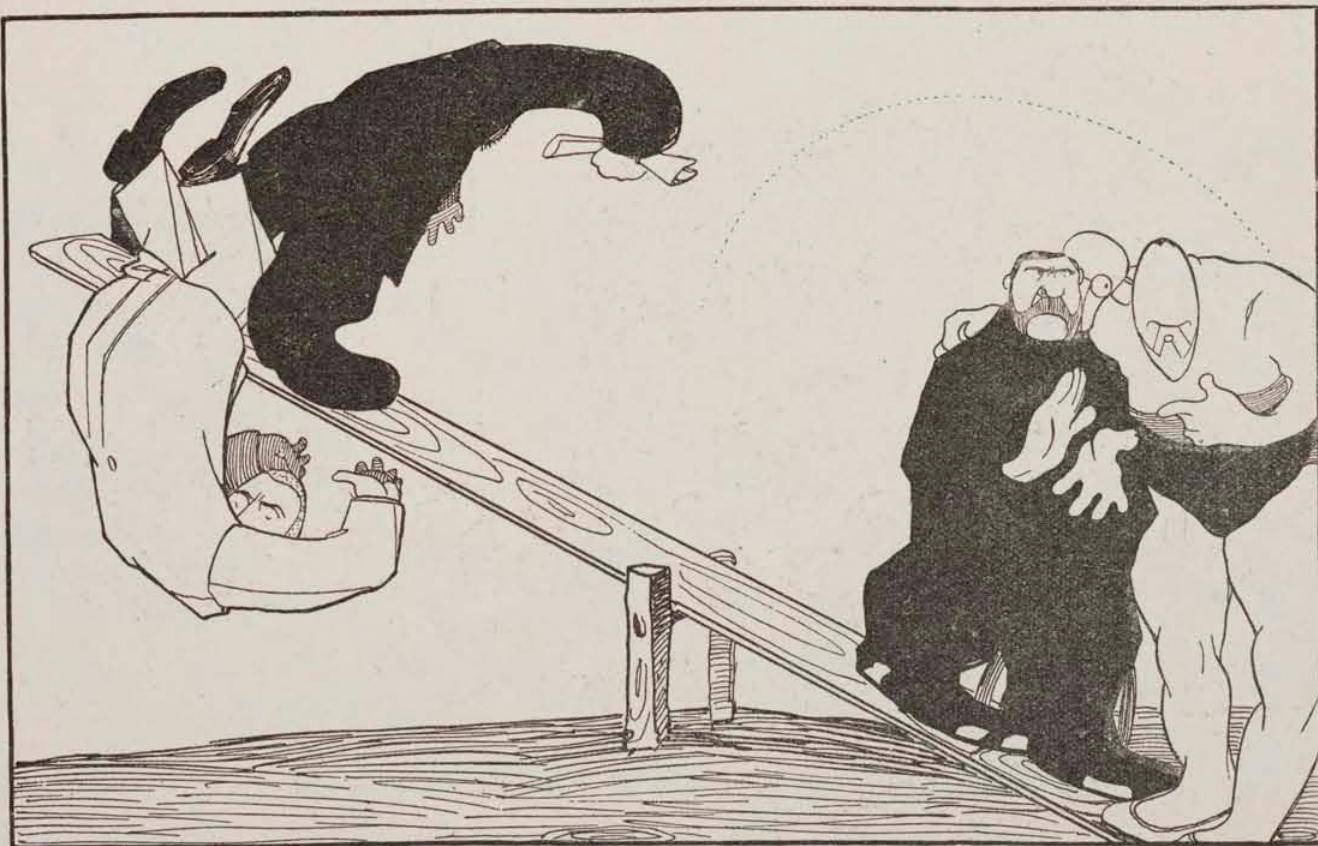
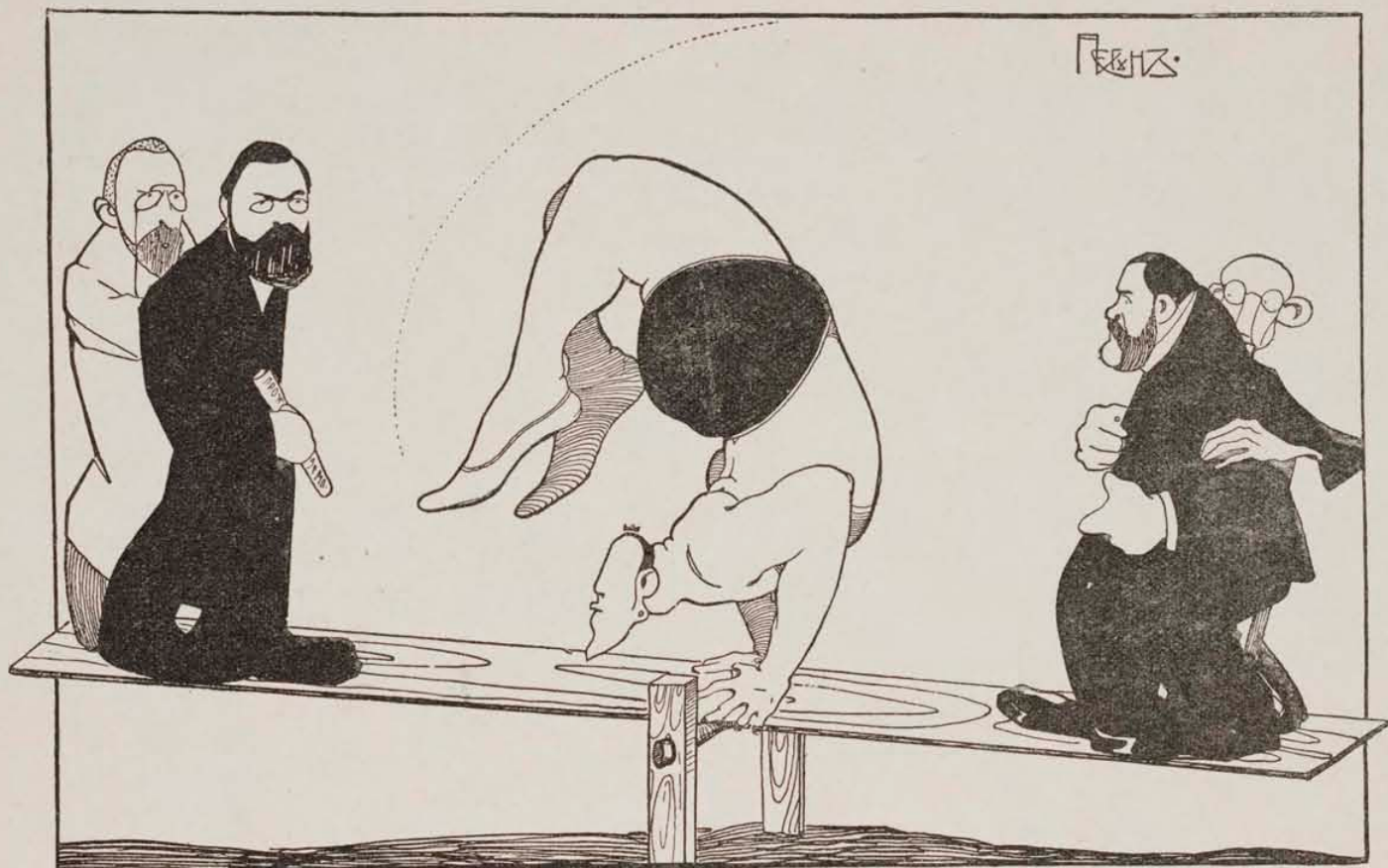
— Помирились? А эта самая Конституція то что же?

— А ее въ чуланъ заперли, чтобы, значить, больше изъ за нея спору между царскими слугами не было.

Скина.

Талантливое сартомортале

или

Повѣсть о томъ, какъ въ Кабинетѣ не стало лѣвыхъ...

НѢЧТО ГРАММАТИЧЕСКОЕ.

Я—журналистъ, редакторъ—Ты
Силень—ОНЪ, властію своею.
Вотъ ВЫ увидите, что сядемъ МЫ въ
«кресты»,
ОНИ-жъ получатъ «крестики» на шею.

Б. Вилли.

ТОЖЕ ГРАЖДАНЕ.

У избирательной урны съ именемъ общественнаго дѣятеля изъ лѣвыхъ:

1-ый членъ партіи правового порядка (шепчетъ сосѣду): Иванъ Ивановичъ! Это не изъ нашихъ: кладите налѣво!

2-й чл. п. п. п. Налѣво? Я—налѣво? Я—не помѣняю партіи, Сергій Федорычъ: я всегда—направо! (Кладетъ шаръ направо).

Поддевка—Вашескорodie, куда класть шарикъ то?

Приставъ. Погоди, борода: будетъ сказано!...

Парламентеръ

ВЪ ЧИСТИЛИЩѢ.

Пролиться кровь готова черезъ край.
Душа моя полна печали и сомнѣній:
Войдемъ ли мы когда въ

конституцiонный рай
Черезъ чистилище военныхъ
положеній?

Б. Вилли.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА
НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

(ДО СОЗЫВА ДУМЫ)

„По „Полному мѣсяцеслову Востока“ 27 апрѣля, день созыва Государственной Думы — память слѣдующихъ святыхъ“...

„Новое Время“.

О Стефане, Симеоне,
Іоанне, Лолліоне,
Аристархе и Зиноне!
Сосипатре, Попліоне!
Вы, Зосима и Максимъ,
Кинтильане и Дидимъ!
Дій, Ирина и Акакій!
Торопецкій нашъ Исакій!
Защитите и спасите!
Научите, вразумите,
Какъ бы Думу намъ унять:
Голосистымъ рты зажать!

Тисъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Заставъ Прасолова служить родинѣ, онъ и Дубасова повѣситъ.

Пули и кнутъ «крамолы» не сотрутъ.

Свободу въ «каменномъ мѣшкѣ» не утаишь.

Легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ рабочему попасть въ Государственную Думу.

Шмель.

ЗАТИШЬЕ.

Тихо въ Россіи. Кипучія силы
Стынутъ въ объятяхъ тюрьмы и
могилы.

Только реакція буйно теперь
Ломится съ трескомъ въ разбитую
дверь.

Б. Вилли.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКАГО БЮРОКРАТИЧЕСКАГО ДОГМАТА:

„ПОСТЕПЕННОСТИ“.

Постепенность—мать осторожности;
Осторожность—мать безопасности;
Безопасность—мать спокойствія;
Спокойствіе—мать отупѣлости;
Отупѣлость—мать безсилія;
Безсиліе—мать постепенности...

И т. д... сначала.

Соломонъ Премудрый

НЕ ИРОНІЯ ЛИ?

(СЪ НАТУРЫ).

«Вотъ такъ конституція!» промолвилъ ломовой извозчикъ, снявъ шапку и почесавъ затылокъ, когда лошадь его уже не въ силахъ была дотащить къ мѣсту назначенія тяжелую кладь по сильно испортившейся дорогѣ.

Евг. Бенедетто.

Народные избранники собираются въ Думу.

Представительъ правой.

Представительъ лѣвой

се—Витте,

Къ совѣднію публики:
а

се—Гапонъ!

АНГЕЛЬ.

По небу полночи духъ Плеве летѣлъ
И дикую пѣсню онъ пѣлъ.
И подняли черти сочувственный вой,
Внимая той пѣснѣ толпой.

Онъ пѣлъ про крамольниковъ дерзкую
рать;
О томъ какъ ихъ вѣшать и драть;
О жирныхъ окладахъ онъ пѣлъ,—и
хвала

Его непритворна была.

Онъ трехъ генераловъ въ объятіяхъ
несъ:—

Пусть міру прибавится слезъ!
И пѣсня его въ генеральскихъ серд-
цахъ

Рождала и алчность, и страхъ...

И вотъ ужъ несутся они во всю прыть—
Крамолу и бунтъ изводить,
И слѣдомъ гремятъ имъ вблизи и вдали
Проклятья родимой земли.

Дир.

РУССКІЯ СКАЗКИ.

VII. Богъ и люди.

Богъ сказалъ: «Не убій!» и записалъ
эти слова заповѣдью на времена вѣчныя.
Пришелъ военный судъ и вычеркнулъ
эту заповѣдь. И стали люди убивать другъ
друга.

VIII. О двухъ Агентствахъ.

Живутъ на Руси два телеграфныхъ
Агентства: С.-Петербургское и Россійское.
И все то они врутъ, все врутъ.

IX. О добрыхъ властяхъ и упрямомъ обывателѣ.

Жили—были въ нѣкоторомъ царствѣ
добрыя власти. Нужно было имъ обыва-
теля убить. Но такъ какъ онъ былъ власти
добрыя, то спросили обывателя:

— Тебѣ какъ пріятнѣе: быть повѣшен-
нымъ или разстрѣляннымъ?

А обыватель былъ упрямый и отвѣчалъ:
— А мнѣ все равно!...

Разсердились добрыя власти на упря-
мага обывателя, что не отвѣчаетъ по со-
вѣсти, и рѣшили впредь его не спраши-
вать...

X. О Думѣ.

Въ нѣкоторомъ городѣ власти для обы-
вателей Думу выстроили. А чтобы хоро-
шаго зданія не портить, порѣшили людей
въ Думу не пускать, а оставить въ ней
одеяхъ холоповъ, которые бы Думу въ
чистотѣ держали

XI Какъ два Положенія между собой спорили.

Заспорили между собой Военное Поло-
женіе съ Усиленной Охраной о томъ, кто
сильнѣе.

— Я—говорить Военное Положеніе—
могу всякаго безъ суда въ тюрьму заса-
дять.

— Что-жь?—говорить Усиленная Охрана:
—и я могу!

— Я—говорить Военное Положеніе—могу
человѣка разстрѣлять или повѣсить безъ
всякаго суда..

— Эка важность!—говорить Усиленная
Охрана:—и я могу!...

— У тебя такого закона нѣтъ!

— Нѣту, а я всетаки могу!...

— Я могу сжечь деревню, разрушить го-
родъ, уничтожить цѣлый край!...

— Пустяки! И я могу, и я могу!...

Спорили, спорили, ни до чего не dospo-
рились и пошли къ самому первому ми-
нистру спросить: кто сильнѣе?

Пришли къ самому первому министру и
говорятъ:

— Скажи ты, Ваше Сіятельство, кто изъ
насъ сильнѣе? Коли оно можетъ тѣ же
всякія беззаконія творить, что и я, то ка-
кая же межъ нами разниа?

Выслушалъ Его Сіятельство, оглядѣлся
кругомъ, не подслушиваетъ ли корреспон-
дентъ, и сказалъ:

— Не ссорьтесь и не спорьте, милые: нѣтъ
между вами никакой разницы!...

Дуръ Гичко.

ЛЕГЕНДА.

Царь Давидъ тосковалъ...
И призвалъ онъ мудрецовъ своихъ и спросилъ ихъ:

— Что нужно сказать человѣку въ печали, чтобы ослабить его печаль?

И мудрецы не знали...

Въ другой разъ царь Давидъ ликовалъ и радовался, празднуя побѣду надъ врагомъ. И подумалъ онъ, что не хорошо человѣку много радоваться земной радостью...

И призвалъ своихъ мудрецовъ и спросилъ ихъ:

— Что нужно сказать человѣку въ радости, чтобы умѣрить ее?

И мудрецы не знали...

И огорчился царь Давидъ, что не могутъ мудрецы помочь ему. И призвалъ своего ювелира и повелѣлъ ему сдѣлать кольцо. И еще разъ созвалъ мудрецовъ со всего царства своего и сказалъ имъ:

— Придумайте мнѣ надпись на кольцо моему, изъ трехъ словъ. И прикажите вырѣзывать начальные буквы этихъ трехъ словъ на кольцо моему, чтобы всегда имѣлъ я ихъ предъ глазами моими. И пусть эти слова будутъ таковы, чтобы умѣрять излишнее веселье, и ослаблять излишнюю печаль. Ибо и то, и другая не прістали человѣку, созданному изъ праха.

Поникли головами мудрецы, ибо не знали они, какія три слова могутъ умѣрять излишнее веселье и ослабить излишнюю печаль.

Услыхалъ слова царя, сынъ царскій, мальчикъ Соломонъ...

И вышелъ онъ предъ царя и сказалъ:

— Дозволь, царь-отецъ, я скажу тебѣ, какія три слова нужно помнить человѣку, чтобы обрѣсти утѣшеніе въ печали и умѣренность въ веселіи...

— Ты хочешь сказать? — улыбнулся царь недоверчиво словамъ мальчика-сына: — Говори!

— Прикажи, государь, вырѣзать на кольцо твоему три буквы: „п“, „а“, „м“.

— Что же означаютъ онѣ?

— Это начальные буквы трехъ словъ: „и“ „это“ „минуетъ“.

Что бы ни случилось съ тобой: веселіе ли излишнее тебя охватитъ или глубокая печаль, взгляни на кольцо свое, вспомни: и это минуетъ, ибо все въ жизни проходить, — и веселіе твое умѣрится, и печаль ослабнетъ!...

И сказалъ царь Давидъ, что правъ Соломонъ. И мудрецы сказали, что правъ и мудръ Соломонъ.

И приказалъ царь подписать на кольцо своему — три буквы: „п“, „а“, „м“, что означаетъ:

«и это минуетъ...»

Эти слова должно помнить и тѣмъ, кто слишкомъ радостно торжествуетъ побѣду надъ врагомъ, и тѣмъ, кто слишкомъ скорбитъ о своемъ поражении...

Духъ Банко.

ВЪ ГИМНАЗИИ.

Учитель. Кто глупѣе всѣхъ во всемирной исторіи?

Ученикъ. Иловайскій...

Соломонъ Премудрый

БУДУЩІЙ АДЪ.

— Что будемъ дѣлать послѣ смерти? —

Сказалъ министръ своимъ друзьямъ: —

— Пожалуй въ адъ не пустятъ черти.

А рая и не нюхать намъ!..

Но мнѣ-ль, вѣнчанному герою,

Бояться маленькихъ чертей?

Не пустятъ — адъ возьму я съ бою

Съ толпой испытанныхъ друзей.

Сражаться будутъ храбро, смѣло

Скалонъ, Нейтгардтъ и Крушеванъ.

Благословить святое дѣло

Отецъ Кронштадтскій, Іоаннъ.

Корнетъ Фроловъ построитъ роты,

Прикажетъ бѣшено палить;

Дубасовъ вышлетъ пулеметы,

Самъ Треповъ будетъ «наводить»...

И черти, видя бой неравный,

Придутъ съ повинной головой. —

И лучше, чѣмъ въ Россіи славной

Мы заживемъ семьей родной!

Порядки смѣнимъ очень ловко,

Чертей за поясъ мы заткнемъ,

У насъ есть опытъ, есть сноровка:

Мы конституцію введемъ!

Назначимъ пошлины, патенты,

Водичу въ водку подольемъ;

Поднимемъ курсъ бумажной ренты,

Безсрочный выпустимъ заемъ...

Кровавой бани комендантомъ

Назначенъ будетъ самъ Чухнинъ;

Къ нему приставленъ адъютантомъ

Герой Москвы, полковникъ Минъ.

Кипящій душъ — Нейтгардтъ затѣетъ,

Свинцовый дождь — корнетъ Фроловъ,

Котлы съ смолою подогрѣетъ

Сатрапъ Черниговскій — Хвостовъ,

А камергеръ Александровскій

(Ба-альшой финансовый талантъ) —

Какъ экономъ красно-крестовскій,

Отличный будетъ интендантъ.

Работы всѣмъ найду не мало,

Пристрою всѣхъ, до одного!

А должность оберъ-бей-фискала

Займетъ collega Дурново.

А я за подвиги лихіе

Найду поддержку у друзей,

И тамъ — въ аду, какъ и въ Россіи

Достигну высшихъ ступеней...

Такъ онъ сказалъ. «Судьбы удары

Теперь не страшны», — думалъ графъ.

Затѣмъ писалъ онъ «циркуляры»,

Затѣмъ послалъ на телеграфъ,

Затѣмъ онъ принялся за прессу,

Прочелъ газеты... а потомъ,

Телеграфируя въ Одессу,

Спросилъ: «что, начали погромъ?»

Кратива.

АФФОРИЗМЫ КУЗЬКИНОЙ МАТЕРИ.

Будучи спрошенъ, кто лучше: Плеве или Дурново, — плюнь въ глаза вопрошающему.

* * *

Имѣвъ глупость купить правительственное сообщеніе, оное сохрани, ибо всякая бумага годится для нѣкотораго употребленія.

* * *

Съ «истинно-русскимъ» человѣкомъ долго не разговаривай, а то и самъ озвѣрѣешь.

* * *

Надѣвъ красную рубаху, не мни себя революционеромъ.

* * *

Буде станеть тебѣ скучно, почитай, какъ Витте самъ себя расхваливалъ, и ты смѣло лопнешь со смѣху.

Бомбардосъ II.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ВИДУ ЗАДЕРЖКИ

въ производствѣ чудесъ

Отецъ I. Кронштадтскій

приглашаетъ за умѣренную плату лицъ, умѣющихъ всенародно изъ хромыхъ дѣлаться слѣпыми и наоборотъ.

Предпочтительны алкоголики.

Лицъ, знающихъ секретъ, какъ Турція безъ денегъ сводитъ концы съ концами, просятъ сообщить его за вознагражденіе.

Министерство Финансовъ.

Бомбардосъ II.

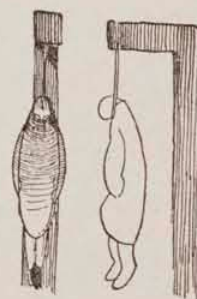
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

1) Одними займами богатъ не будешь.

2) Засыпь правду хоть милліардами правительственныхъ сообщеній, а она все всплыветъ.

3) На всякое усмирненіе не наблагодаришься.

Богъ Бенедетти

Цифра свободы.

Открыта подписка на 1906 годъ.

„СПРУТЪ“

Художественно-сатирическій журналъ. Выходитъ еженедѣльно.

Размѣръ журнала отъ 8—12 страницъ.

Подписная цѣна на 1 годъ 3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Спб.—5 коп. Въ друг. город. 7 коп.

Авторовъ просятъ направлять художественный и литературный матеріалъ въ редакцію «Спрута» (СПб. Фон-танка, 80, кв. 10). Редакція не беретъ на себя обязательства возвращать непринятые къ напечатанію рукописи.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по четвергамъ 4—5 часовъ.

Какъ у насъ хоронятъ тѣхъ, кто былъ близкъ...

ВЪ КАБИНЕТЪ МИНИСТРОВЪ.

И сидѣлъ у себя въ комнатѣ грустный и разстроенный, когда ко мнѣ вошелъ мой старый пріятель Демократъ Инородцевъ Мятѣжниковъ.

— «Что сидишь не весель, голову повѣсилъ? — спросилъ онъ.

И повѣдалъ ему свое горе. Въ последнее время меня преслѣдуетъ мысль: пробраться какъ нибудь въ кабинетъ министровъ и хоть однимъ ухомъ подслушать, что тамъ говорится о спасеніи Россіи, хоть однимъ глазкомъ подсмотрѣть, какъ тамъ происходитъ «согласованіе манифеста съ основными законами». Но какъ пробраться туда? Я было рѣшился даже поступить въ лакеи при кабинетѣ министровъ, но узналъ, что для этого требуется выдержать продолжительный стажъ при «Новомъ Времени» — и отказался...

Мятѣжниковъ выслушалъ меня и разсмѣялся.

— Хочешь, научу, какъ туда попасть! Что дашь?

— Браунингъ, — предложилъ я.

— Троглодитъ! — возмутился Мятѣжниковъ. — Нашелъ, что предлагать.

— Что же тебѣ дать?

— Пулеметъ и 300 пудовъ динамиту!

— На что тебѣ такая уйма динамиту? — спросилъ я. — Ты что либо затѣваешь?

— Ничего не затѣваю, а на случай обыска...

— То есть?...

— Ничего ты не понимаешь! — воскликнулъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Мятѣжниковъ. — Представь себѣ — у меня обыскъ, и вдругъ не найдутъ ни одного пулемета, да и динамиту окажется какая нибудь мелочь! Въдъ глазъ потомъ нигдѣ нельзя будетъ показать. Засмѣютъ. Въ какомъ нибудь захолустномъ Бахмутѣ — и то чуть ли не каждый день по 300 пудовъ динамиту находили...

Пришлось отдать ему послѣдніе 300 пудовъ динамиту и пулеметъ.

— Планъ мой, очень простъ — сказалъ Мятѣжниковъ — заяви себя англійскимъ...

Дальше я уже не сталъ слушать пріятеля. Точно выпущенный изъ 12-и дюймовой пушки (конечно, японской), выскочилъ я изъ дому и черезъ часъ уже протягивалъ лакею въ кабинетѣ министровъ визитную карточку съ именемъ мистера Стаддиллона.

Не прошло и полуминуты, какъ ко мнѣ выбѣжалъ самъ премьеръ.

— Добро пожаловать, мистеръ Стаддиллонъ! — воскликнулъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку. — Я уже давно васъ жду. Для англійскихъ журналистовъ, какъ вамъ извѣстно, у насъ никакихъ тайнъ нѣтъ... Вступивъ съ манифестомъ 17 октября въ семью европейскіхъ народовъ, Россія... Кстати, вы не отъ г. Шифа ли?

— Нѣтъ...

— Ахъ, Боже мой, какая разсѣянность! — воскликнулъ онъ вдругъ. — Я еще сегодня не телеграфировалъ г. Шифу, что я люблю евреевъ!... Да, — обратился онъ опять ко мнѣ. — Такъ вы не отъ Шифа? И не отъ Мендельсона?

— И не отъ Мендельсона...

— Очень жаль!... Впрочемъ, не думайте, что я о займѣ хлопочу. Я васъ сейчасъ поведу по кладовымъ и погребамъ, и вы сами убѣдитесь, что у васъ золота куры не клюютъ... Затѣмъ, скажу вамъ по секрету, что Коконцеву удалось завязать у мадамъ Эмбергъ тѣ 100 000 000, которыя у нея хранились въ неогороженномъ шкафѣ... И такъ, значить, вы сами по себѣ... Но вы, конечно, не откажетесь за приличное вознагражденіе переговорить съ Россіей о доврѣніи ко мнѣ!

И не дожидаясь отвѣта, онъ величественнымъ жестомъ пригласилъ меня въ кабинетъ.

Когда мои глаза нѣсколько освоились съ полумракомъ, царившимъ въ комнатѣ, я различилъ тамъ только одну фигуру, которая, какъ мнѣ показалось, сидѣла на полу.

— Дурново, — лаконически отрекомендовалъ его Витте.

— р-р-р-р! — раздалось откуда то рѣзкое восклицаніе.

— Это попугай, — объяснилъ мнѣ Витте — глупая птица! Какъ только услышитъ имя Дурново, она считаетъ необходимымъ прибавить къ нему букву р... Должно, листовъ разныхъ начиталась.

— Графъ! — воскликнулъ вдругъ Дурново — Вашъ намекъ совершенно безтактенъ. Тѣмъ болѣе, что и въ вашу фамилію попугай вставляетъ постоянно посрединѣ буквы р. Н-да-ст!

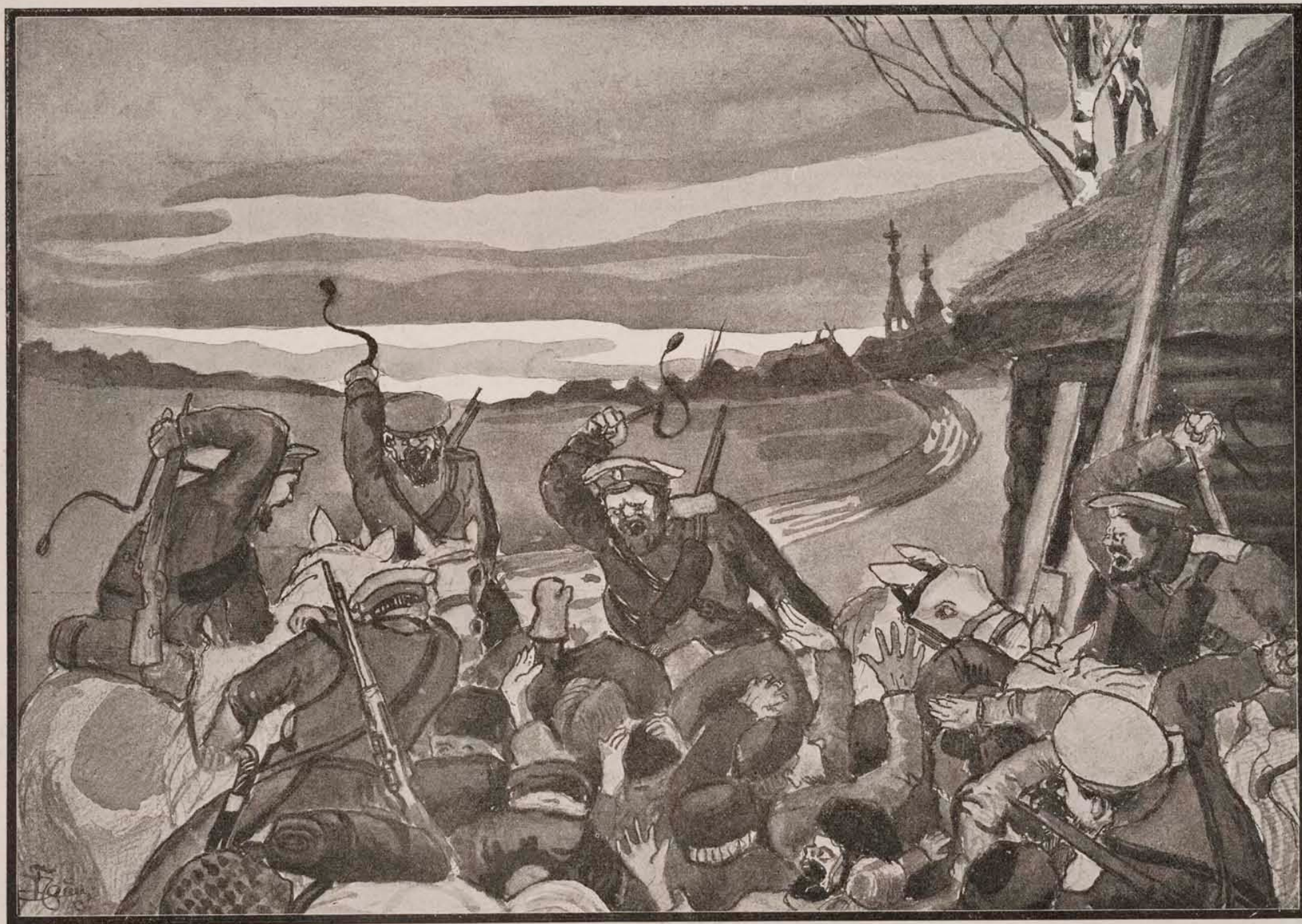
— Я политикъ — и у меня два уха, — разсмѣялся примпрительно Витте.

Дурново, какъ оказалось, сидѣлъ не на полу, а на краю доски, лежавшей на перекладинѣ. Когда Витте съѣлъ на другой конецъ доски, Дурново поднялся, и оба очутились на одномъ уровнѣ.

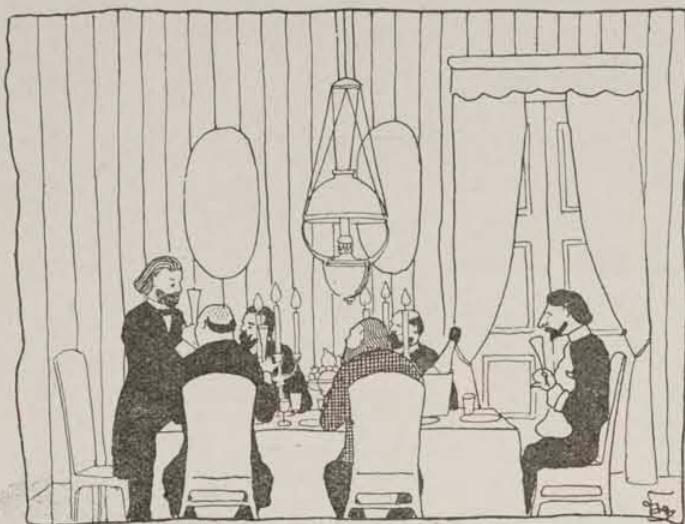
Антонъ Богемцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

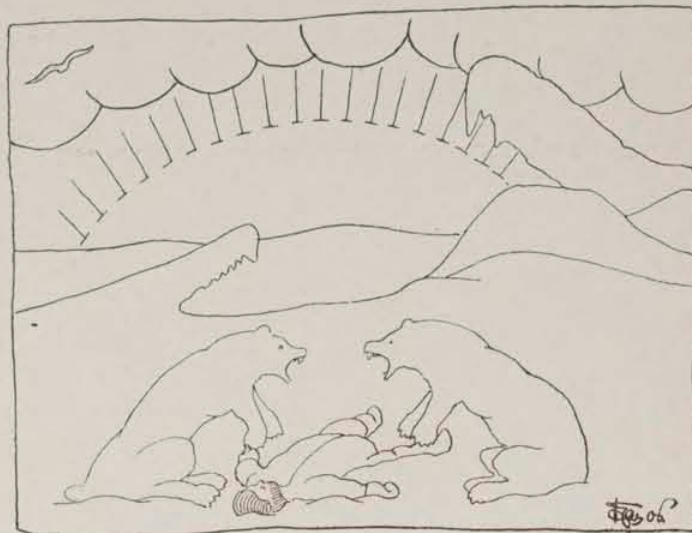
КАКЪ ЖИВЕТЪ МУЖИЧЕКЪ IV.

Осень. Молотба.

Начало

и

конец редактора сатирическаго журнала.

9-10 марта 1906 г.

Совершенно неподражаемый, несравнимый, неимѣющий себѣ подобныхъ въ исторіи міра, какъ политикъ и министръ, г. Дурново, какъ художникъ-творецъ, удивительно похожъ на писателя Даніэля Дефо. Картину, которую нарисовалъ послѣдній въ своей знаменитой повѣсти „Робинзонъ Крузе“, г. Дурново цѣликомъ воплотилъ въ жизни Россіи...

Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что Робинзонъ Крузе, потерпѣвъ крушеніе былъ бы выброшенъ на берегъ Россіи. Если еще допустить, что крушеніе произойдетъ у нашего балтійскаго берега, такъ чтобы Робинзону пришлось вступить прежде всего въ прибалтійскій край, то онъ найдетъ здѣсь такую же *необитаемую пустыню*, какую нашелъ на знаменитомъ островкѣ изъ повѣсти Даніэля Дефо... Разница будетъ только въ томъ, что тотъ островъ былъ пустыней, еще не заселенной человѣкомъ; а прибалтійскій край—край заселенный и богатый, но обращенный въ пустыню господиномъ Дурново и его карательными сподвижниками... Такимъ образомъ, г. Дурново въ этомъ пунктѣ вполне совпадаетъ съ г. Дефо, но только приходитъ къ тому же результату обратнымъ путемъ.

Подвигаясь далѣе въ глубь страны, современный Робинзонъ такъ же, какъ и его историческій тезка, несомнѣнно наткнется на *дикаря*, и даже не на одного дикаря, а на цѣлыя орды дикарей и увидитъ тѣ же точно картины, что и у Дефо: пылающіе костры, толпы дикарей-людоедовъ, справляющихъ свой каннибальскій танецъ вокругъ пойманныхъ ими и обреченныхъ на убой жертвъ, и пр. и пр.

Но только по условіямъ высшей культуры, которой пользуемся мы, сравнительно съ дикарями Робинзона острова, русскій Робинзонъ увидалъ бы все въ иныхъ, болѣе усовершенствованныхъ формахъ: вмѣсто костровъ изъ срубленныхъ древесныхъ пней—пылающія избы, вмѣсто примитивнаго копья изъ дровца и рыбьей кости—болѣе усовершенствованное оружіе. Только дикари остались тѣ же: такіе же голые варвары...

Врядъ ли нынѣшнему Робинзону, попавшему въ Россію, удалось бы, несмотря на все свое рыцарское мужество, спасти хоть одну изъ жертвъ каннибальской охоты: разъ попавшихъ въ руки карателей ничто и никто ужъ спасти не можетъ, даже г. Акимовъ, министръ юстиціи (который, впрочемъ, этого и не хочетъ). А если бы Робинзону и удалось кого-либо спасти, то онъ былъ бы поставленъ въ очень затруднительное положеніе вопросомъ: какъ назвать спасеннаго? Ибо, если его тезка, Крузе, назвалъ спа-

сенную имъ жертву именемъ дня, въ который была назначена ея казнь—*Пятницей*, то, руководясь тѣмъ же методомъ, нашего осужденнаго пришлось бы назвать: „*Воскресенье-Понедѣльникъ-Вторникъ-Среда-Четвергъ-Пятница-Суббота*“. Это было бы очень ложно.

Зато современный Робинзонъ, двигаясь далѣе въ глубь Россіи, несомнѣнно нашелъ бы такъ же, какъ и его тезка—*скотовъ* всевозможныхъ породъ: не только ламу и попугая, но и волковъ, и свиней, и собакъ и мног. др.

Затѣмъ. Если бы новѣйшему Робинзону, пришла фантазія обосноваться въ Россіи, то ему пришлось бы такъ же, какъ и Крузе, для безопасности поселиться въ *пещерѣ*, недоступной наблюденію дикарей и хищныхъ животныхъ мѣстнаго генераль-губернаторства. Несомнѣнно также, что его домъ и тутъ разнесло бы вдребезги (какъ и въ рассказѣ Дефо); но разнесъ бы не *фомъ*, а *фом-ила*, ибо „Робинзонъ“—какъ разъяснило бы „Новое Время“—фамилія еврейская. И въ концѣ концовъ, чувствуя себя не въ большей безопасности на Руси, чѣмъ Крузе на островѣ дикарей, нашъ Робинзонъ также удраля бы въ *Европу*.

Изъ всего сказаннаго ясно, что исторія Робинзона Крузе повторяется въ Россіи со всѣми подробностями. Иначе: г. Дурново, создавшій матеріалъ для этой исторіи,—тотъ же Даніэль Дефо. Разница только въ томъ, что Даніэль Дефо доказалъ *на словахъ*, какъ творческій геній человѣка и мирный трудъ создаютъ на первобытной почвѣ пустыни *огромную цивилизацію*; а г. Дурново доказалъ *на дѣлѣ*, какъ разрушительный геній и жестокость „политика“ обращаютъ *огромную цивилизацію въ развалины и пустыню*...

„ВЕСЕЛЕНЬКОЕ“

— Напишите что-либо веселенькое! — сказали мнѣ товарищи по редакціи, когда шла рѣчь о составленіи очереднаго номера журнала.

— Право, напишите что либо веселенькое!..

Я написалъ. Самое веселое въ жизни — сама жизнь. И я написалъ правду жизни. Пришелъ и сталъ читать...

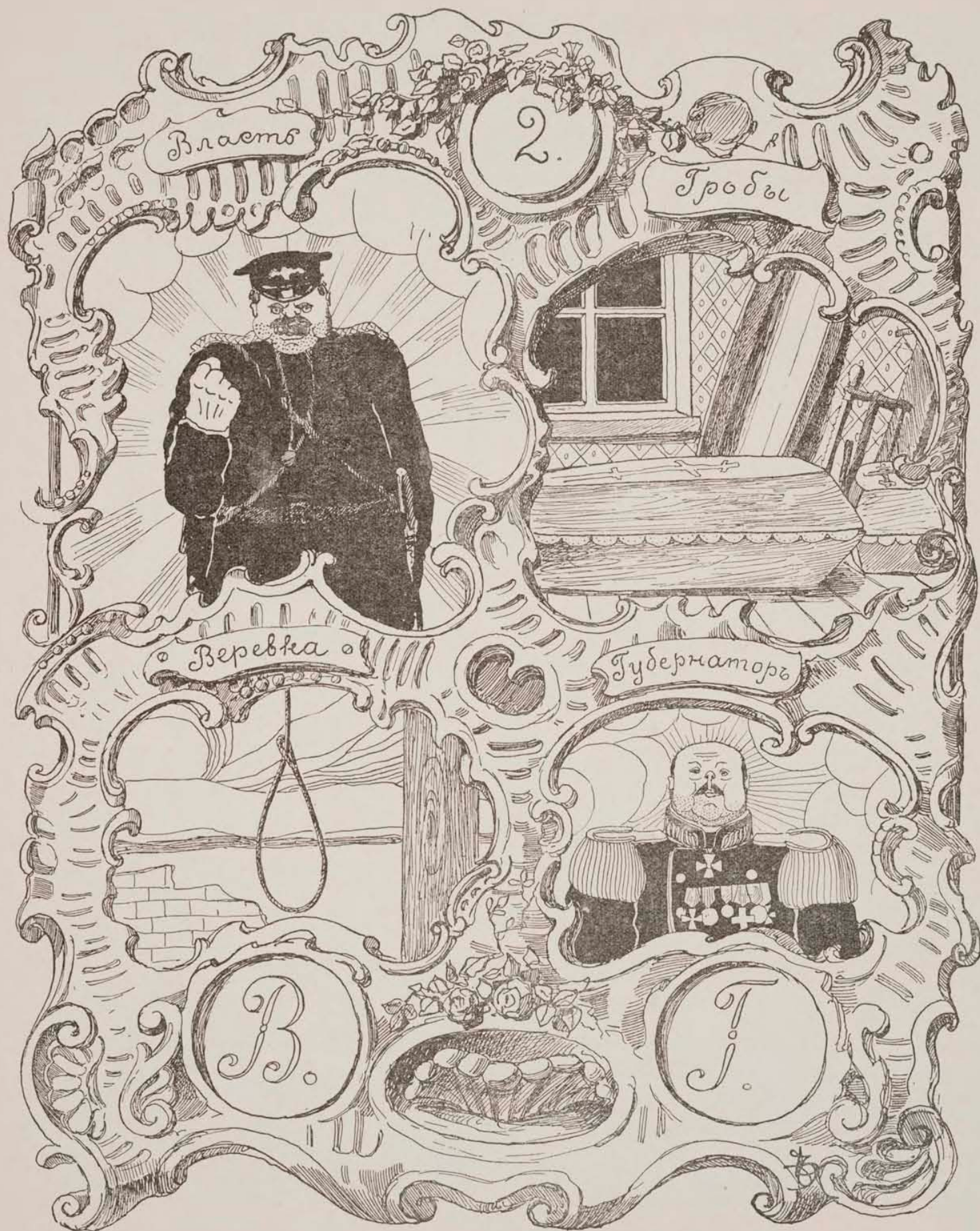
Я читалъ имъ быль жизни.—Читалъ о веснѣ, о солнцѣ, о радости жизни, о мучительной жадѣ свободы и счастья—и о крови, о казняхъ, о смерти, о ужасахъ произвола, о безпримѣрной нечеловѣческой жестокости, о гибели молодыхъ, свѣжихъ творческихъ силъ, о гнетѣ, развращающемъ человѣка, о рабствѣ, убивающемъ жизнь, о страшномъ безумномъ распадѣ жизни...

Я читалъ имъ быль русской жизни. И—удивительное дѣло: они *не смѣялись*!..

Духъ Банко.

Новая русская азбука съ картинками

(для дѣтей всѣхъ возрастовъ).

Отъ редакціи. Противно всѣмъ законамъ языка, наша иллюстрированная азбука выходитъ въ свѣтъ съ буквы «В». Первые двѣ буквы—«А и Б»—упразднены помимо редакціи вмѣстѣ съ № 10 «Спрута».

КУПЛЕТЫ

(на мотивъ: «Мнѣ палаты—Божій свѣтъ»).

Кровью залитьъ бѣлый свѣтъ;
 На Руси кручина...
 У премьера-жъ горя нѣтъ:
 Не житье—малина!
 Вкусно ѣсть, сладко пить
 И безъ усталы вретъ...
 Изолгавшись совѣмъ,
 Ненавистенъ сталъ онъ всѣмъ.
 На Руси, пора была:
 Адмираловъ чтили;
 А теперь ихъ за «дѣла»
 Больно не взлюбили:
 Потопивъ цѣлый флотъ,
 Бьютъ невинный народъ...
 Воду вдругъ не взлюбя,
 Кровью залили себя...
 Подари намъ, Рокъ, весной
 Дурново отставку.
 Мы министру на Сѣнной
 Вмигъ откроемъ лавку:
 Продастъ пусть овесъ,
 Русь прольетъ меньше слезъ,
 Станетъ лучше намъ жить,
 Легче родинѣ служить.

Сиріусъ.

ИЗЪ ГОГОЛЯ.

Всѣ тюрьмы были переполнены, такъ что
 некуда было ребенку попасть;—пришла Кон-
 ституція—и мѣста нашлись.

Одинъ только премьеръ... да и тотъ Витте.

ПО АНДРЕЕВУ-БУРЛАКУ.

Мужикъ. У насъ скотину угнали.
 Чиновникъ. А къ намъ Мендельсонъ при-
 ѣхалъ!

РАЗГАДКА.

— Какъ тебѣ нравится Гапонъ?
 — Его бѣднаго погубило Монте—Карло:
 тамъ онъ научился ставить и на красное
 и на черное.

Бустаръ.

УТѢШЕНІЕ.

— Могу васъ утѣшить—сказалъ нѣ-
 кій кроткій администраторъ осужден-
 ному имъ же на смерть:—черезъ три
 недѣли—не позже—смертная казнь въ
 Россіи будетъ отмѣнена. Такимъ обра-
 зомъ, ваша смерть, которая послѣ-
 дуетъ завтра утромъ, будетъ одной
 изъ послѣднихъ!..

Парламентаръ.

— Въ виду предстоящей отмѣны смертной
 казни предполагается, по слухамъ, рас-
 ширить сферу дѣйствія карательныхъ экспе-
 дицій и военныхъ судовъ.

Парламентаръ.

ХВАЛЕБНАЯ ПѢСНЯ САМОМУ СЕБѢ
Г. ГРЮНА.

Пытку арестованныхъ
 въ Варшавскомъ сыск-
 номъ отдѣленіи ввелъ
 недавно назначенный на
 должность начальника
 онаго Грюнъ.

«Русь» № 44.

Какъ поймали мы крамольника,
 Да забрали въ нашу часть,—
 То-то мы тамъ наигралися,
 Понатѣшилися всласть...
 Чтобъ по всѣмъ законнымъ правиламъ
 Свой допросикъ учинить,—
 Порѣшили мы крамольника
 Прямо на полъ положить...
 Да чтобъ уши то не слухали,
 Что не надобно слыхать,
 Мы ихъ палкой суковатою
 Со всего размаху—хватъ!..
 Перепонки—словно не было!..
 Вмигъ, какъ дерево, оглохъ...
 Тутъ ужъ легче мы къ допросу
 Приступили—съ нами Богъ!..
 Чтобы ноги не носились
 По собраньямъ и рѣчамъ,—
 Били палками крамольника
 По голяшкамъ и икрамъ...
 Потерялъ почти сознание,
 Только стонетъ: «дайте пить!»
 Мы не дали,—и насильственно
 Стали водку въ горло лить!..
 Какъ очнулся—вновь къ допросу:
 Отдохнуть не давъ ему,
 Изъ головки по волосику
 Стали рвать—по одному:
 Пусть не прячетъ за волосьями
 Тѣхъ крамольничьихъ идей!..
 А потомъ чуть-чуть досталось
 И подошвамъ отъ ногтей...
 Ну, потомъ на ноги подняли,
 Поддержали—и какъ разъ,
 Размахнувшись молодечески,
 Угодили въ правый глазъ!..
 А потомъ опять дубинами
 Мигомъ брякнули объ полъ...
 Легъ—ни съ мѣста... Мы компаніей
 Всѣ забрались на столъ...
 Видимъ—все онъ запирается
 И вины не сознаетъ,—
 Мы къ нему тутъ какъ запрыгали:
 Кто—на грудь, кто—на животъ...
 Стихъ... Сознался, значитъ. Подняли,
 Посадили вмигъ за столъ
 И велѣли о сознаниі
 Подписать нашъ протоколъ.

Духъ Банко.

РАЗБОРЧИВЫМЪ ФРАНЦУЗАМЪ.

Невѣрно о дѣлахъ ты судишь, гордый Галль,
 Коль мѣдъ и золото, мнишь не одинъ металлъ.

Бустаръ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г. г. Редакторъ.

Ради Бога, дайте мнѣ возможность черезъ
 посредство Вашего уважаемаго журнала, все-
 народно покаяться въ моемъ великомъ грѣхѣ
 предъ... графомъ Витте. Много грѣшилъ я
 противъ него въ Вашемъ журналѣ и въ
 другихъ изданіяхъ, изображая по силѣ отпу-
 щенной мнѣ Господомъ способности всѣ
 отрицательныя стороны сей великой госу-
 дарственной фигуры. Я искренно видѣлъ въ
 немъ одну изъ причинъ всѣхъ несчастій,
 обрушившихся на бѣдную Россію, рисовалъ
 его неспособность къ управленію, его не-
 искренность, нетвердость въ собственномъ
 словѣ, его непониманіе государственныхъ
 задачъ, отсутствіе какихъ либо политичес-
 кихъ убѣждений, жестокость его режима и
 пр., и пр.—чего я только про него ни писалъ—
 Господи помилуй! Каюсь! каюсь! каюсь! Mea
 culpa! Mea maxima culpa!

Только вчера я понялъ, какъ я былъ не-
 правъ предъ нашимъ премьеромъ. Вчера я
 прочелъ въ газетѣ слова графа Витте, ска-
 занныя имъ самимъ нѣкогда высоко—поста-
 вленной дамѣ. По этимъ словамъ оказы-
 вается, что гр. Витте не имѣетъ никакого
 отношенія къ русской внутренней политикѣ.
 Графъ сознается, что онъ—сплошной нуль,
 пѣшка, которую г. Дурново ставитъ на
 шахматной доскѣ политики, куда ему, г. Ду-
 рново, угодно... «Еслибы, сказалъ графъ
 Витте—г. Дурново пожелалъ меня повѣсить,
 то ему ничего не стоило бы это сдѣлать!»
 Вотъ что говоритъ о себѣ самъ премьеръ.

Поймите, г. редакторъ, какъ я долженъ
 себя чувствовать по прочтеніи этой газет-
 ной замѣтки. Боже мой, на кого я металъ
 громы? Кого осмѣивалъ? Кого винилъ?
 Пѣшку?! Нуль?! Человѣка, повиннаго въ
 томъ только, что онъ безпрекословно по-
 винуетъ тому, кто имъ владѣетъ? Но вѣдь
 это все равно, что смѣяться надъ бѣднымъ
 картоннымъ паяцомъ за то, что онъ кри-
 вляется подъ дергающей его веревочкой...
 Это жестоко—и—видитъ Богъ—мнѣ стыдно
 теперь за свои нападки на графа Витте!..
 Правда, я и раньше не очень вѣрилъ въ
 его самостоятельность, инициативу и силу.
 Я зналъ его политическое безсиліе и без-
 почвенность, но никоимъ образомъ не могъ
 предположить, что у премьеръ-министра
 какой бы то ни было страны они могутъ
 заходить такъ далеко, какъ зашли—по соб-
 ственному его признанію—у гр. Витте...

Вотъ почему я всенародно каюсь въ
 моемъ заблужденіи и искренно прошу у
 графа прощенія за всѣ мои критико-сати-
 рическія стрѣлы по его адресу, очевидно
 не по адресу направленные.

Большимъ утѣшеніемъ для меня была
 бы отставка нашего премьера: для него,
 послѣ его признанія въ полномъ безсиліи и
 безправіи, это было бы единственнымъ и
 лучшимъ актомъ его исторической дѣятель-
 ности, а для меня облегченіемъ; ибо боюсь,
 что если онъ останется на своемъ мѣстѣ,
 я, по старой привычкѣ (привычка—вторая
 натура!) буду опять прохаживаться на его
 счетъ. А это теперь уже для меня совѣмъ
 неудобно...

Съ почтеніемъ Духъ Банко.

Открыта подписка на 1906 годъ.

„СПРУТЪ“

Художественно - сатирический журналъ. Выходитъ еженедѣльно.
 Размѣръ журнала отъ 8—12 страницъ.
 Подписная цѣна на 1 годъ 3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Спб.—5 коп. Въ друг. город. 7 коп.

Авторовъ просятъ направлять художественный и литературный матеріалъ въ редакцію «Спрута» (СПб. Фон-
 танка, 80, кв. 10). Непринятые къ напечатанію рукописи авторамъ не возвращаются.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по четвергамъ 4—5 часовъ.

Все—по закону.

Жандарм. А-а?! Вы ребенка кормите! А имѣется у васъ на сіе разрѣшеніе?..

— Хорошо-ли сидить?

Пиртний. Не извольте беспокоиться, ваше—ство ...

— Хорошо-ли сидить?

Часовой. Не извольте беспокоиться, ваше—ство!

МОЛИТВА.

Отцы пустыnnики, и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетѣть во области заочны,
Чтобъ охранить себя отъ дольных бурь и битвъ,
Сложили множество прекраснѣйшихъ молитвъ.
Сложу молитву я, какъ тѣ, во время оно:
«Избави Господи Варшаву отъ Скалона!
«На русскую печать не насылай ты морь—
«И Камышанскаго возьми подъ свой надзоръ.
«Отъ гнусныхъ торгашей очистившаго храмы,
«То жъ, просимъ повторить теперь опять тебя-мы;
«Художниковъ возьми Господь подъ Свой покровъ,—
«Изъ храмины искусствъ исторгни цензоровъ...
«Ты чудо сотворилъ, Господь, во время оно,
«Заставивши цвѣсти дубину Аарона,—
«Вотъ матеріаль тебѣ совсѣмъ почти таковъ:
«Цвѣтами разума пусть расцвѣтетъ Шиповъ...
«Внемли, о Господи, мольбамъ усерднымъ Россовъ:
«Пусть станетъ поумнѣй немного Карангозовъ!
«Хоть трудно то, но знаю, для небесъ
«Нѣтъ невозможнаго: ждемъ отъ тебя чудесъ!
«Въ кита запрятанъ былъ тобой пророкъ Іона
«Запрячь куда нибудь теперь попа Гапона!
«Чтобъ провокаторовъ смирить, о Боже, прыть,—
«Какъ фараона ихъ нельзя-ли утопить?
«Отъ Витте защити десницею своею:
«Двуликую главу сотри, о Боже, змѣю!
«Нѣсть Эллинъ, нѣсть Іудей,—такъ завѣщаль Христосъ:
«Храни ихъ Господи, чтобъ Нейдгардтъ не разнесъ!
«Вѣдь Валаамову ты вразумилъ скогину,—
«Пошли, о Господи, Ты откровенье Мину!
«Ты, въ львиной челюсти производившій медь,
«Такъ сдѣлай, чтобъ заросъ бурьяномъ пулеметь...
«Насъ отъ ненужнаго спаси, о Боже, сора:
«Дубасову болѣзнь Навуходоносора
«Пошли. Еще о чемъ просить Тебя хочу:
«Пошли Ты на овесъ казенный саранчу.
«Надъ Безобразовымъ, о сотвори Ты чудо—
«Вѣдь на осинѣ-же повѣсился Іуда!
«Самъ знаешь, Господи: Іуда нашихъ дней,
«Пожалуй, древняго Іуды поподлѣй.
«Но все-же болѣе молю Тебя всего:
«Избави поскорѣй Ты насъ отъ Дурново!..

Б. Вилли.

КЪ ОТМѢНѢ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

— Говорятъ 25 марта, будетъ отложена смертная казнь.
— Говорятъ...
— А пока что?..
— А пока-пусть охотнички позабавятся еще: вѣдь послѣ
отмѣны уже нельзя будетъ такъ свободно...

* * *

Войскамъ приказано строжайше водворить
Спокойствіе путемъ лишь «увѣщанія»...
Вы думаете то Россія, можетъ быть?
Нѣтъ, ошибаетесь, то—«дикая» Албанія!

Б. Вилли.

ВѢСТИ И СЛУХИ.

Мы слышали, что полковникъ Риманъ предается суду
потомства.

— Намъ передаютъ, что правительство начинаетъ жалѣть о
томъ, что впуталось въ войну съ Японіей, такъ какъ потеря
мѣста «столь отдаленнаго», какъ Сахалинъ, весьма ощутительна
передъ выборами въ Государственную Думу.

— Намъ сообщаютъ изъ Парижа, что тамъ напали на слѣды
поддѣльвателей русской золотой монеты, благодаря тому, что
предъявленна къ размѣну въ одномъ изъ банковъ десятируб-
левая монета при провѣркѣ оказалась содержащей законное
количество золота. Предъявитель арестованъ, по требованію
русскаго консула.

Къ событіямъ въ «человѣколюбивой» гимназіи...

„ВОЛШЕБНЫЯ ЯЙЦА“.

СКАЗКА.

Еще тогда, когда люди не дѣлили между собою земли, когда не было между ними ни дворянъ, ни купцовъ, ни помѣщиковъ, въ царство, про которое еще до сей поры сказки пишутся, прилетѣла черная птица, сѣла на площади, снесла два яйца и опять улетѣла.

Три дня и три ночи яйца пролежали на площади. Никто къ нимъ не притронулся.

Но вотъ пришли къ этому мѣсту незнакомые люди и завладѣли яйцами: хитрые они были другихъ.

И какъ пришли хитрые люди, такъ и не уходили—остались на площади. Яйца они положили въ золотой ларчикъ, на площади повѣсили колоколь и стали звонить.

Собрался народъ и хитрые люди сказали ему:

«Отнынѣ ты не воленъ въ себѣ. Теперь ты будешь жить по нашему указу и платить намъ дань».

И понялъ тогда народъ, что въ яйцахъ тѣхъ кромѣшная сила заключается, и сталъ платить хитрымъ людямъ дань, во всемъ ихъ слушаться.

Раньше народъ жилъ тихо да смирно. Работалъ только для себя. И никто надъ нимъ силы не имѣлъ. Съ этихъ поръ люди стали жить въ разладъ. Появилась между ними вражда. Понадобились судьи. Тюрьмы вездѣ понастроили.

И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже жилось народу. Народились бояре, дворяне и люди служилые. И всѣ они могли звонить въ колоколь и получать съ народа дань.

Долго ли-коротко ли народъ мотался и потъ проливалъ, только однажды собрался на площадь и сталъ требовать, чтобы хитрые люди золотой ларчикъ съ яйцами отъ черной птицы ему выдали.

Но у хитрыхъ людей много было воиновъ. Они разогнали народъ палицами да стрѣлами.

Народъ отъ этого не успокоился. По всей землѣ смута пошла.

* * *

У одного бѣднаго мужика этой земли родился мальчикъ, ростомъ съ пальчикъ. Прожилъ мальчикъ съ пальчикъ у своего отца три дня да и говорить: «Тятка, прощай! Пойду смотрѣть, какъ люди добрые на свѣтѣ живутъ».

Во многихъ мѣстахъ мальчикъ съ пальчикъ побывалъ, ума разума набрался, опять вернулся въ свое село и пошелъ по дворамъ. Онъ сталъ рассказывать про то, какъ можно выручить отъ хитрыхъ людей ларчикъ съ волшебными яйцами.

Провѣдали хитрые люди про это и посадили мальчика съ пальчикъ въ темницу. Но мальчикъ съ пальчикъ былъ проворный и скоро бѣжалъ. Опять пошелъ по дворамъ и опять сталъ говорить:

«Въ чистомъ полѣ, недалеко отъ села, около того мѣста, гдѣ птичка-невеличка съ красными перышками свила себѣ гнѣздо, растетъ дерево».

Дерево не простое, а волшебное: оно въ два раза сильнѣе яицъ отъ черной птицы, которыми завладѣли хитрые люди. Срубите это дерево и сдѣлайте изъ него вилы...

Почуяли хитрые люди, что дѣла ихъ швахъ, и рѣшили взять обманомъ. Послали во всѣ концы гонцовъ съ грамотой, въ которой было написано, чтобы народъ собирался на площадь дѣло миромъ кончить.

Міряне повѣрили грамотѣ и отправились на площадь.

Мальчика съ пальчикъ опять накрыли хитрые люди и снова посадили въ темницу.

Когда міряне собрались на площади, хитрые люди объявили имъ:

«Чтобы никому обидно не было, раздѣлимъ яйца поровну: одно у себя оставимъ, а другое отдадимъ вамъ, потому сила въ нихъ одинаковая. Только для этого намъ дайте срокъ—подождите немного».

Міряне были сговорчивы, повѣрили этому и стали ждать.

Ждали, ждали міряне и дождались...

Вручили имъ хитрые люди долгожданное яйцо. Но оно оказалось пустымъ.

Далай-Норъ.

Успокоение

Цѣна 5 коп.

Цѣна въ Спб. 5 к.

№. 12.

Цѣна въ провинціи 7 к.

СПРУТЪ

15 Марта 1906 года.

— Такой маленькій,—а такой злой и такъ пыжится!..

Великій Сибирекій путь.

— Чортъ возьми, что такое... Объявили амнистію и не позаботились выстроить вторую колею!..

Сиб. 15-10 Марта 1906 г.

Постоянно совершенствуясь, правительство наше становится все болѣе и болѣе неподражаемымъ, безусловно единственнымъ въ своемъ родѣ.

Внимательно взглядываясь въ его нѣсколько однообразную, но геніальнаго размаха дѣятельность, приходишь въ невольное смущеніе: точно стоишь на порогѣ чего то волшебнаго, непонятнаго, сверхъестественнаго.

Это приблизительно тоже чувство, которое испытываешь въ циркѣ или въ музеѣ-паноптикумѣ при видѣ человѣка съ желѣзнымъ желудкомъ или глотателя шпаги: человѣкъ съ самымъ милымъ и естественнымъ видомъ, засовываетъ себѣ въ глотку, по самую рукоятку, острые шашки, шпаги, ножницы, отправляетъ въ свой желудокъ булавы, керосинъ, чернила и т. п. и невозможныя вещи, и—какъ это ни странно,—съ нимъ ничего особеннаго не приключается. Онъ съ любезной улыбкой расшаркивается передъ публикой и съ торжествующимъ видомъ удаляется за кулисы.

Въ Борисоглѣбскѣ, агенты нашего богоподобнаго правительства, отмѣченные особою печатью, талантливые Абрамовъ и Ждановъ подвергли самымъ утонченнымъ и безобразнѣйшимъ мученіямъ беззащитную дѣвушку. Съ виртуозностью, достойной средневѣковыхъ палачей, они тушили свои папирсы о ея замученное тѣло. Въ концѣ концовъ несчастная дѣвушка въ полусознательномъ состояніи оказалась уже въ полной власти доблестнаго офицера г-на Абрамова, который и не замедлилъ воспользоваться всѣми своими безспорными преимуществами...

Варшавское сыскное отдѣленіе ввѣрено не менѣе талантливому г-ну Грюну, судившемуся нѣсколько лѣтъ тому назадъ за вымогательство и взысканіе, лишенному за это по суду правъ состоянія и препровожденному затѣмъ въ арестантскія роты. Получивъ столь неожиданно значительную сумму новыхъ правъ, сей мужъ устроилъ въ своемъ новомъ царствѣ застѣнокъ и добросовѣстно пытается свои жертвы...

По всей Россіи разстрѣливаютъ и вѣшаютъ тысячи русскихъ гражданъ по приговорамъ мифическихъ военно-полевыхъ судовъ и безъ оныхъ...

Въ Сибири свирѣпствуетъ Ренненкамфъ, Меллеръ-Закомельскій, возя съ собой въ своемъ вагонѣ прекрасную гастролершу съ черепомъ на плечахъ и косою въ рукѣ.

И т. д. и т. д. до безконечности.

И что-же? Все это не производитъ рѣшительно никакого впечатлѣнія на нашъ знаменитый „кабинетъ“ сверхчеловѣковъ Витте-Дурново. Весь нашъ кабинетъ цѣликомъ точно выкованъ изъ металла и камня. У нашихъ премьеровъ не одинъ только желудокъ, но и все остальное, сдѣлано (быть можетъ, гальваническимъ способомъ) изъ мѣди или желѣза. На нихъ ничто не дѣйствуетъ. Они по прежнему продолжаютъ показываться передъ публикой, чревоушцы и глотать безбоязненно все, что угодно, по временамъ любезно улыбаясь.

Почтеннѣйшая публика искренно недоумѣваетъ, но во всякое время со скорбью въ сердцѣ можетъ убѣдиться „что здѣсь нѣтъ никакого оптического обмана“!

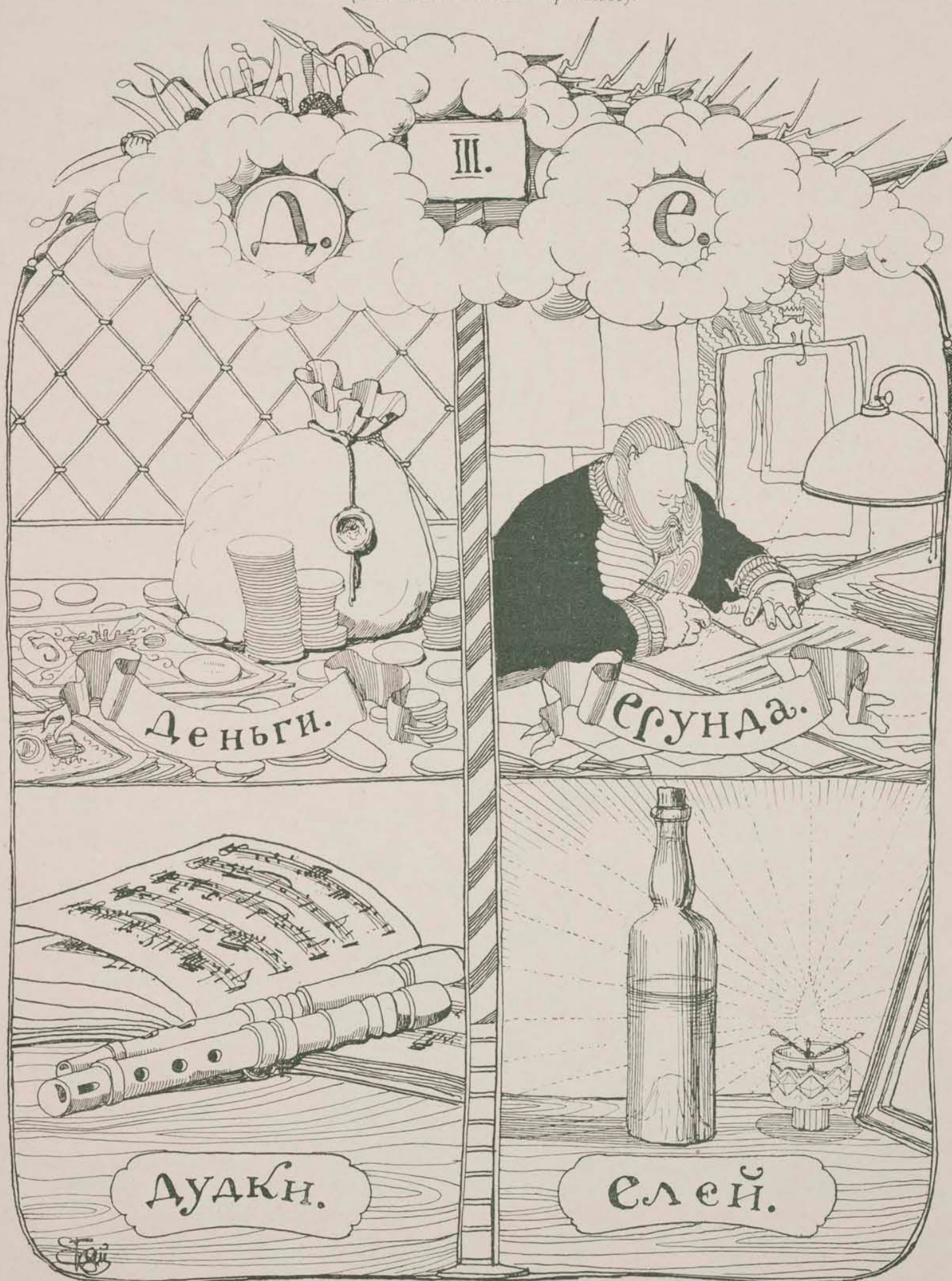
Намъ передавали изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ, будто на иныхъ покойныхъ шпагоглотателей въ министерскомъ чинѣ, производили нѣкоторое впечатлѣніе металлическіе шарики: чревоушцы съ трескомъ взлетали на воздухъ; но такія дѣйствія закономъ считаются безусловно преступными.

Насъ интересовалъ бы только результатъ прикосновенія хотя бы маленькой дамской дымящейся папироски къ носу, ну... хотя бы нашего геніальнаго премьера...

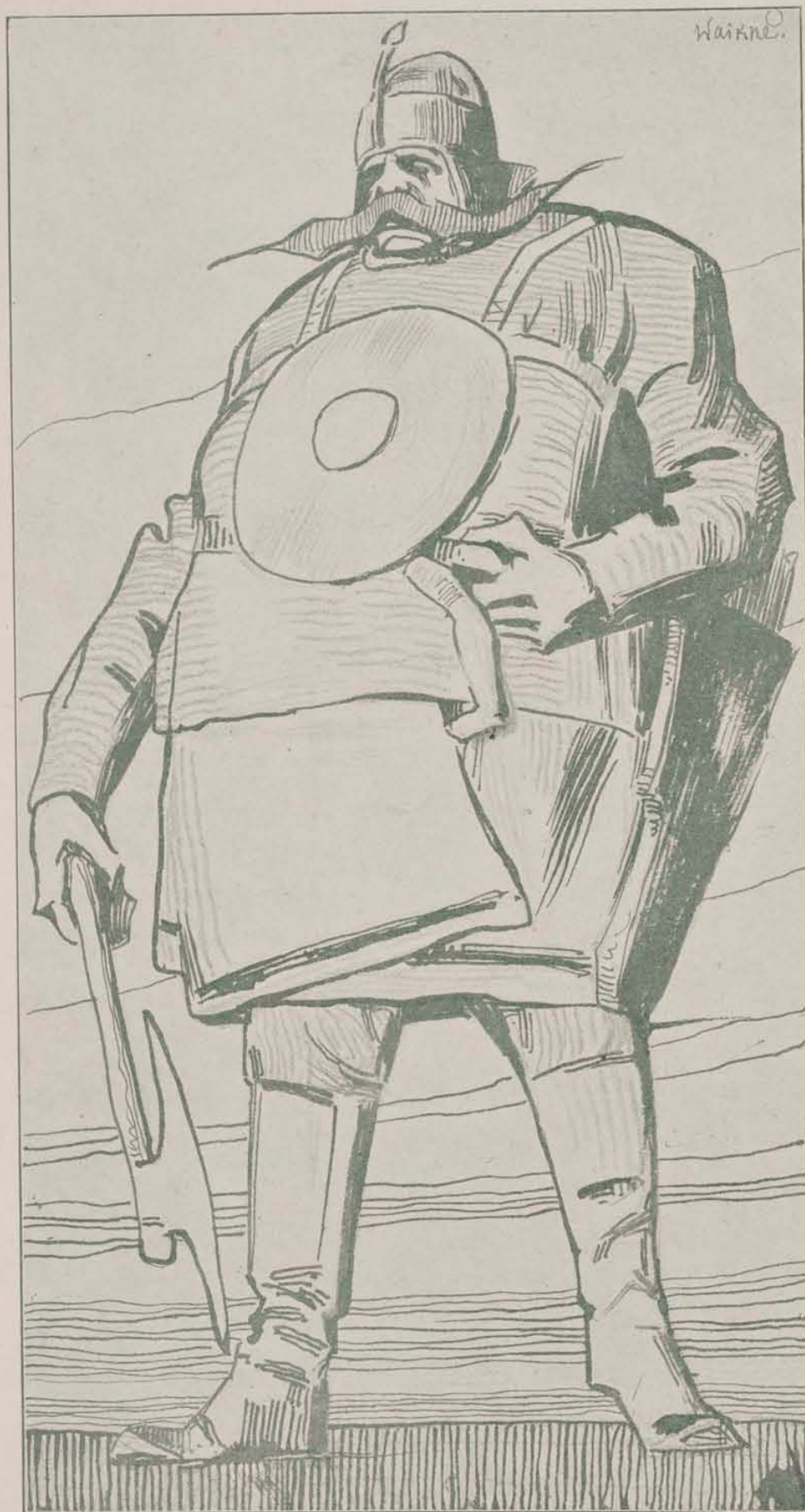
НЕВѢРОЯТНЫЙ СЛУХЪ.

Чтобы привести въ соотвѣтствіе законъ съ дѣйствительностью, рѣшено будто бы включить въ Уголовное уложеніе— изнасилованіе, какъ мѣру наказанія за политическія преступленія.

Новая русская азбука съ картинками
(для дѣтей всѣхъ возрастовъ).

Генераль Ренненкампфъ.

Покоритель Сибири.

Вся въ грязи, въ дыму, въ огнѣ,
Кровью Русь залита...
Воронъ каркаетъ во тѣмѣ:
«Разстрѣляли Шмидта!..»

Вьются тѣни мертвецовъ.—
Вся земля покрыта..
Страшенъ стонъ ихъ голосовъ:
«Разстрѣляли Шмидта!..»

А на островъ пустомъ,
Гдѣ могила скрыта,
Волны въ берегъ бьются, какъ громъ:
«Разстрѣляли Шмидта!..»

Все погибло: право, честь,
Истина убита..
Дышитъ смертью злая вѣсть:
«Разстрѣляли Шмидта!..»

Будутъ дни святыхъ побѣдъ!
Будетъ зло забыто,—
И расскажетъ внуку дѣдъ:
«Разстрѣляли Шмидта!..»

Духъ Банко.

НА ЭКЗАМЕНЪ.

Учитель. — Какъ будетъ превосходная
степень отъ прилагательнаго тихій?

Ученикъ. — Благонадежный.

Шмель.

НЕ ТАКЪ ПОНЯЛЪ.

— Не понимаю, почему общество такъ
нападаетъ на нашу судъ. По моему онъ —
вполнѣ правый.

— ???!!!

— А что же, по вашему, онъ — левый?

— А! Виновать, я сначала не такъ по-
нялъ...

С. О. Шаровъ прислалъ
графу Витте шесть сере-
бряныхъ ложекъ для осно-
ванія новаго металличе-
скаго фонда.

Изъ газетъ.

Металлическій запасъ
Мы истратили до крошки—
Но Господь Россію спасъ:
Есть серебряныя ложки.

Духъ Банко.

ЛЕТУЧІЕ ДІАЛОГИ.

— Отчего адм. Дубасовъ окру-
жаетъ себя такой обильной охра-
ной?

— Отъ излишней храбрости.

— Какая разница между абсо-
лютной монархіей и конституціон-
ной?

— Поясню примѣромъ: по за-
конамъ абсолютной монархіи та-
кѣ разбойники, какъ Абрамовъ
и Ждановъ, были бы посланы въ
каторгу. А по законамъ консти-
туции — какъ у насъ, напр. — они
получаютъ награды...

— Подпиши — и проваливай!..

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Сидѣлъ я, измученъ работой журнальной.
Усталыя мысли лѣниво текли,
Влача за собой вереницей печальной
Угрюмыя сказки російской земли.
И вдругъ, какъ улыбка осенней природы,
Прорѣзавшей тьму Богомъ проклятыхъ мѣсть,
Даря намъ основы гражданской свободы,
Зарницю яркой блеснула манифестъ.
Забыты печали, забыты невзгоды,
Собрался толпою веселой народъ;
Съ сердцами, согрѣтыми солнцемъ свободы,
Мы двигались съ пѣньемъ спокойно впередъ.
Трескъ ружей... Смятеніе.. Безъ стона, безъ звука
Глухое паденье безжизненныхъ тѣлъ...
Свобода собраній — хорошая штука,
Но скверенъ толпы беззащитной разстрѣлъ...
Союзовъ Союзъ... Рѣчь, звучащая смѣло...
Проводятся въ жизнь дорогія мечты...
Свобода союзовъ — хорошее дѣло,
Но скверная штука безспорно — „кресты“...
Задумался я... Но очнулся отъ стука
Тюремной кареты, въѣзжавшей во дворъ...
Свобода печати — хорошая штука,
Но скверная вещь — прокурорскій надзоръ!

В. Вили.

СВѢТСКАЯ ХРОНИКА.

На дняхъ въ Петербургѣ былъ данъ грандіозный балъ. Собралось самое блестящее общество. Назовемъ au hasard великаго мореплавателя адмирала Дубасова, рѣдкаго начальника полиціи Вуича, настоящаго корнета Фролова, шефа жандармовъ Дедюлина, просто жандармовъ и мн. др. Нѣкоторые приглашенные, за дальностью разстоянія и неврученіемъ повѣстокъ, явиться не могли. На лѣстницѣ стояли не менѣе блестящіе лакеи въ новенькихъ фракахъ и форменныхъ брюкахъ. Къ пріѣзжающимъ они относились очень внимательно; осматривали ихъ съ ногъ до головы, а затѣмъ опускали руку въ карманъ, чтобы по фотографическимъ снимкамъ еще разъ налюбоваться дорогимъ гостемъ. Танцами дирижировалъ корнетъ Фроловъ, показавшій себя умѣлымъ распорядителемъ не только на улицѣ, но и въ порядочной гостинной; послѣ каждаго танца для увеселенія публики имъ исполнялось *pas de force*.

Растроганный хозяйинъ во время ужина пилъ съ очаровательнымъ корнетомъ брудершафтъ.

Шампанское лилось рѣкой; а чтобы выстрѣлами не раздражать перваго хозяина, оно откупоривалось въ отдаленныхъ комнатахъ.

Фрукты подавались массою; причемъ въ видахъ предосторожности вмѣсто апельсинъ подавались абрикосы.

О балѣ этомъ говорилось очень много даже за границей, но расходы на него все же пришлось покрывать изъ собственныхъ средствъ.

Шимоза.

* * *

Природа чудеса свои намъ шлетъ
не зря:
Они имѣютъ смыслъ зловѣщій, но
глубокій:
Восходитъ съ запада свободная
заря,
Заря правительства заходитъ на
востокъ!
Б. Вилли.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗГОВОРЪ.

Пьяный (постъ).— Э-эй, свобо-о-душка родимая моя!..

Городовой.— Ну, ты, Сицилистъ Демократовичъ—заткни глотку то, коли не хочешь свободушки въ участкѣ.

Пьяный.— Молчи, фараонъ чрезвычайный. Я те самъ забастовку покажу!..

Городовой (свиститъ). Собираются дворники.— А ну, ребята, пропишите ему Конституцію, да покрѣпче.

(Дворники проводятъ конституцію по программѣ графа Витте).

НЕПОНЯТЛИВЫЙ.

— Вы слышали: былъ балъ у Дурново... Прекрасный балъ... — И что же, ничего?...
— Какъ — „ничего“? И пили, и плясали... Играли въ винтъ и въ фанты, и въ лото... Такъ весело... — Да нѣтъ, я не про то!...
— Про что же? — Никого не разстрѣляли?!

Духъ Банко.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ НА ЗЛОБУ ДНЯ.

— Какія измѣненія внесъ въ положеніе о Государственной Думѣ законъ 20 февраля?

— Освободилъ ее отъ многосложныхъ и неблагозвучныхъ для правительственного стиля эпитетовъ.

— Какъ такъ?

— Да очень просто: по закону 6-го августа Дума была органомъ законосовѣтательнымъ, по закону 17 октября она стала органомъ законодательнымъ, а по закону 20-го февраля она превратилась просто въ органъ, на которомъ будутъ разыгрываться веселые романсы композиціи г.г. Витте-Дурново.

Тисъ.

ЛИСА И МЕДВѢДЬ.

Лиса на медъ Медвѣдя разъ
польстилась...

Воруя раньше медъ тайкомъ,
Стащить запасы цѣликомъ
Рѣшилась.

Не менѣе Лисы нашъ Мишка медъ
любиль,
Онъ добывалъ его тяжелыми тру-
дами —

И днями, и ночами

Запасы сторожилъ.

И видитъ Лисанька, что съ медомъ
дѣло плохо,

И безъ подвоха

Ей лакомства никакъ не раздобыть,—

И стала для сосѣда яму рыть...

Покрывъ ее травой и дерномъ,

Она сосѣда по утрамъ

Звала гулять по рощамъ и лугамъ,

Забоясь о немъ въ усердіи

притворномъ.

И Мишенька съ сосѣдкою гулялъ,

Въ бесѣдахъ мнѣнія отстаивалъ

упрямо,

О томъ, что для него готова яма,—

Не помышлялъ...

И вдругъ Сорока-кумушка Медъ

вѣду все открыла...

Медвѣдя взмыло:

Такъ вотъ кого онъ другомъ на-
зывалъ

И сторожить имущество поставилъ!

Кого кормилъ, поилъ и обувалъ...

А онъ хитрилъ, а онъ лукавилъ...

Лиса была не другомъ, а врагомъ,

И онъ врагу такъ слѣпо довѣрялся...

И встрѣтившись съ Лисою вечер-
комъ —

Хватъ лапой въ лобъ — лишь мокрый
слѣдъ остался...

Чортъ Лиловый.

!!!НУЖНЫ ПАЛАЧИ!!!

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ.

Завѣдомаго вора не всегда дѣлаютъ губернаторомъ.

Если хочешь стать уродомъ, постарайся попасть въ участокъ.

Если на лбу осла прочтешь: „се левъ“, — не вѣрь глазамъ своимъ.

Когда черезчуръ часто требуютъ твоего довѣрія, знай — тебя собираются обмануть.

Если услышишь разговоръ объ овсѣ, не воображай, что непременно рѣчь идетъ о министрѣ.

Величайшимъ мудрецомъ сочти того, кто укажетъ тебѣ предѣлы полицейской разнузданности.

Списалъ изъ Козьмы Пруtkова

Сиріусъ.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

— Подавай паспортъ!

— Я по профессіи хулиганъ, по направленію патріотъ, посему имѣю право проживать повсемѣстно безъ паспорта.

— Можешь идти къ своему дѣлу.

ЛЕКЦІЯ.

„Ставятъ первымъ вамъ условьемъ —

„Наблюдайте всѣхъ ретиво...

„За учащимся сословьемъ

И рабочимъ —особливо“!..

„Всѣхъ хватайте, для острастки“!..

Кто же это поучаетъ?..

Это дворникамъ въ участкѣ

Приставъ лекцію читаетъ!..

Никто.

Открыта подписка на 1906 годъ.

„СПРУТЬ“

Художественно-сатирический журналъ. Выходитъ еженедѣльно. Размѣръ журнала отъ 8—12 страницъ.

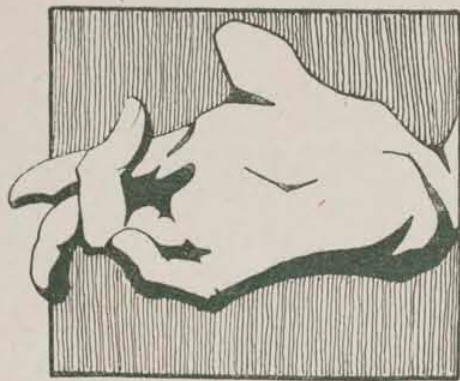
Подписная цѣна на 1 годъ 3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Спб. — 5 коп. Въ друг. город. 7 коп.

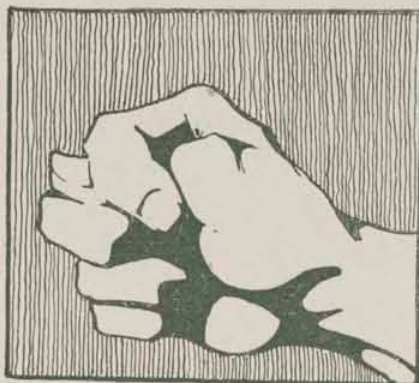
Авторовъ просятъ направлять художественный и литературный матеріалъ въ редакцію „Спрута“ (СПб. Фонтанка, 80, кв. 10). Непринятые къ напечатанію рукописи не возвращаются. Пріемъ по дѣламъ редакціи по четвергамъ 4—5 час.

НАГЛЯДНАЯ ХИРОСОФИЯ.

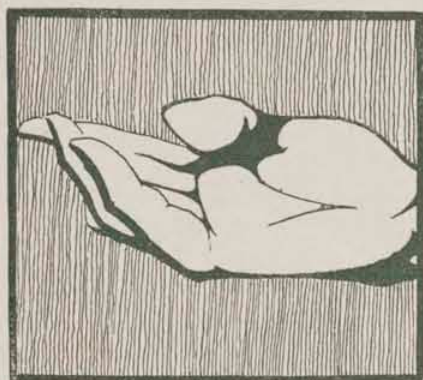
Полноправный русский гражданинъ.

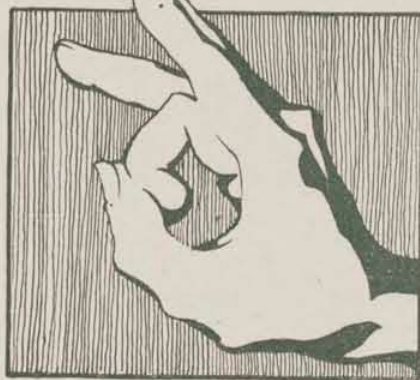
Банкиръ.

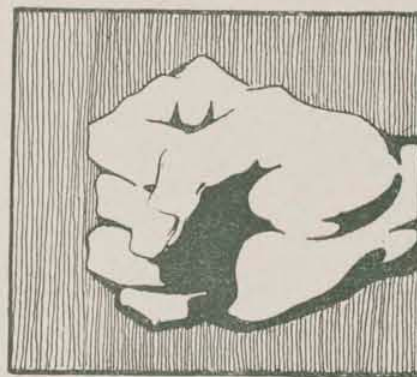
Министръ Внутреннихъ дѣлъ.

Министръ финансовъ.

Японецъ.

Генераль-Губернаторъ.

СОНЪ НА ЯВУ.

(Политическій романъ).

Глава I.

Я видѣлъ страшный сонъ...

Мнѣ снилось, что я повѣрилъ въ неприкосновенность личности и прочіе дары русской конституціи и вышелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ... Настроение у меня было самое жизнерадостное, ибо я только что прочелъ номеръ „Руси“ съ подробными описаніями пытокъ Грюна въ Варшавѣ, истязаній Спиридоновой, разстрѣловъ, повѣшеній, избійеній во всѣхъ концахъ Руси великой. Я вышелъ на улицу съ радостнымъ чувствомъ гражданина совершенно свободнаго отъ обязанности заботиться о своей кончинѣ и гордымъ сознаниемъ сына великой страны, управляемой незыблемыми никѣмъ (кроме власти) законами—на началахъ истинной политической и гражданской свободы. Мое настроеніе еще болѣе приподнялось, когда я остановился у стѣны сосѣдняго дома, на которой сіяло свѣтомъ невинности бѣлое объявленіе петербургскаго градоначальника о томъ, что въ столицѣ приняты всѣ мѣры къ огражденію личной и имущественной безопасности жителей... И читая его, я думалъ радостно, что если меня не заберетъ сейчасъ въ участокъ поставой городской за то, что у меня не хватаетъ въ шубѣ одной пуговицы, и если въ участкѣ же меня не обратятъ въ существо средняго рода, и если наконецъ ночью ко мнѣ не вломится въ домъ за обыскомъ полиція—то я дѣйствительно окажусь на эту ночь неприкосновеннымъ...

Я не успѣлъ окончить чтенія правительственно-благотѣльнаго документа, какъ почувствовалъ на своей шеѣ чье то горячее дыханье и черезъ секунду чувствительный толчекъ въ затылокъ, заставившій меня прилечь устамъ къ объявленію градоначальника. Хотя талантъ г. фонъ-деръ-Лауница несомнѣнно и стоитъ поклопенія, но все же не столь эксцентричнаго, и потому я обернулся, чтобы узнать, кто такъ ретиво-благотѣльно чувствуетъ правительственные акты за счетъ моего затылка и носа, точно Суворинъ и Грингмутъ, присягающіе на вѣрность г. Дурново отъ имени народа.

Я обернулся и обомлѣлъ: предо мной была голова лошади. Я изумился.

Я знаю, какіе успѣхи сдѣлало въ Россіи за послѣдній годъ народное образованіе въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но все же не полагалъ, что у насъ и лошади ух! грамотны и читаютъ полицейскія объявленія. Мое недоумѣніе однако скоро разсѣялось, такъ какъ я услышалъ голосъ сверху:

— Эй, сволочь!..

Читать еще—кое какъ, но говорить лошадь, очевидно, не могла. Этого даже русская конституція не можетъ сдѣлать. Впрочемъ, политика г. Дурново можетъ заставить говорить и камни, но—все же этотъ голосъ, какъ и конструкция фразы, могли,

по моему, принадлежать только животному покрупнѣе, и непременно изъ казенныхъ... Однако я такъ и не успѣлъ опредѣлить, кто кричалъ... На конѣ видѣлась фигура: не то ген. Ренненкампфъ, не то адмиралъ Дубасовъ, не то Чухнинъ, не то... Богъ знаетъ кто... Я только успѣлъ сообразить, что это одинъ изъ проводниковъ началъ гражданской свободы, ибо онъ поднялъ руку, рука подняла нагайку,—и я, на мгновеніе испытавъ всю сладость неприкосновенности личности,—сразу очутился въ царствіи небесномъ...

Глава II.

Я, т. е. уже не я, но моя душа, выпущенная на свободу изъ брениной оболочки добросердечнымъ представителемъ твердой власти, летѣла въ высь со скоростью истинно-русскаго гражданина, удирающаго за границу изъ любви къ родинѣ, или члена союза русскихъ людей, бѣгущаго на еврейскій погромъ. О своей земной оболочкѣ, т. е. тѣлѣ свободнаго гражданина моя душа не заботилась ни одной минуты: она знала, что если въ Россіи немного земли для крестьянской пахоты, то для могилъ ея достаточно, и что даже военное положеніе не противъ похоронъ, а наоборотъ, даже очень ихъ поощряетъ. Поэтому, рассчитавшись съ тѣломъ, потерявшимъ теперь всякую цѣнность, такъ какъ его нельзя было уже ни бить, ни сѣчь, ни инымъ образомъ—по абрамовски—пытать, моя душа, презрѣвъ всѣ обязательныя постановленія, понеслась безъ паспорта прямо въ рай...

Двери рая оказались, однако, запертыми на всѣ засовы.

— Должно быть ждутъ погрома, или здѣсь объявлено военное положеніе—подумалъ я по привычкѣ и сталъ искать у себя свидѣтельство о благонадежности или хоть номеръ „Русскаго Государства"... Но я былъ безплотенъ, какъ еврей-эксплуаторъ изъ черты осѣдлости или какъ русская конституція, и у меня не только кармановъ, но и пазухи не было, такъ что если бы кому либо пришла фантазія принять меня за интенданта изъ послѣдней войны или члена Краснаго Креста и дать мнѣ крупную взятку—то мнѣ некуда было бы ее положить... Конечно, я не нашелъ у себя ничего, чѣмъ могъ бы удостовѣрить свою личность, и рѣшилъ постучаться на авось... Во-первыхъ, „авось"—это—родной мнѣ догматъ русскаго міропониманія (мы такъ и дипломатствовали, и воевали, и теперь управляемъ—и слава Богу живы: хоть не всѣ, но—живы!); во-вторыхъ, чѣмъ я рискую: вѣдь я уже конституцію получилъ, уже мертвъ, а дважды убить не могутъ даже по суду; въ-третьихъ, моя душа—скомканная, истрепанная, истерзанная и напитанная кровью, какъ губка, должна была, по моему убѣжденію, сразу убѣдить привратника, что это душа русскаго свободнаго гражданина, а это уже достаточно говорило объ ея невинности...

И я постучался...

Духъ Банко.

(Продолженіе будетъ).

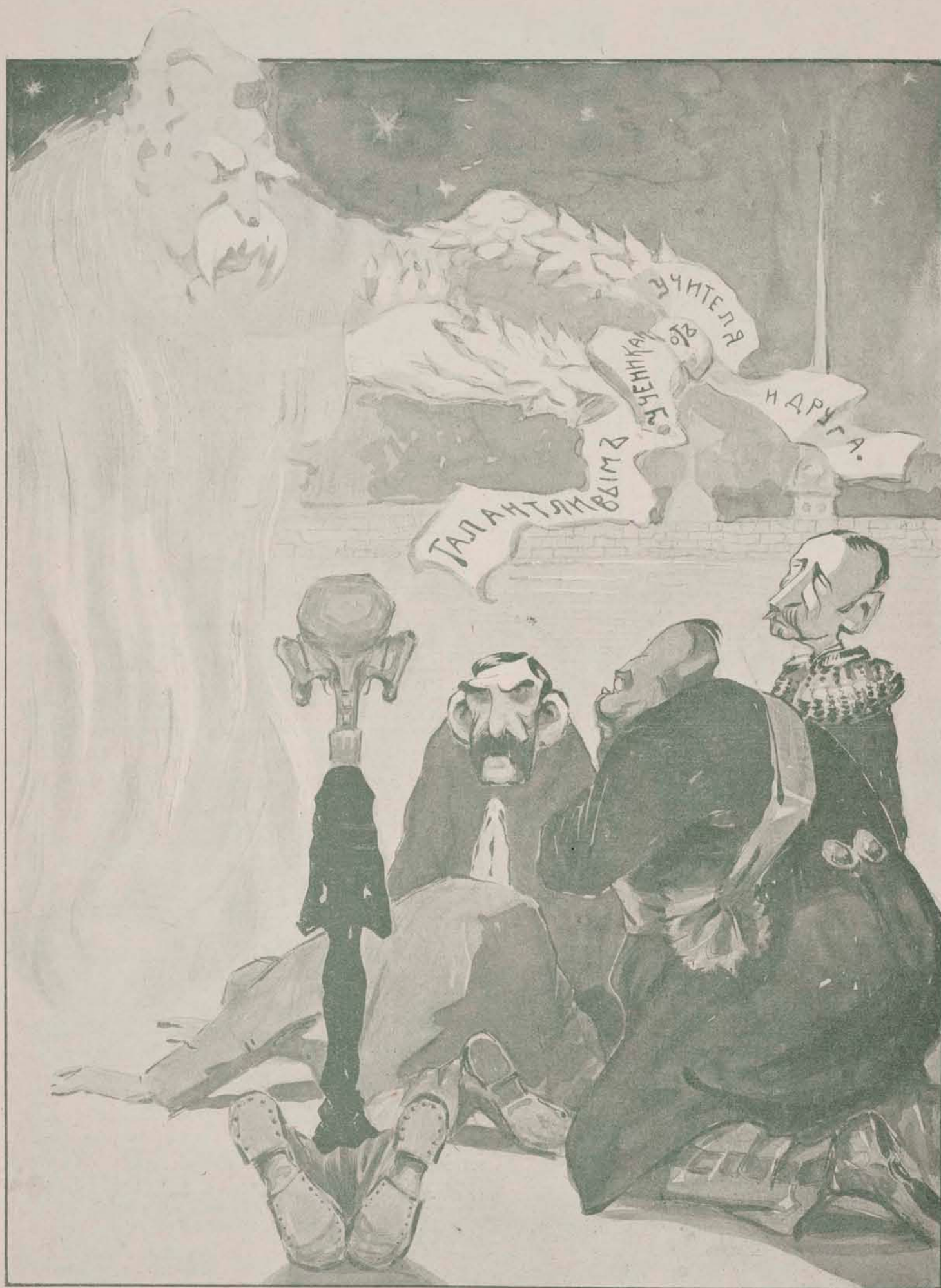
Редакторъ М. И. Титовъ.

Типографія А. М. Менделѣвичъ.

Сиб. Сидорова ул., д. № 81.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Цѣна 5 коп

Цѣна въ Спб. 5 к.

№. 13.

Цѣна въ провинціи 7 к.

СПРУТЪ

21 Марта 1906 года.

— А Серый-то самъ не простъ: крѣпко держится за хвостъ... («Конекъ-Горбунѣкъ»).

Спб. 22-го Марта 1906 г.

Не повезло бѣдному Спруту: десятый его номеръ на Театральной улицѣ выпалъ изъ рукъ артельщика и, благодаря весенней распутицѣ, очутился въ самой настоящей грязи; здѣсь онъ такъ выпачкался, что типографія сочла для себя нѣсколько рискованнымъ предложить его вниманію читателей въ столь неприличномъ видѣ. Одиннадцатый же номеръ конфискованъ, и конфискованъ за то, что въ немъ нѣтъ ничего такого, что необходимо для закрытія журнала и „законнаго“ привлеченія редактора къ суду. Для предупрежденія дальнѣйшихъ неудачъ, мы спѣшимъ растолковать истинно русскимъ патріотамъ, что преслѣдовать „Спрутъ“ совершенно безцѣльно, такъ какъ онъ предметъ неодушевленный, а слѣдовательно, никакими судьбами не можетъ быть либеральнымъ представителемъ въ государственной думѣ. И вотъ во всѣхъ этихъ злоключеніяхъ приходится лишь однимъ утѣшаться, что, видно, настало такое время, когда всѣмъ не везетъ. Возьмите, хотя бы, выдающагося дѣятеля—адмирала Дубасова; человѣкъ выпустилъ изъ своихъ рукъ 850 тысячъ рублей, которые достанутся, вѣроятно, совсѣмъ постороннимъ лицамъ и не утонутъ въ морѣ шампанскаго, а пойдутъ быть можетъ, чего не дай Богъ, на запрещенное закономъ освободительное движеніе. А наша жандармерія? Вдругъ въ такой кристально чистой средѣ появились какіе-то паразиты, вроде Абрамова и Жданова; правда, степень ихъ вины еще не выяснена. Быть можетъ молодые люди просто пошалили, а тутъ ужъ и обрадовались. Вѣдь и про Нейдгардта съ Курловымъ Богъ знаетъ, что говорили; на судѣ же оказалось, что они только исполняли приказаніе начальства, воля котораго—законъ, значитъ ихъ поступки были законны. Причемъ въ безпристрастїи суда не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что самъ министръ внутреннихъ дѣлъ присутствовалъ при разбирательствѣ дѣла, зорко слѣдя, чтобы судъ не наказывалъ того, кого не слѣдуетъ наказывать. Не везетъ, наконецъ, и кабинету: послѣднее время усиленно поговариваютъ, будто Витте съ Дурново собираются поддерживать компанію и въ области отставки. Такимъ образомъ кабинетъ будетъ теперь ужъ совсѣмъ безъ головы. Видно, обильное употребленіе мясного сока не только укрѣпило министровъ, но даже развило въ нихъ полнокровіе, для измѣненія котораго потребовались иностранныя знаменитости. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Мендельсонъ, и прїѣзжалъ; онъ-то, говорятъ, и посоветовалъ премьерамъ отдохнуть за границей, предупредивъ, что сѣверный климатъ можетъ для нихъ оказаться роковымъ. Итакъ, къ нашему горю, намъ, кажется, скоро придется вмѣстѣ съ Іоанномъ-бѣгущимъ воскликнуть: „что видимъ, что дѣлаемъ,—нашихъ великихъ премьеровъ отставляемъ!“ Ну развѣ не не везетъ??.

ЧѢМЪ ОБЪЯСНИТЬ?

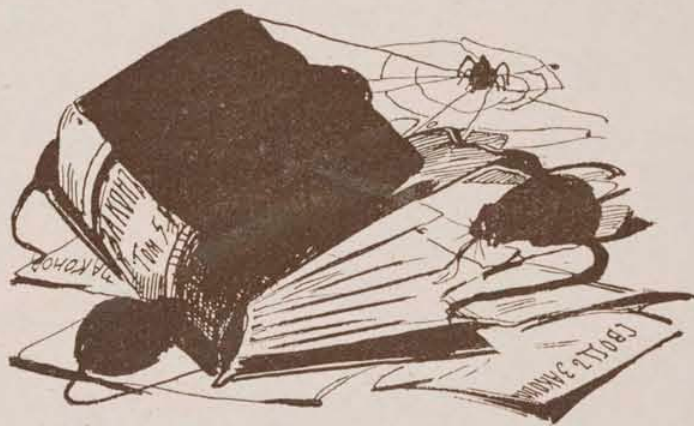
(Знайка).

„Около зданія Государственной Думы отрядъ артиллеристовъ произвелъ военные маневры“.

(Рысь).

У Таврическихъ палатъ
Случай приключился:
Артиллеріи отрядъ
Тамъ на дняхъ явился.
На дорогѣ предъ дворцомъ
Произвелъ ученье:
„Рысью ма-а-ршъ! Впередъ! Кругомъ!“
Просто удивленья!
Мчится тамъ, спѣшить туда;
То недвижно станеть,
То исчезнетъ безъ слѣда,
Словно въ воду канеть!
Но пройдетъ лишь мигъ одинъ,—
Вновь къ дворцу онъ скачетъ!
Объясни мнѣ, гражданинъ:
Что-же сонъ сей значить?

Сиріусъ.

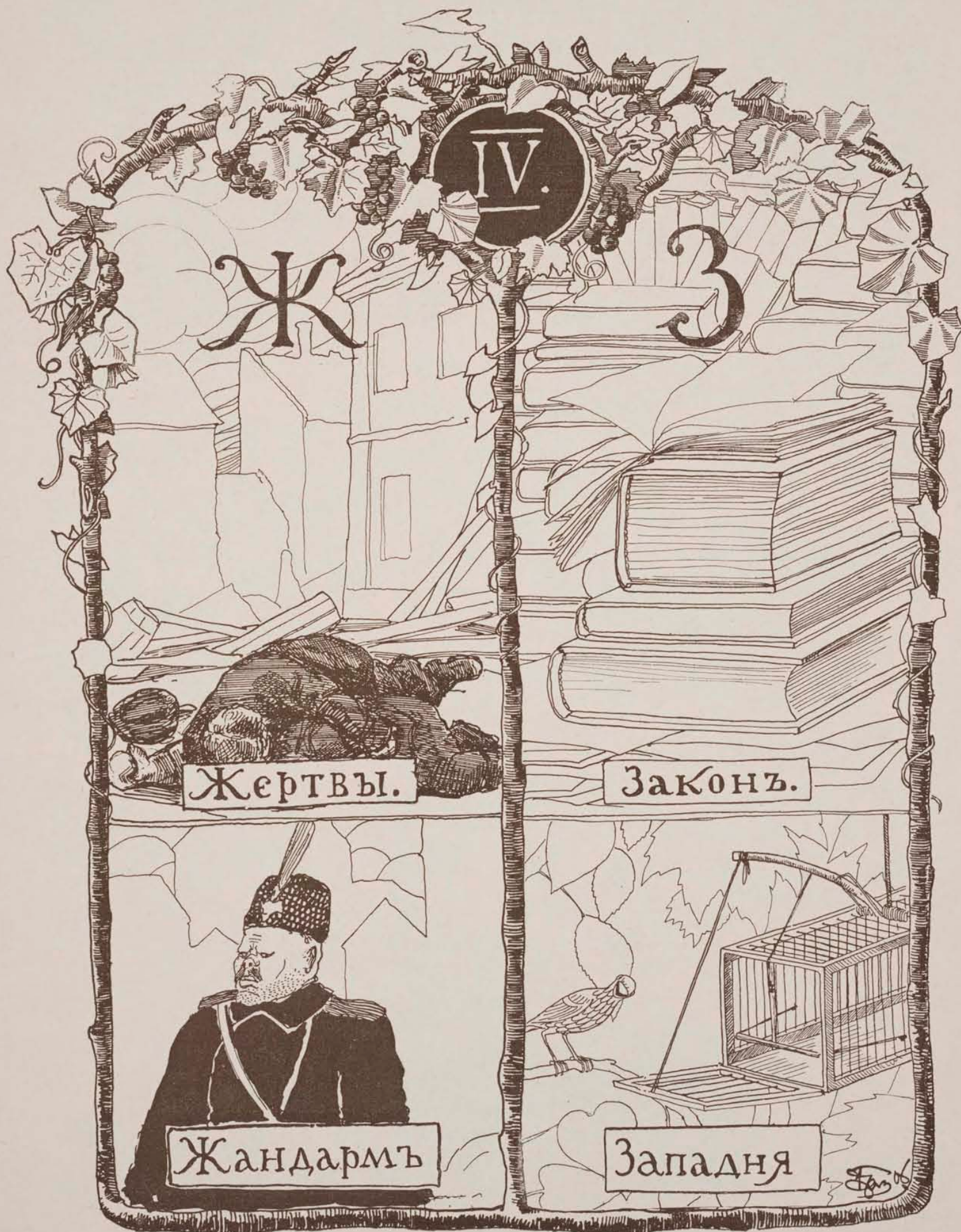
Забитая книга.

КЛИНЪ КЛИНОМЪ.

Правительство, уставъ отъ всякихъ смуть и бѣдъ,
Преслѣдуетъ повсюду красный цвѣтъ.
Преступны красные значки, а также флаги.
Платяся за каждый листъ раскрашенной бумаги,
За краску красную отъ ночи до утра
Толпой въ тюрьму идутъ редактора.
Но чтобы справиться съ народнымъ исполиномъ,
Уступки сдѣлавши, клинъ вышибаютъ клиномъ,
Лѣпя съ усердіемъ спасителямъ страны
Лампасы красные на старые штаны!

Б. Вилли.

Новая русская азбука съ картинками
(для дѣтей всѣхъ возрастовъ).

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

Разъ извѣстный генераль
 Съ крикомъ пробудился:
 Небывалый, страшный сонъ,
 Знать, ему приснился...
 Никогда его душа
 Трусости не знала,
 Но повергъ сей страшный сонъ
 Въ ужасъ генерала.
 Что жъ приснилось храбрецу
 Въ тихій часъ полночи?
 Что заставило раскрыть
 Такъ тревожно очи?...
 Что во снѣ увидѣлъ онъ:
 Голодъ, возмущенье
 Иль крестьянъ безъ панталонъ,
 Шедшихъ на сраженье?...
 Нѣтъ, приснилася ему
 Душная темница:
 Въ стѣнахъ сумрачныхъ ея
 Генераль томится.
 И, вглядѣвшись, генераль
 Въ плѣнномъ генералѣ
 Самого себя узналъ,
 (Съ радостью — едва ли).
 А когда увидѣлъ онъ
 Изъ окна темницы
 Что готовятъ для него,
 Войска вереницы,
 То воинственной душой
 До того смутился,
 Что, конца не доглядѣвъ,
 Съ крикомъ пробудился.
 И видѣніе забыть
 Какъ онъ ни старался,
 Все ему проклятый сонъ
 Въ полнотѣ являлся
 Долго, долго думалъ онъ,
 Лежа на постелѣ...
 Неужели въ руку сонъ
 Будетъ въ самомъ дѣлѣ?
 И рѣшилъ устроить балъ
 Сказочно чудесный,
 Чтобъ сомнѣнья онъ прогналъ —
 Балъ не безызвѣстный.

Новгородецъ.

СЛУХИ.

Случай ограбленія Московскаго кредитнаго общества вызвалъ, какъ передають, новыя энергичныя распоряженія по полиціи:

1) Тщательно охранять тѣ мѣста, которыя ограбили злоумышленники.

2) Сообщать о всѣхъ случаяхъ грабежа никакъ не позже, какъ за часъ до самого происшествія.

3) Снять фотографіи съ безслѣдно скрывшихся злоумышленниковъ.

4) Ограбленныя суммы безъ задержки представить полностью въ полицію, какъ вещественныя доказательства.

5) Обойти весь городъ и опросить жителей, каждаго въ отдѣльности, не онъ-ли похитилъ деньги банка.

6) Въ случаѣ отпора, произвести обыскъ, сообщить, какая сумма находилась у каждаго на дому и представить ее полностью при рапортѣ, и

7) Сообщить фамиліи всѣхъ подозрительныхъ лицъ города и ихъ особыя примѣты, даже не указанные въ паспортахъ.

Капля.

ОСТРОУМІЕ И ПРОРИЦАНІЕ.

Финеръ. — Ваше Высокопревосходительство! Разрѣшите моей сестрѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнерѣ, сосланной на дальній сѣверъ, въ виду ея разстроеннаго здоровья переѣхать въ Финляндію на лѣто!

Дурново. — Теперь ей будетъ еще холодно, а когда настанетъ въ Россіи тепло, меня, вѣроятно, уже не будетъ.

Общество. — Устами бы Вашего Высокопревосходительства да медъ пить!

Передъ урной.

„ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ“.

(Фантастическая, реальность въ 3 дѣйствіяхъ).

Огромная россійская равнина. Горизонта не видно, его декоративно заслонили ряды тюремъ, кое гдѣ-висѣлицъ. Свирѣпствуетъ полицейская чума. Груды мертвыхъ костей и придушенныхъ жизней эффектно дополняютъ декорацию мѣстности. На этой эффектной грудѣ мертвыхъ костей и жизней весело пируютъ славные побѣдители революціи и успокоители страны: мин. внутреннихъ дѣлъ и городскихъ палаты, полиціи и юстиціи, начальники охраннаго и сыскаго отдѣленій, шефы легальныхъ жандармовъ и нелегальныхъ шпионовъ, лейбъ-гвардейцы, семеновцы и другіе гости изъ высшаго полицейскаго свѣта и полусвѣта. Чтобы охранять спокойствіе пирующихъ и вообще чтобы „не пущать“ — поставлены Держиморда, Унтеръ Пришибеевъ, околочные и городовые, съ винтовками и безъ оныхъ. Пирующие беззаботно несутся въ пляскѣ по костямъ, кружась въ полицейскомъ котильонѣ и запивая краснымъ. Вдали радостно мретъ съ голоду народъ. Гимназистка Спиридонова, сѣчка и мн. др. въ застѣнкѣ весело бьются въ судорогахъ. Въ странѣ спокойствіе.

Дѣйствіе I.

„Коту масляница“.

Пиръ и полицейскій котильонъ въ полномъ разгарѣ. Пьютъ второй тостъ за здравіе отсутствующихъ боевыхъ товарищей: Дубасова, „Союза русскаго народа“, Русскаго Собранія и другихъ истинно русскихъ губителей страны. Всѣ кричать ура, запиваютъ краснымъ и кружатся въ черносотенномъ вихрѣ. Вдали таинственными духами совершается набѣгъ на московскую „кредитку“, на глазахъ у всѣхъ исчезаетъ почти миллионъ. Всѣ завидуютъ.

Дѣйствіе II.

„Не все коту масляница“.

Пляска на мертвыхъ костяхъ, пиръ, веселье и черносотенный вихрь продолжаютъ. Вдали неожиданно показывается красный смѣхъ; мертвецы ведутъ хороводъ, хохочутъ и надвигаются на пирующихъ. Пирующие въ ужасѣ, хотятъ прекратить пляску, но не могутъ. Пляска дико разгорается.

Дѣйствіе III.

„Великій постъ“.

(Не желая попасть въ тюрьму на долгіе годы, вплоть до амнистіи, жалѣя редактора и содержателя типографіи, — отложу описание послѣдняго дѣйствія до прекращенія свирѣпствующей полицейской чумы и черносотеннаго вихря)...

Черъ-Веръ.

Собственность прикосновенная.

Собственность неприкосновенная.

«Отъ Кавказа до Алтая—отъ Амура до Днѣпра»...

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г. г. Редакторъ!

Въ газетахъ сообщено, что рабочіе завода Наумана избрали меня выборщикомъ въ Государственную Думу. Такъ какъ мнѣ придется конкурировать только съ г-жей Фабричной Трубой и г-жей Кошкой—Василисой, избранными на другихъ заводахъ, то я могла бы считать свое избраніе даже въ Думу обезпеченнымъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилась отказаться отъ своихъ полномочій, такъ какъ мнѣ не улыбается честь сидѣть рядомъ съ гг. Грингмутомъ, Павловымъ, Гучковымъ и прочими лидерами правового порядка и другихъ патріотическихъ союзовъ.

Собака «Роза».

ИЗЪ НОВѢЙШАГО ФРАНЦУЗСКАГО УЧЕБНИКА

§ 17.

— Милыя дѣти, знаете-ли вы Абрамова.

— Нѣтъ, господа, мы еще не проходили о хищныхъ звѣряхъ (bête, f.).

— А Ваши подруги, знаютъ-ли онѣ Витте?

— Да, онѣ вчера читали въ школѣ жизнеописаніе лисы.

— Видѣли-ли вы, дѣти, нищихъ (mendiant), просящихъ милостыню?

— Нѣтъ, господа, но мы встрѣтили вчера нашего добраго Министра Финансовъ.

— А Дурново, не встрѣтили-ли вы также и его на улицѣ?

— Нѣтъ, добрая господа, но мы видѣли на улицѣ осла, который ѣлъ овесъ (une avoine).

§ 23.

— Любезный господинъ, сидѣли-ли вы уже въ тюрьмѣ (la prison)?

— Да, милостивый государь, я уже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

— А вашъ почтенный папаша?

— Онъ и теперь еще сидитъ, господинъ.

— А братъ матери вашего дяди?

— Нѣтъ, господинъ, но на дняхъ онъ будетъ издавать газету.

— Любезный другъ, читаете-ли вы юмористическіе журналы?

— Да, мой другъ, я выписываю „Русское Государство“.

— Твои золотые часы и драгоценные камни, не заложилъ-ли ты ихъ въ ломбардъ, мой другъ?

— Нѣтъ, дорогой мой, я ихъ не закладывалъ, но вчера полиція произвела у меня обыскъ.

— Хорошо-ли вы уже знаете, дѣти, о русской конституціи?

— Да, господинъ учитель, мы уже прочли описаніе десяти погромовъ.

Бомбардосъ II.

Открыта подписка на 1906 годъ.

„СПРУТЪ“

Художественно-сатирический журналъ. Выходитъ еженедѣльно. Размѣръ журнала отъ 8—12 страницъ.

Подписная цѣна на 1 годъ 3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Спб.—5 коп. Въ друг. город. 7 коп.

Авторовъ просятъ направлять художественный и литературный матеріалъ въ редакцію „Спрута“ (СПб. Фонтанка, 80, кв. 10). Непринятые къ напечатанію рукописи не возвращаются. Пріемъ по дѣламъ редакціи по четвергамъ 4—5 час.

ВЪРНЫЙ РАСЧЕТЪ.

Какъ сообщили газеты, „Русское Государство“ прекращаетъ свое существованіе, за отсутствіемъ казенныхъ средствъ на изданіе газеты. Руководившій газетой, честный публицистъ Гурьевъ обратился къ гр. Витте за новой ассигновкой, но получилъ отказъ. Естественно: на что теперь графу Витте г. Гурьевъ и „Русское Государство“, коли самому приходится уходить въ отставку? Въ самомъ фактѣ гибели газеты нѣтъ ничего неожиданнаго: кто же могъ думать, что такой бутербродный органъ переживетъ своего правителя? Но интересна другая сторона: отчетъ въ израсходованныхъ суммахъ. Такъ какъ ни г. Гурьевъ, ниже кто другой такого отчета никогда не дадутъ, конечно,—то попытаемся сдѣлать это за нихъ.

Надо признать, что „Русское Государство“ сдѣдено (на бутербродахъ) его руководителями и сотрудниками съ необычайной быстротой... Вотъ наглядная цифра:

На содержаніе газеты отпущено было всего — 609000 р. Существовала газета около мѣсяца, т. е. 30 дней. Допустимъ, что составъ редакціи „Русское Государство“ (редакторы, сотрудники, сторожа, агенты, дворники и пр.) опредѣляется цифрой въ 50 человекъ. Нормальный, средний человекъ со здоровымъ аппетитомъ можетъ сѣсть не болѣе 15 бутербродовъ въ день (т. е. въ тѣ часы, которые сотрудникъ проводитъ въ редакціи). Следовательно за 30 дней каждый изъ сотрудниковъ „Р. Гос.“ успѣлъ сѣсть 450 бутербродовъ (15×30). А весь составъ редакціи — 450×50=22500 бутербродовъ. Такъ какъ на эти 22500 бутербродовъ ушло 609000 рублей, то одинъ бутербродъ сотрудника „Русск. Госуд.“ обходится Россіи въ 27 р. 07 к.

Изъ приведеннаго отчета явствуетъ одно изъ двухъ:

1) Либо сотрудники „Русск. Государ.“ выписывали на казенный (т. е. народный) счетъ каждый бутербродъ отдѣльно изъ заграницы, да еще, вѣроятно, по частямъ: масло изъ Швейцаріи, сыръ изъ Франціи, и хлѣбъ изъ Америки,—такъ какъ только при такомъ условіи бутербродъ можетъ обойтись въ 27 р. 07 к. Но въ такомъ случаѣ это не журналисты, а — моты.

2) Либо они сѣдали въ день не по 15, а по 1500 бутербродовъ каждый. Но въ такомъ случаѣ это ужъ не моты, а бегемоты, или слоны, но отнюдь не люди.

И въ томъ, и другомъ случаѣ ясно, почему 609000 тысячъ едва хватило на изданіе газеты въ теченіе одного мѣсяца.

Вотъ что значитъ казенная поддержка!

Духъ Банко.

РАЗГОВОРЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ
ВСТРѢТИВШИХСЯ ПОСЛѢ РОЖДЕСТВЕНСКИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ.

— Знаешь, Петръ Ивановичъ, какую я разумную штуку устроилъ, чтобъ полиціи не беспокоила мое семейство обысками, хотя бы въ праздникъ? Велѣлъ я прислугѣ позвать кумовьевъ и кумушекъ дать имъ на водку и попросилъ ихъ пѣть національный гимнъ „славься“, и т. п. аріи. Такъ они всѣ праздники пѣли, веселились и — благодаря этому, полиція не беспокоила насъ. Только то бѣда, что изъ-за этого въ большіе долги влѣзъ.

— А когда васъ, Семенъ Архипичъ, дома не было, тоже давали имъ на водку?

— Какъ же... нельзя не дать; если въ квартирѣ было бы тихо, могли подумать, что мы снаряжаемъ бомбы или занимаемся сочиненіемъ нелегальной литературы, ну, и обыскали-бъ.

— Да, дороговато вамъ обошлись праздники! Я же лучше и дешевле устроилъ. Написалъ на кускѣ писчей бумаги: Сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Свѣта“, „Новаго Времени“ и „Слова“, повѣсилъ на дверь,—представьте себѣ, не только полиція не дѣлала обыска, а даже родственники и знакомые не приходили въ гости, пока не снялъ.

Новгородскъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

— Что такое арестъ?
— Подготовительная работа для амнистии.

— А амнистія?
— Прощеніе вины невиновнымъ.

Капля.

* * *

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула.
Предъ полиціей
Витте стелется.

Ужъ не первый день
Продаетъ себя,—
Власти, почестей
Добивается.

Какъ министромъ былъ
Надъ финансами,
И тогда хвостомъ
Широко вилялъ.

„Монополию“
Далъ народу онъ,
Люду русскому,
Православному.

А потомъ въ тиши
Долго жилъ Сергѣй,
Не у дѣлъ стоялъ,
А въ немилости.

Слылъ большимъ тогда
Либераломъ онъ
И приверженцемъ
Идей западныхъ.

Какъ пришла пора
Намъ войну кончать,
Ликвидовать,
Миръ подписывать,

Голосъ общій былъ:
Быть Сергѣю тамъ:
Пусть, молъ, Юльевичъ
Поторгуется!

А въ Портсмутѣ былъ,—
Заграничная
На него толпа
Удивлялася:

„Эхъ, фигура-то
Колоссальная!
А ужъ въжливъ какъ,
Обходителенъ“!

Пополамъ съ грѣхомъ
Подписалъ трактатъ.
Въ Петербургъ прибылъ
Онъ обласканный,
Свѣтлымъ графомъ сталъ
Сергѣй Юльевичъ.
Тутъ ужъ важности
Поприбавилось.

Получилъ тогда
И премьерство онъ,
Взялъ Руси бразды
Въ руки твердыя

Удивить тутъ міръ
Онъ собирается
И свободою
Похваляется.

Тутъ и выдумалъ—

Ой-ли горюшко!—
Конституцію
Хоть и куцую.

А помощникамъ
И полковникамъ
Далъ наказъ такой,
Приказалъ имъ всѣмъ:

Бей, коли народъ,
Не жалѣй ребятъ,
Старцевъ, дѣвушекъ
И студентиковъ!..

И по всей Руси
Только стонъ пошелъ,
Какъ пошли давать
„Конституцію“.

И теперь одна
Лишь у всѣхъ мольба
И у русскихъ лицъ,
Инородческихъ:

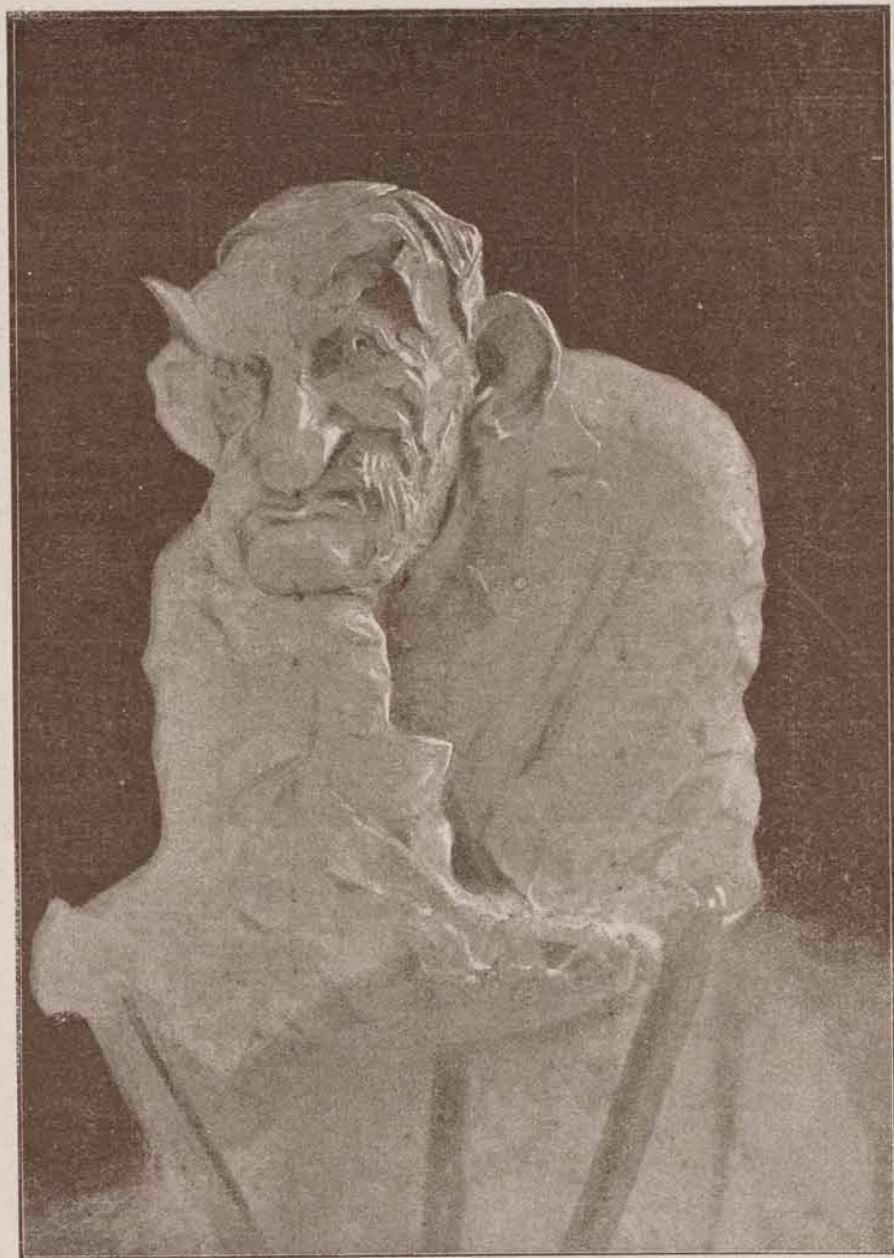
Убери, Сергѣй,
Ты возьми назадъ
„Конституцію“
Свою куцую.

Дай вздохнуть хоть разъ:
Не разстрѣливай,
Не привѣшивай
Безъ суда ребятъ!“

Алексѣй Тяльниковъ.

Скульптурная галерея „Спрута“.

Скульптура Ре—ми.

Человекъ въ нѣкоторомъ родѣ «Историческій».

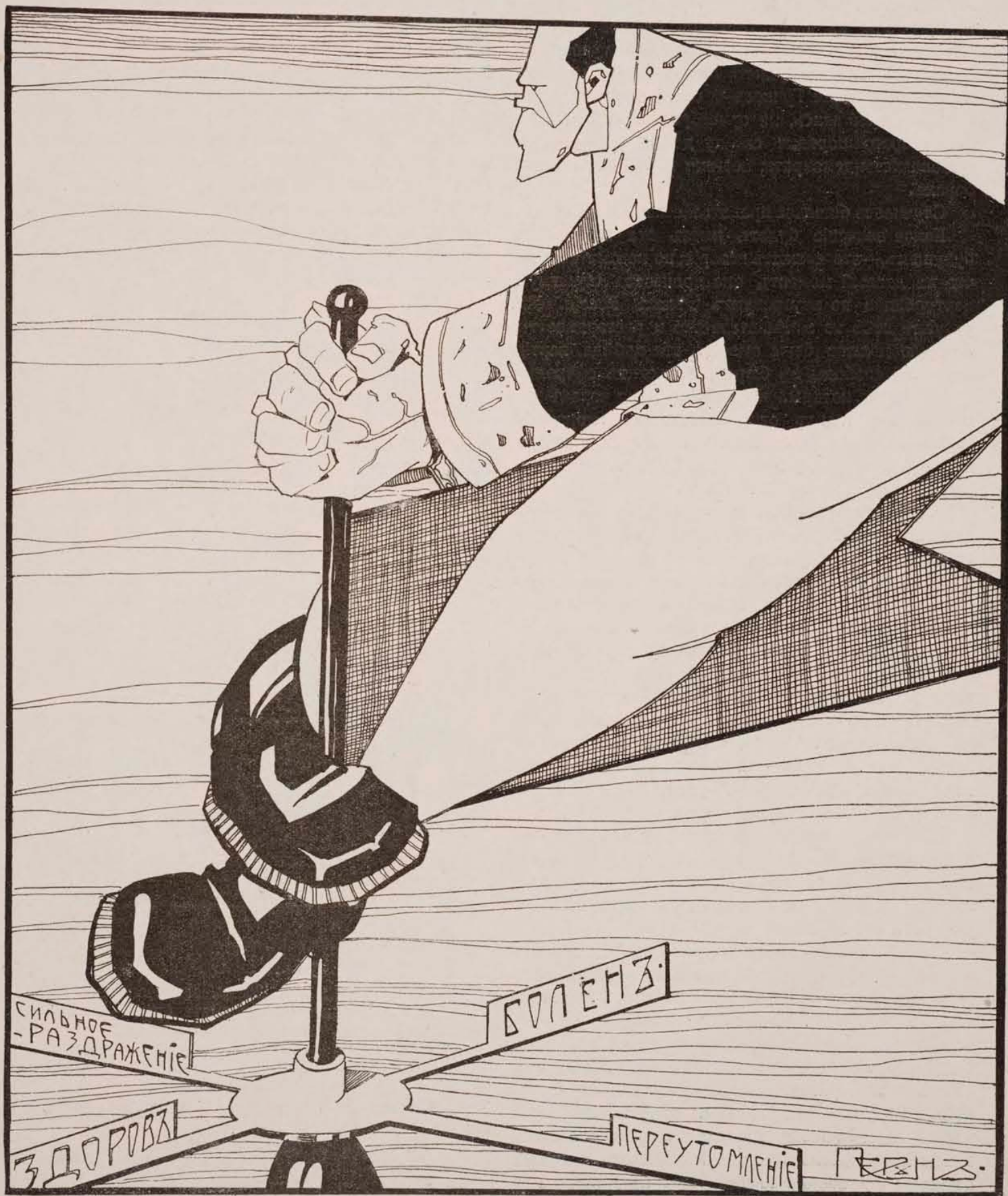
Цѣна въ Спб. 5 к.

№. 14.

Цѣна въ провинціи 7 к.

СПРУТЪ

29 Марта 1906 года.

Политическій флюгеръ.

Сиб. 29-ю Марта 1906 г.

Какъ ни старалась администрація—центральная и мѣстная, какъ ни сажали генералъ-губернаторы и просто губернаторы въ тюрьму избирателей, какъ ни усердствовала прокуратура, возбуждая слѣдствіе по 129 ст., какъ ни призывали къ избіенію „демократовъ“ всякіе истинно-русскіе союзы, какъ ни доносили на нихъ Грингмутъ и К°, какъ ни брызгали въ нихъ бѣшеной слюной старецъ Суворинъ (спустившій съ цѣпи даже тупозубаго Буренина), какъ ни іудилъ Меньшиковъ, какъ ни клеветали и лгали Гучковъ и октябристы, какъ ни бились, ни метались, ни сумасбродили всѣ сторонники стараго порядка сверху до низу, а—конституціоналисты-демократы всетаки побѣдили на выборахъ.

Случилось большое правительственное несчастье.

Какое значеніе будетъ имѣть эта побѣда въ будущемъ,—это скажетъ исторія; но несомнѣнно то, что въ данный моментъ она произвела страшную пертурбацію во внутреннихъ дѣлахъ Россіи. Мы рисуемъ себѣ то замѣшательство и растерянность, которую должна была вызвать эта побѣда партіи народной свободы въ бюрократическихъ сферахъ.

Гр. Витте, который въ послѣдніе дни передъ выборами переходилъ онъ болѣзни къ здоровому состоянію, теперь совершенно растерялся и не знаетъ, что ему предпринять: окончательно ли выздороветь, или окончательно заболѣть?

Г. Дурново рѣшительно перестаетъ вѣрить въ истинно-русскую благонадежность, вѣрность и преданность и въ искреннюю любовь русскаго народа къ разстрѣламъ, заключеніямъ и ссылкамъ, и никакъ не можетъ понять, почему на Руси еще существуютъ кромѣ жандармовъ,—какіе-то „кадеты“?

Г. Шиповъ не знаетъ теперь, просить ли ему у Европы денегъ, или нѣтъ. А если просить, то подѣ „кадетовъ“ или подо что либо другое?

Г. Акимовъ недоумѣваетъ: какъ же это нашлись еще избиратели, не привлеченные къ слѣдствію по 129 ст. и не потерявшіе поэтому права голоса? И надо ли теперь подвести выборщиковъ подъ какую-либо статью или не надо?

П. П. П. съ союзомъ русскаго народа рѣшаютъ мучительную проблему: какъ же быть на ближайшей Пасхѣ,—устраивать погромъ или не устраивать? Такъ же ли оно безопасно, какъ прежде, или уже рискованно?

Октябристы и всѣ прочіе „блокисты“ не знаютъ, что имъ теперь дѣлать: подавать ли новый адресъ Дубасову черезъ Николая и Александра Гучковыхъ или благополучно уѣхать за границу?

Старецъ Суворинъ чувствуетъ себя такъ, какъ будто его облили съ ногъ до головы грязью изъ собственной чернильницы, затѣмъ выскли и повѣсили на улицу сохнуть. И не знаетъ, какъ быть: писать ли „маленькія письма“ о пользѣ военныхъ положеній и казней или большія письма—о вредѣ военныхъ положеній и казней. Ибо—неизвѣстно, кто и за что теперь платить будетъ.

А Грингмутъ просто лишній разъ помѣшался—десятый разъ въ его жизни!

И т. д., и т. д. Въ казенныхъ и частныхъ бюрократическихъ сферахъ—всеобщая растерянность.

Доволенъ только одинъ: русскій народъ. Онъ одинъ знаетъ, что конституціонно-демократическая дума не разстрѣляетъ его, какъ г. Дурново, не отдастъ въ залогъ иностранцамъ, какъ г. Витте, не продастъ, какъ Суворинъ съ Грингмутомъ, не перерѣжетъ, какъ союзъ громилъ, не „разсудитъ“, какъ г. Акимовъ... Но—сдѣлаетъ все возможное, чтобы дать ему истинную свободу.

И народъ доволенъ побѣдой кадетовъ. Но,—Боже мой, какое значеніе имѣетъ это ничтожное обстоятельство—довольство народа? Кто изъ бюрократовъ когда либо считался съ народомъ и его настроеніемъ?.. И что значить оно, это довольство народа, когда правительство, наше доброе, кроткое и справедливое правительство Витте-Дурново-Акимовъ,—въ уныніи...

Братіе, давайте плакать!..

Кульминаціонная точка.

ЧЛЕНЫ БЛОКА.

- Провалились мы, Иванъ Ивановичъ!..
- Что-жъ мы потеряли: опять будемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ доносы писать...

Духъ Банко.

ПОСЛѢ ВЫБОРОВЪ.

- Правда ли, что „кадеты“ прошли большинствомъ двухъ голосовъ?
- Да, но за то очень крупныхъ.
- Чьи-жъ это были, голоса?
- Шмидта и Спиридоновой...

Духъ Банко.

!!! ЧУДО-ОЧИСТИТЕЛЬ!!!

!!!Вниманію администраторов!!!

До и

послѣ.

Опыты произведены на Нейдгардтъ и Курловъ.

ИСТОРИЯ БОЛѢЗНИ ГР. ВИТТЕ.

Кабинетъ гр. Витте. Графъ и его личный секретарь. Время отъ 18—20 марта.

Графъ.—Ну, что сегодня говорить газеты...

Секретарь (просматриваетъ газеты, докладываетъ): — Указываютъ на то, что Ваше Сіятельство уже двѣ недѣли не выѣзжали въ Царское Село.

Гр.—Сообщите въ петербургское агентство, что я боленъ (ложится на диванъ и искренно стонетъ). Дальше!

С.—Сообщаютъ изъ-за границы о неудачѣ въ попыткѣ заключить заемъ.

Гр. (слабымъ голосомъ). — Велите Гурьеву написать, что я вывихнулъ себѣ ногу, и что температура у меня 39°. Только, пожалуйста, присмотрите, чтобы онъ, увлекшись, по обыкновенію, не написалъ 45° по Реомюру. О-ой!.. Еще?

С.—Правыя партіи объединились въ блокъ...

Гр. (садится на диванъ). — Сообщите въ агентство, что мнѣ лучше.

С.—Въ провинціи проходятъ „кадеты“.

Гр.—Немедленно оповѣстите, что мнѣ хуже (ложится и громко стонетъ). Еще?

С.—Франція готова дать денегъ...

Гр. (вскакиваетъ на ноги). — Телеграфируйте, что я здоровъ... Велите Гурьеву написать опроверженіе слуховъ о моей болѣзни.

С.—Александръ Гучковъ оклеветалъ „кадетовъ“.

Гр. (радостно). — Сообщите, что я—юношески бодръ и не думалъ хворать!

С.—Ай!..

Гр. (испуганно). — Что такое?

С.—В—е С—во! Изъ блока бѣгутъ къ „кадетамъ“.

Гр.—Напишите, что я боленъ, очень боленъ, что у меня болѣзни сердца, печени, и переломъ обѣихъ ногъ... Пусть Гурьевъ напишетъ!..

С.—Союзъ русскихъ людей грозитъ погромомъ евреямъ, если они будутъ голодовать за кадетовъ.

Гр.—Сообщите, что я здоровъ...

С.—Ай! Ай! Ай!..

Гр.—Что? Что? Что?..

С.—Будьте мужественны, В. С.! Блокъ провалился на выборахъ. Блестящая побѣда кадетовъ!

Гр. (застылъ... Потомъ падаетъ на кушетку и говоритъ чуть слышно). — Сообщите, что я умеръ...

Духъ Банко.

ЭТО ВѢРНО.

— Какая жалость — обмелѣютъ скоро наши рѣки!

— Почему?

— А всѣ лѣса повыврубать на розги, висѣлицы и кресты.

Себѣ Жако.

Жонглеръ nec plus ultra.

(Держится на тонкомъ шпигѣ Петропавловской крѣпости, благодаря вліянію высшихъ сферъ).

РАДОСТЬ ПОЛК. МИНА.

„Полк. Миномъ предложено арендатору очистить манежъ, принадлежащій Семеновскому полку. Въ Петербургъ прибываетъ пулеметная рота, которая и будетъ расположена въ этомъ манежѣ“.

(Русь).

Глянь, манежъ высокимъ*) Миномъ
Очищается.

Минъ въ величьи ходитъ львиномъ;
Минъ старается!

Уничтожить онъ свободу
Непригодную;
Помѣститъ въ манежъ роту
Пулеметную...

Берегитесь санкилоты,
Демократики:
Есть у Мина пулеметы
И солдатики!

Что вы, глупые „кадеты“
Тамъ ликуете!
Вотъ надѣнуть вамъ „браслеты“,
— Затоскуете!..

Подъ тюремнымъ тяжкимъ гнетомъ
Плакать станете;
Спорить нагло съ пулеметомъ
Перестанете!

Минъ ликуетъ, Минъ сияетъ,
Минъ старается;
Часто руки потираетъ,
Улыбается!

Сириусъ.

СПРАВКА.

- Скажите, кто такіе Нейдгардтъ и Курловъ?
- Губернаторы.
- А кто члены 1-го департамента Сената?
- Бывшіе губернаторы...
- А!..

Парламентеръ.

*) Прилагательное „высокій“ служить для опредѣленія роста полк. Мина.
Примѣчаніе автора.

Весна идетъ!

РАЗГОВОРЫ.

— Слышали: графъ Витте, по заявленію его домашняго врача Шапирова, потерялъ изъ за поѣздки въ Портсмутъ полъ-пуда въ вѣсъ.

— Ну, это пустяки. За то онъ получилъ большой вѣсъ при дворѣ и въ государственномъ совѣтѣ. Вотъ Россія послѣ его поѣздки потеряла полъ-Сахалина и получила за это, извините за выраженіе, конституцію,—это куда хуже!

* * *

— Говорятъ, у одного изъ нашихъ министровъ появились признаки прогрессивнаго паралича.

— Что-жъ это единственный элементъ прогресса, мыслимый для нашихъ министровъ!

Б. Вилли.

ТЯЖЕЛОЕ РАЗДУМЬЕ.

Ну, и дѣла же пошли,—

Господи! Батюшки—свѣты!

Блокъ монархистовъ—въ пыли,

Витте уходитъ въ „кадеты“.

Что-жъ, отчего не пойти:

Многого, что-ль, это стоитъ?

Графу всѣ годны пути!..

Только одно беспокоитъ:

Образъ Петра Дурново

Въ мысляхъ сіятельныхъ бродитъ:

Онъ ли кадетовъ *уходитъ*

Или кадеты—его?..

Духъ Банко.

КАКЪ ОНИ ПОХОЖИ.

— Говорятъ, что у графа Витте есть привычка—съ приходшими къ нему,—цѣловаться—по русскому обычаю.

— Хмъ... и у Іуды была точно такая же привычка.

Серъ Жако.

ПОЧТИ ИЗЪ ГОГОЛЯ.

Витте - Подколесинъ. — А веревку купилъ?

Лакей. — Купилъ.

— Что-жъ, крѣпка веревка?

— Крѣпче нѣтъ.

— А когда отпускали тебѣ веревку, не спрашивали: не затѣваетъ-ли, молъ, баринъ конституцію?

Кустарь.

20 МАРТА.

Въ Думу выборы. О новой,
Полной честнаго труда,
Жизни бодрой и здоровой
Мы мечтаемъ, господа.

И свою настроивъ лиру
На возвышенный манеръ,
Пожелалъ я тотчасъ міру
Пѣсни новой дать примѣръ.

Пѣсни бодрой и свободной,—
Не униженныхъ рабовъ,
А вождей волны народной,
Разорвавшей гнѣть оковы!

Только вдругъ меня смутили
Факты сихъ „свободныхъ“ дней:
„Русь“ въ день выборовъ закрыли,
Въ крѣпость спрятавъ Крамалей.

И совсѣмъ уже некстати,
По приказу „высшихъ“ лицъ,
Въ ночь убрали подъ печати
Типографію „Зарницъ“...

О свободѣ пѣть—нелѣпость
При режимѣ кулака:
Неравно усадятъ въ крѣпость,—
Помолчу-ка я пока!

Б. Вилли.

ЗАКОННОСТЬ.

— По моему, приговоръ Сената по дѣламъ Нейдгардта и Курлова не вполне справедливъ и не полонъ...

— Чего же ему не хватаетъ?

— Признавъ этихъ администраторовъ невиновными, Сенатъ долженъ былъ довести справедливость до конца и признать недобросовѣстнымъ поведеніе тѣхъ тысячъ одесскихъ и минскихъ жителей, которые сами себя перестрѣляли и перерѣзали для того, чтобы очернить Нейдгардта и Курлова. Вотъ это была бы полная законность...

Парламентарь.

ВЪ БОЛЬШОМЪ СВѢТѢ.

Князь. А эти „с.-д.“ все еще не хотятъ итти вмѣстѣ съ „к.-д.“

Графиня. Странно: изъ за одной буквы такая вражда!...

Духъ Банко.

ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Ярославскій губернаторъ въ свободное отъ службы время предсказываетъ будущее, такъ какъ обладаетъ даромъ административнаго прорицанія. Такъ, узнавъ о томъ, что выборщикомъ въ Думу по уѣзду избранъ конституціоналистъ-демократъ Даршкевичъ, онъ губернаторъ поспѣшилъ телеграфировать въ мѣсто дѣйствій: „замѣните Даршкевича другимъ кандидатомъ, такъ какъ Даршкевичъ будетъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст.“. Мы не сомнѣваемся, что пророчество административной Кассандры исполнится въ точности, и благодаря предупредительности ярославскаго губернатора, партія „К.-Д.“ лишится одного изъ своихъ выборщиковъ, хотя и не совершившаго еще никакого преступленія по поставленнаго на ближайшую очередь отвѣтственности.

Въ связи съ сообщеннымъ выше извѣстіемъ изъ газетъ, находится слухъ, будто администрація намѣрена лишить права голоса тѣхъ выборщиковъ, потомки которыхъ, не дальше 4-го, однако, поколѣнія, могутъ совершить политическое преступленіе...

Какъ сообщаютъ газеты, знаменитый офицеръ Абрамовъ, истязатель Спиридоновой, присланъ въ Московскій военный госпиталь для изслѣдованія душевнаго состоянія. Говорятъ, врачи нашли, что у Абрамова совсѣмъ нѣтъ никакого душевнаго состоянія, что по части души онъ совершенно нищъ, и что изслѣдованіе надо было прозвести во всякомъ случаѣ до того, какъ „больному“ была поручена слѣдственная обязанность и власть. Теперь же врачъ долженъ уступить мѣсто судья...

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛІЯ.

— Сегодня я имѣлъ счастье видѣть э... какъ его... ну, знаешь, лошадиная фамилія...

— Дурново?

— Да, да, Дурново!

Кустарь.

ВЪ ДѢТСКОЙ.

— Петя, скучно что то. Давай въ сочинителей играть.

— Давай, Сережа. А какъ это?

— Я скажу слово, а ты другое — въ рѣмю. Ну, начинаю. Манифестъ?..

— Арестъ.

— Свобода?..

— Въ Сибирь на три года.

— Печать?..

— Молчать, держать, не пущать...

— Реформа?..

— Полицейская форма.

— Губернаторъ?..

— Провокаторъ.

— Юстиція?..

— Полиція.

— Конституція?..

— Экзекуція.

— Овесъ?..

— Свиныя, не смѣй дразниться; лучше самъ найди рифму на слово „министръ“!..

ГРАММОФОНЪ.

— Охъ, боюсь я, опять втравить насъ въ какую нибудь скверную исторію наша Россійская дипломатія съ гр. Ламсдорфомъ во главѣ!

— Да, и все отъ того, что они никакими дѣлами не занимаются.

— Э, батенька, совсѣмъ на оборотъ; слишкомъ ужъ усердно занимаются они дѣлами... гм... по „восточному вопросу“!

ЭЛЕГИЯ.

О, мой блокъ, мой славный блокъ
Монархическій!

Получилъ ты злой урокъ

Политическій.

Не помогъ Гучковъ лихой

Съ октябристами...

Ни Порядокъ Правовой

Съ шантажистами...

Ни доносомъ не спаслись,

Ни извѣтами:

Эхъ, лежишь ты носомъ внизъ

Предъ „кадетами“...

И идетъ честной народъ—

Ухмыляется:

«Ишь, въ грязи, моль, «патріотъ»

Какъ валяется!..»

Гдѣ же твой орлиный взглядъ

Крылья сокола?..

Вороти, дружокъ, назадъ!

Держи около!..

Духъ Банко.

Открыта подписка на 1906 годъ.

„СПРУТЬ“

Художественно-сатирическій журналъ. Выходитъ еженедѣльно. Размѣръ журнала отъ 8—12 страницъ.

Подписная цѣна на 1 годъ 3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Спб.—5 коп. Въ друг. город. 7 коп.

Авторовъ просятъ направлять художественный и литературный матеріалъ въ редакцію „Спрута“ (СПБ. Фонтанка, 80, кв. 10). Непринятые къ напечатанію рукописи не возвращаются. Пріемъ по дѣламъ редакціи по четвергамъ 4—5 час.

Искоренение крамолы.

СОНЪ НА ЯВУ.
(Политический романъ).
(Продолжение).

Глава II.

Если читатели еще не забыли, о томъ, какъ моя душа въ первой главѣ романа, при благосклонномъ содѣйствіи неизвѣстнаго казеннаго человѣка изъ породы усмирителей попала въ царствіе небесное (разсказано объ этомъ было въ № 12 „Спрута“, а въ № 13 не могло быть продолжено, такъ какъ авторъ былъ весьма занятъ обсужденіемъ вопросовъ, соприкасающихся съ литературной дѣятельностью — т. е. мѣръ къ устраненію опасности одиночнаго заключенія для редактора), то они, вѣроятно, помнятъ и конечный моментъ первой главы: мой робкій стукъ въ двери рая... Увѣренный въ памяти моихъ читателей, — буде за это время ее не отшибло административное попеченіе, по системѣ Абрамова-Жданова, — я продолжаю.

На мой стукъ послышался запросъ изъ-за дверей:

— Кто стучится?

Вопросъ этотъ меня пришибъ. Насколько мнѣ было извѣстно, со словъ законоучителя изъ гимназіи по урокамъ Закона Божія, въ царствіи небесномъ не справляются о паспортѣ, такъ какъ тамъ не имѣется въ виду административная высылка... А тутъ вдругъ вопросъ: кто стучится? Я окончательно убѣдился, что не все то, что говорятъ на землѣ даже отъ имени Бога — правда, вспомнивъ при этомъ и то, что наши духовные отцы говорятъ, будто Господь запрещаетъ убійство, а межъ тѣмъ Синодъ отрѣшаетъ отъ должности священниковъ, протестующихъ противъ смертной казни... Придя къ столь печальному выводу объ извращеніи людьми правды Божіей, я почувствовалъ себя вдвое скверно. Ну, что я отвѣчу на вопросъ, кто я? Какъ пазовусь? Первой мыслью моею было, что еще до моего прибытія къ воротамъ рая здѣсь уже полученъ доносъ на меня отъ Грингмута, или рапортъ охраннаго отдѣленія, и что какъ только я назовусь моимъ настоящимъ именемъ, меня непремѣнно задержатъ, и мнѣ придется, не отдохнувъ съ пути, прямо послѣдовать въ населеннѣйшія теперь губерніи Россіи: Архангельскую, Вологодскую, а то и Якутскую область. Я ужъ хотѣлъ назваться подложнымъ именемъ, „патріота“ изъ истинно-русскихъ ящерицъ, да вдругъ сообразилъ, что ежели на землѣ неправда цвѣтетъ, какъ обязательное постановленіе полиціи, то изъ этого не слѣдуетъ еще

что и здѣсь, въ царствіи небесномъ, надо быть прохвостомъ. И вспомнивъ, что я перенесъ на себѣ осуществленіе всей конституціонной программы графа Витте, цѣликомъ — вплоть до умерщвленія, рѣшилъ, что я вправѣ назвать себя настоящимъ именемъ русскаго гражданина, и сказалъ съ гордостью, которой я не исполнился бы даже въ участкѣ:

— Мученикъ.

Двери рая тотчасъ открылись, и предо мной, въ сіяніи мирнаго величія и кротости, предсталъ райскій ключарь Св. Петръ. Нигдѣ, никогда, даже на лицѣ нашего премьера въ тотъ моментъ, когда онъ цѣловалъ депутацию отъ екатеринодарскихъ мѣщанъ, я не видалъ такого величія, увѣренности и спокойствія. И я не думаю даже, чтобы таково было выраженіе лица г. Шипова (министра финансовъ) при переговорахъ его съ Менделѣевымъ о займѣ. Св. Петръ мгновенно смотрѣлъ на меня, проникающими въ глубь души взоромъ и сказалъ голосомъ, котораго на Руси уже давно не слышно: полнымъ любви и кротости:

— Вижу, сынъ мой, что ты изъ Россіи.

И онъ указалъ на мой раскроенный черепъ, валявшійся на землѣ у забора, на мѣстѣ моей встрѣчи съ усмирителемъ.

— Увы, св. отецъ!

— Войди! — просто сказалъ Св. Петръ. — Но раньше, чѣмъ я отведу тебя на Высшій Судъ, ты долженъ сказать мнѣ чисто-сердечно: въ чемъ твой грѣхъ земной?

— Мой грѣхъ великъ! — отвѣчалъ я: — боюсь и сказать тебѣ, Св. Отецъ!

— Не бойся! Говори!

— Мой грѣхъ великъ! Ты прогонишь меня изъ рая!

— Говори — сказалъ Св. Петръ.

— Мой грѣхъ великъ, Св. Отецъ: я повѣрилъ конституціоннымъ обѣщаніямъ графа Витте и вышелъ спокойно на улицу...

Св. Петръ грустно покачалъ головой:

— Это — великій грѣхъ. Но это грѣхъ земного ума (и ума недалекаго!), но не сердца...

За него ты понесъ уже земную кару, и Господь съ тебя уже не взыщетъ.

Войди, сынъ мой!..

И двери раскрылись предо мной настезь...

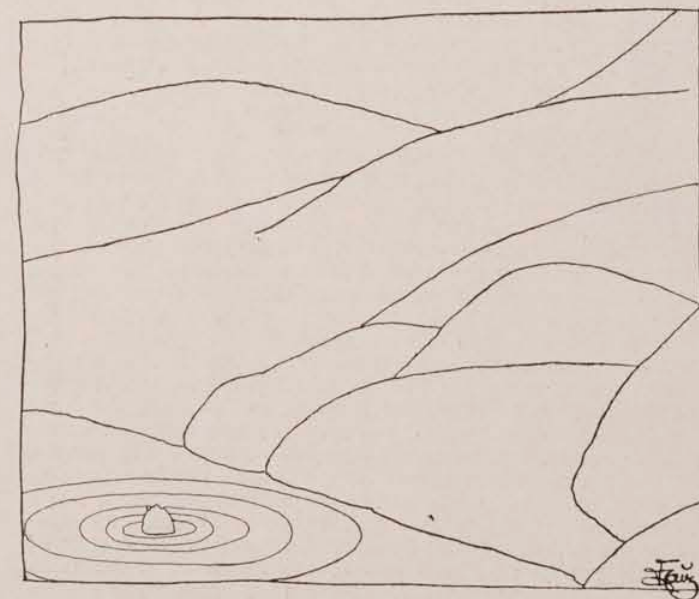
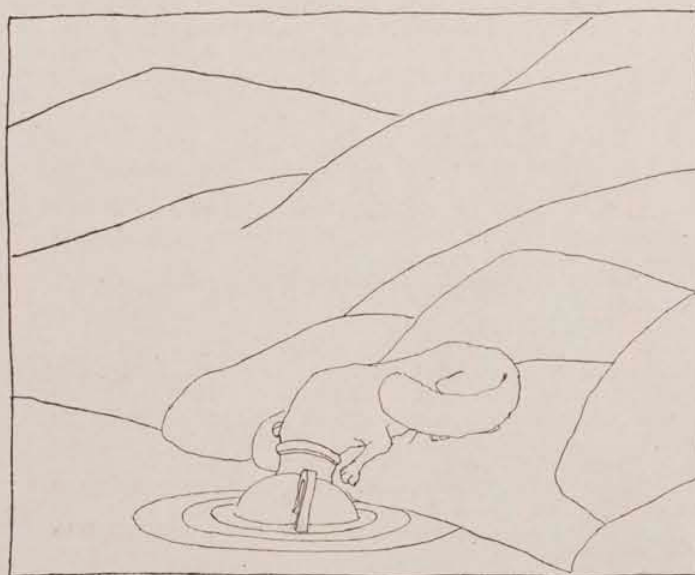
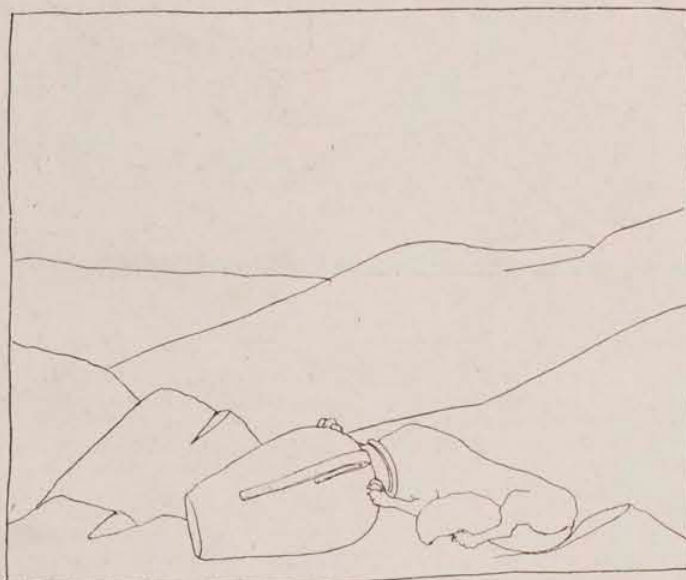
(Продолженіе будетъ).

Редакторъ М. И. Титовъ.

Типографія А. М. Менделѣева, Сиб. Сидовая ул. д. № 81.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Иллюстраціи къ русской сказкѣ

„Лисица и кувшинъ“.

СПРУТЪ № 15.

посвящается

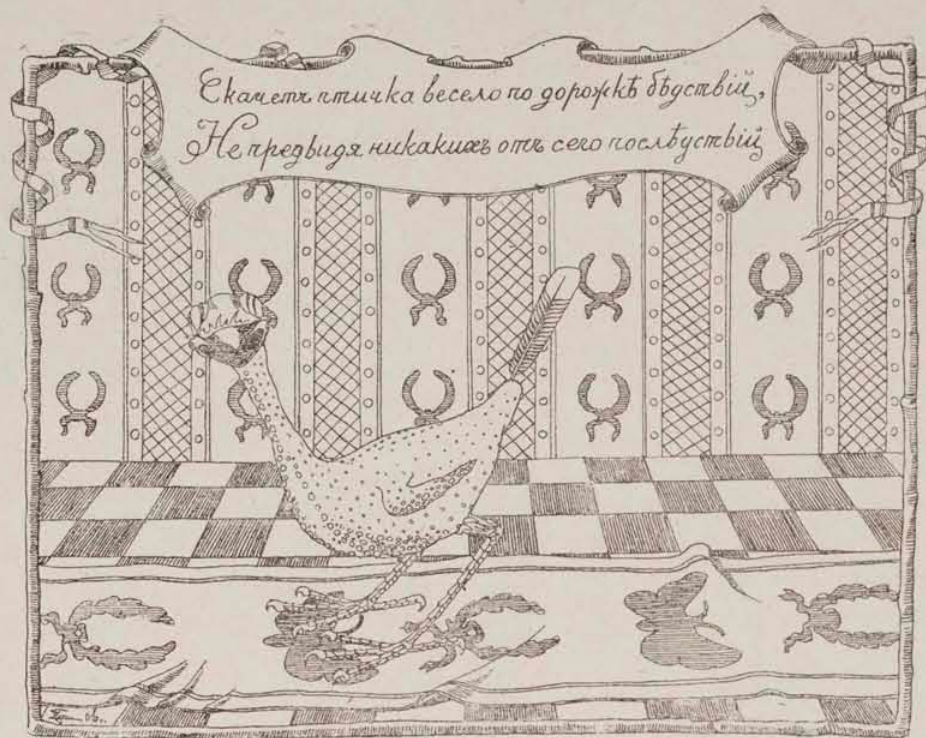
ДУМЪ

26 Апрѣля 1906 года.

Въ сапожной мастерской.

- Съ 17 Октября шили, а сапогъ то вышелъ не по ногѣ!..
- Ничего, съ Божьей милостью втиснемъ какъ нибудь, вѣдь это не впервой!?

26 Апрель 1906 г.

Наше самодержавное и божественное правительство дѣятельно готовится къ завтрашнему дню. Никто, конечно, не станетъ оспаривать его безспорной божественности, ибо самъ Господь Богъ является источникомъ его неограниченной и безграничной власти.

Совсѣмъ иное представляютъ собою народные представители, чуждые всякой божественности. Это тоже вполне очевидно и понятно. Русскіе депутаты являются уполномоченными русскихъ обывателей, лишенныхъ не только власти, но и вообще какихъ-бы то ни было правъ. И только. А потому было-бы нѣсколько непочтительно по отношенію къ Господу Богу приравнять власть и права Русской Государственной Думы къ власти Россійскаго Правительства.

Тѣмъ не менѣе правительство Витте-Дурново въ виду предстоявшей, нѣсколько пикантной встрѣчи въ Таврическомъ дворцѣ съ довольно таки опредѣленно настроеннымъ большинствомъ, слегка заволновалось. Волненіе это стало расти и вскорѣ перешло въ рѣшимость избѣгнуть этой встрѣчи.

Такимъ образомъ, до Думы суждено увидѣть свѣтъ новому божественному правительству „Наслѣдниковъ Витте-Дурново и Ко“. Если на нынѣшнихъ выпускныхъ экзаменахъ была-бы задана отвѣченная тѣма: „Разница между двумя первыми конституционными правительствами въ Россійской Имперіи“, то всѣ гимназисты навѣрное получили-бы по единицѣ. Дѣйствительно вся разница исчерпывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, родители нашихъ новыхъ министровъ носили нѣсколько иные фамиліи нежели родители ушедшихъ министровъ. И только. Есть, впрочемъ, и еще одна разница. На долю Думы такъ-таки и не выпало счастье встрѣчать старое правительство. Зато ей, навѣрно, придется провожать новое, если...

Если дума не будетъ распущена или разогнана штыками. А тогда все пойдетъ какъ по маслу.

Господь Богъ снова снизошлетъ съ высоты небесной новый запасъ своей божественной власти, чуть было не выскользнувшей изъ одряхлѣвшихъ рукъ стараго режима. И воцарится бывшее благоденствіе, если...

Если новая волна ненавистнаго движенія не смоетъ съ своего пути всѣхъ и вся своимъ стихійнымъ и неуправляемымъ потокомъ... Но уже „roue de bon“.

И такъ, завтра—первое засѣданіе русской Государственной Думы: первое дѣйствіе великой Государственной комедіи. Всѣ роли розданы; внезапно заболѣвшіе артисты наспѣхъ замѣнены новыми. Пора начинать, господа правители, давно пора. Le vin est tiré. Il faut le boire.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели.
Гр. А. Толстой.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели.
Ой, ладо, дидо-ладо;
Ой, ладо, лель-люли!

Звучи-же пѣснь привѣтомъ!
Святая Русь, узнай,
Что скоро солнце свѣтомъ
Зальетъ родимый край.

Зачѣмъ-же такъ не весель,
Такъ мраченъ Дурново?
Онъ голову повѣсилъ,
Грызетъ тоска его!

А вдоль Руси могучей
Разлилась пѣснь рѣкой,
Полна надежды жгучей
На счастье, на покой!

Опеки намъ не надо
Мы сильно подросли!
Ой, ладо, дидо-ладо!
Ой, ладо, лель-люли!

Сиріусъ.

— 27 Апрель 1906 г. —
ВЪ БОЛЬШОМЪ САТИРИЧЕСКОМЪ ТЕАТРѢ

„СПРУТЯ“

въ честь депутатовъ Русской Государственной Думы
данъ будетъ

Большой народный экстраординарный Спектакль-Монстръ при благосклон-
номъ участіи извѣстныхъ артистовъ, фокусниковъ и акробатовъ. Про-
щальный выходъ передъ Россійской публикой всемірно-извѣстнаго
знаменитаго артиста-монополиста, престижитатора и чудотворца

СЕРГІЯ НЕПОДОВНАГО

Графа С. В. Итте-Полусахалинскаго.

ПРОГРАММА

Отдѣленіе I.

„Я артистъ акробатъ“ Арія Баринка опер. Штрауса исполнить С. В. Итте.
„Цыганскій баронъ“ исполнить хоръ бюрократовъ.
„Не давай, Царь Батюшка, думу собирать“ черно-
сотенная пѣсня исполнить хоръ бюрократовъ.
Диалогъ изъ поэмы „Братья-разбойники“ . . . прочт. гг. Н. Ейгардтъ и К. Урловъ.
На одного втроемъ ударимъ разомъ. Воинственный
Маршъ изъ оп. „Маленькій Фаустъ“ . исполнить тріо М. Инъ, Р. Иманъ и
О. Рловъ.
„Не для меня придетъ весна“ меланхолическая пѣсня споетъ Д. Урново.
„Шемакинъ судъ“. Народная быль исполнить А. Кимовъ.
„За красу я получила первый призъ“. Изъ Гейши. Стан-
цуетъ и споетъ А. К. Шесснянская.
„О! какъ отрадно умереть за край родной“ С. Тессель.
„Свинья подъ дубомъ“. Басня Крылова. Декламація А. Лексѣевъ.
„Меня за храбрость не хвалите, всего ужасно я
боюсь“ прочтеть К. У. Ропаткинъ.
„Ты пойдѣ моя коровушка домой“. Мелодекламація
исполнить Ш. Такельбергъ.
„Спрятался мѣсяцъ за тучку“ романсъ . споетъ П. О. Бѣдоносцевъ.
„Скажи-ка дядя, вѣдь не даромъ“ прочтеть Дубъ Асоевъ.
„Сказка объ Иванушкѣ-Дурачкѣ“ прочтеть г. Борисъ Никольскій.
„Карету мнѣ карету“ монологъ изъ „Горѣ отъ ума“
исполнить * * *

Акомпанировать будетъ за сценой дама изъ общества.

Вызывать артистовъ болѣе трехъ разъ не разрѣшается, чтобы не затягивать
программы.

Отделение II.
„ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА“.

Акт I. Конкурс остроумия.

Действующие лица:

Прекрасная Елена . . . Россія.
Царь Менелай . . . Старый режимъ.
Парисъ Калетъ.
Царь Агамемнонъ . . . С. В. Итте.
Царь Ахиллъ Д. Урново.
Орестъ Гурьевъ (псевд.).
Аяксъ I С. Уворинъ.
Аяксъ II Г. Рингмутъ.
Парфенисъ } гетеры } Б. Алетта.
Леона } К. Шессинская.
Калхасъ, главный жрецъ
Юпитера И. Сергеевъ.
Филакомъ, устроитель
громовъ Н. Ейгардтъ.
Цари, воины, хоръ, рабы и пр.

Передъ храмомъ Юпитера стоитъ народъ. У каждого въ рукахъ цвѣты и восковыя свѣчи.

Хоръ.

Друзья, въ мольбахъ смиренныхъ
Сольемся въ этотъ часъ!
Отъ диктатуръ военныхъ
Избавь Юпитеръ насъ.
Дубасова къ Плутону
Скорѣ отошли
И Цербера-собаку
Курловымъ замѣни.
Да новенькія клѣпки
Скуетъ пусть, Богъ боговъ,
Вулканъ для бюрократовъ
Дырявыхъ череповъ.
Во время послѣдней части хора двери
въ храмъ открываются. Появляется Калхасъ-Сергеевъ (недовольный). Все цвѣты
и цвѣты! Да еще свѣчки. По части денеж-
ныхъ знаковъ полное оскудѣніе.

(Народъ, положивши жертвоприношенія, рас-
ходитсѣ).

Калхасъ-Сергеевъ. Разошлись. Надо со-
блюдать экономію, лампадное масло стало
дороже. (Тушитъ лампадки). Филакомъ,
унеси приношенія.

Калхасъ-Сергеевъ. И что за приношенія?!
О поношеніе! Падаешь истинное благо-
честіе! А раньше одинъ Титъ Титычъ
Разуваевъ тыщи жертвовалъ, а Колу-
паевъ, а купечская вдова Нимфодора...
Давыдова.

Филакомъ. Нынче всѣ они на воору-
женное возстаніе жертвуютъ. Одна рево-
люція только и въ модѣ!..

Калхасъ-Сергеевъ (сокрушенно). Она одна
только и торжествуетъ. Ахъ... (Беретъ
букетъ). Но, надо пользоваться тѣмъ, что
даютъ. Снеси этотъ букетъ моей милашкѣ
Порфиріи, знаешь, что живетъ противъ
храма Бахуса.

Филакомъ. Знаю, знаю. Да отлучиться
нельзя. Вонъ идетъ народъ и процессія
царей на конкурсъ остроумія.

(Входитъ толпа народа, затѣмъ приля-
сая Орестъ-Гурьевъ подъ руку съ гетерами
Парфенисъ и Леона).

Калхасъ (елейно). Смотрите, какъ при-
плясываютъ. И этотъ отчаянный маль-
чишка — сынъ моего царя! Царскій сынъ...
Удивительно, какъ эта молодежь прене-
брегаетъ всякимъ величіемъ!..

Хоръ.

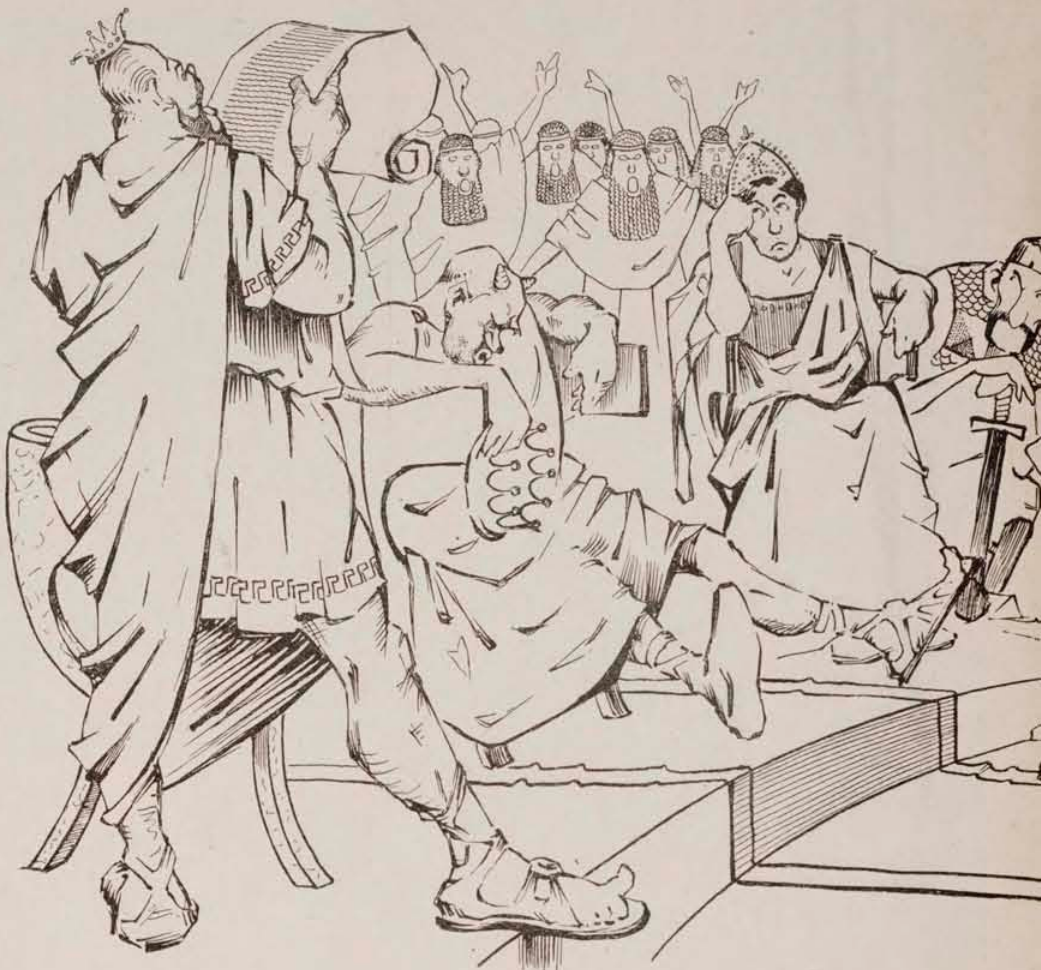
Цари идутъ къ намъ отличатся
И хору надо постараться
Ихъ всѣхъ узнать
И всѣхъ назвать,
Всѣхъ поименно — величать.

Во время хора торжественно разстав-
ляютъ стулья для мельцеровской работы. Вхо-
дятъ два Аякса — С. Уворинъ и Г. Рингмутъ.

Аяксъ — С. Уворинъ.
Вотъ мы полземъ пресмыкаясь
Два Аякса вдругъ.

Хоръ.

Два журналиста вдругъ.
Аяксъ — Г. Рингмутъ.
Вкругъ грязь ползетъ извиваясь
Съ продажныхъ нашихъ рукъ.

Хоръ.

На сотни верстъ вокругъ.

Аяксы оба вмѣстѣ.

Оба подлаго мы права

Дурново нашъ другъ.

Вотъ мы полземъ, пресмыкаясь,

Два Ая-Ая-Ая-Аякса вдругъ.

Полземъ пресмыкаясь... и пр.

Ахиллъ — Д. Урново (входитъ).

Я Д. Урново — такъ и смѣю

Хвастать: я герой!

Хоръ.

Ахъ, дуй его горой!

Ахиллъ — Д. Урново.

Сражаться пушками умѣю

Съ безоружною толпой.

Менелай (входитъ).

Я царь... нѣтъ, какой я нынче царь...

Мужъ я царицы,

Мужъ я царицы,

Славный Менелай.

Хоръ.

Онъ Менелай, лай, лай!

Менелай.

Подобной чести добиться

Никто не желай.

Хоръ.

Вѣдь онъ только мужъ царицы

Бѣдный Менелай.

Агамемнонъ — С. В. Итте.

А я всѣхъ ловчѣ на свѣтѣ

Сахалинскій графъ.

Хоръ.

Онъ Сахалинскій правъ.

Агамемнонъ — С. В. Итте.

Въ полуостровъ мной въ Портсмутъ

Островъ превращенъ,

Положу конецъ я смутѣ

Въ этомъ убѣжденъ.

Хоръ.

Охъ, больно ловокъ онъ.

Всѣ.

Урра! Урра!

(Входитъ Елена, цари съ ней расклани-
ваются. Агамемнонъ, Елена, Менелай са-
дятся справа на мельцеровскую мебель.
Остальные цари въ глубинѣ. Калхасъ, Пар-
фенисъ, и Леона — слева).

Калхасъ — Сергеевъ (Оресту). Принцъ,
ваше мѣсто въ обществѣ царей.

Орестъ — Гурьевъ. Нѣтъ, у насъ уговоръ
съ панашей Агамемнономъ; когда онъ ста-
нетъ говорить, я буду подзаднивать на-
родъ къ рукоплесканіямъ.

Калхасъ — Сергеевъ. А! Въ такомъ случаѣ
не смѣю мѣшать вамъ.

Агамемнонъ (встаетъ). Я объявляю застѣ-
даніе открытымъ.

Орестъ — Гурьевъ (рукоплещетъ по чет-
вертаку за строчку). Bravo! Bravo! Урра!

Агамемнонъ — С. В. Итте (морщась). Не
бѣснуйся-же такъ, дитя мое, рано! Я еще
ничего не сказалъ. Слово принадлежитъ
царю Менелая.

Орестъ — Гурьевъ. Bravo!!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Рано! — Говору-
же тебѣ, что рано.

Менелай (встаетъ). Господа, я глубоко
тронутъ честью, которую... конечно... того...
но я право... я не привыкъ къ оратор-
скимъ преніямъ. Говорю откровенно —
это не мое дѣло. Я буду очень радъ,
если мой другъ и братъ, царь Агамемнонъ,
спасетъ меня въ настоящемъ случаѣ. (Ага-
мемнону). Вы щедры, — вы мнѣ дали слово;
но я великодушенъ и вамъ его возвра-
щаю. (Садится).

Орестъ — Гурьевъ. Главное достоинство
дядюшки Менелая — скромность... Но
папа! О!.. Это сама мудрость... Слушайте,
слушайте, онъ собирается говорить.

Агамемнонъ — С. В. Итте (встаетъ). Цари
и народы Греціи. Россія... то бишь Гре-
ція дурѣетъ съ каждымъ днемъ!..

Орестъ — Гурьевъ. Bravo! Bravo! Bravo!!

Агамемнонъ — С. В. Итте. (большенно мор-
щась). Рано; экой безпокойный мальчишка.

Мы сегодня собрались не для обычныхъ
соперничествъ въ силѣ и ловкости. Нынѣш-
ній день долженъ быть посвященъ остро-
умію. Сильныхъ властью людей у насъ
много. Ахиллъ силенъ, Аяксы сильны...

Наконецъ, я самъ... Но людей сильныхъ
умомъ у насъ нѣтъ.

Всѣ. Правда, правда...

Орестъ. Единодушное сочувствіе.

Агамемнонъ — С. В.

шагетъ мнѣ величіе
съ рѣчью моей къ
которыхъ я тамъ я
спрошу я ихъ, — по-
такъ много видали

чали-ли вы умныхъ
рентъ, что они мнѣ
чали воиновъ, адми-
кратовъ, но умныхъ

Парфенисъ — Б. Але-
ская. Правда, правъ
видали.

Орестъ — Гурьевъ. (о-
справедливо.

Агамемнонъ — С. В.

нибудъ должны-же
Если нѣтъ ихъ нава-
мы на нихъ? Приве-
нѣтъ-ли ихъ внизу

курсъ остроумія к
устроить, могутъ уч-
рей до мужиковъ
царица собственнор-

ровый вѣнокъ. Мы
золотой, но, подум-
должны быть бла-

пригодится нашимъ
устройства баловъ.

Орестъ — Гурьевъ
Парфенисъ — Б. Але-
синской). И для насъ

Агамемнонъ — С. В.

щіе удостоиться эт-
пустъ выступать на
чивости. (Ахиллъ —

аванъ-сцену. Агамем-
Куда вы?

Ахиллъ — Д. Урново.

ходчивости.

Агамемнонъ — С. В.

идутъ не ногами, а
Ахиллъ — Д. Урново

не по моей части.

Агамемнонъ — С. В.

такъ думаю. (Продол-
нія).

Орестъ — Гурьевъ (о-

Отдѣленіе II. „ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА“.

Актъ I. Конкурсъ остроумія.

Дѣйствующія лица:

Прекрасная Елена . . . Россія.
Царь Менелай . . . Старый режимъ.
Парисъ Кадетъ.
Царь Агамемнонъ . . . С. В. Итте.
Царь Ахиллъ Д. Урново.
Орестъ Гурьевъ (псевд.).
Аяксъ I С. Уворинъ.
Аяксъ II Г. Рингмутъ.
Парфенисъ } гетеры { Б. Алетта.
Леона } К. Шессинская.
Калхасъ, главный жрецъ
Юпитера І. Сергіевъ.
Филакомъ, устроитель
громовъ Н. Ейгардтъ.
Цари, воины, хоръ, рабы и пр.

Передъ храмомъ Юпитера стоитъ народъ. У каждого въ рукахъ цѣпты и восковыя свѣчи.

Хоръ.

Друзья, въ мольбахъ смиренныхъ
Сольемся въ этотъ часъ!
Отъ диктатуръ военныхъ
Избавь Юпитеръ насъ.
Дубасова къ Плутону
Скорѣ отошли
И Цербера-собаку
Курловымъ замѣни.
Да новенькиа клѣпки
Скуеть пусть, Богъ боговъ,
Вулканъ для бюрократовъ
Дырявыхъ череповъ.
Во время послѣдней части хора двери
въ храмъ открываются. Появляется Калхасъ-Сергіевъ и Филакомъ.

Калхасъ-Сергіевъ (недовольный). Все цѣпты
и цѣпты! Да еще свѣчки. По части денеж-
ныхъ знаковъ полное оскудѣніе.
(Народъ, положивши жертвоприношенія, рас-
ходитсѣ).

Калхасъ-Сергіевъ. Разошлись. Надо со-
блюдать экономію, лампадное масло стало
дороже. (Гушитъ лампадки). Филакомъ,
унеси приношенія.

Калхасъ-Сергіевъ. И что за приношенія?!
О поношеніи! Падаетъ истинное благо-
честіе! А раньше одинъ Титъ Титычъ
Разуваевъ тыщи жертвовалъ, а Колу-
паевъ, а купечская вдова Нимфодора...
Давыдова.

Филакомъ. Нынче всѣ они на воору-
женное возстаніе жертвуютъ. Одна рево-
люція только и въ модѣ!

Калхасъ-Сергіевъ (сокрушенно). Она одна
только и торжествуетъ. Ахъ... (Беретъ
бухетъ). Но, надо пользоваться тѣмъ, что
даютъ. Снеси этотъ бухетъ моей милашкѣ
Порфиріи, знаешь, что живетъ противъ
храма Бахуса.

Филакомъ. Знаю, знаю. Да отлучиться
нельзя. Вонъ идетъ народъ и процессія
царей на конкурсъ остроумія.
(Входитъ толпа народа, затѣмъ прила-
сшая Орестъ-Гурьевъ подвѣсивъ себѣ гетерами
Парфенисъ и Леона).

Калхасъ (слезно). Смотрите, какъ при-
плясываютъ. И этотъ отчаянный маль-
чишка — сынъ моего царя! Царскій сынъ...
Удивительно, какъ эта молодежь прене-
брегаетъ всякимъ величіемъ!..

Хоръ.

Цари идутъ къ намъ отличаться
И хору надо постараться
Ихъ всѣхъ узнать
И всѣхъ называть,
Всѣхъ поименомъ — величать.
Во время хора торжественно разстав-
ляютъ сдѣланные мелцерской работъ. Вхо-
дятъ два Аякса — С. Уворинъ и Г. Рингмутъ.

Аяксъ — С. Уворинъ.
Вотъ мы полземъ пресмыкаясь
Два Аякса вдругъ.

Хоръ.

Два журналиста вдругъ.
Аяксъ — Г. Рингмутъ.
Вкругъ грязь ползетъ извиваясь
Съ продажныхъ нашихъ рукъ.

Хоръ.

На сотни верстъ вокругъ.
Аяксы оба вмѣстѣ.
Оба подлога мы права
Дурново нашъ другъ.
Вотъ мы полземъ, пресмыкаясь,
Два Ая-Ая-Ая-Аякса вдругъ.
Полземъ пресмыкаясь... и пр.
Ахиллъ — Д. Урново (входитъ).
Я Д. Урново — такъ и смѣю
Хвастать: я герой!

Хоръ.

Ахъ, дуя его горой!
Ахиллъ — Д. Урново.
Сражаться пушками умѣю
Съ безоружною толпой.
Менелай (входитъ).
Я царь... нѣтъ, какой я нынче царь...
Мужъ я царицы,
Мужъ я царицы,
Славный Менелай.

Хоръ.

Онъ Менелай, лай, лай!
Менелай.
Подобной чести добиться
Никто не желай.

Хоръ.

Вѣдь онъ только мужъ царицы
Бѣдный Менелай.
Агамемнонъ — С. В. Итте.
А я всѣхъ ловчѣе на свѣтѣ
Сахалинскій графъ.

Хоръ.

Онъ Сахалинскій правъ.
Агамемнонъ — С. В. Итте.
Въ полуостровъ мой въ Портсмутъ
Островъ превращенъ,
Положу конецъ я смутѣ
Въ этомъ убѣжденъ.

Хоръ.

Охъ, больно ловокъ онъ.
Всѣ.
Урра! Урра!
(Входитъ Елена, цари съ ней расклани-
ваются. Агамемнонъ, Елена, Менелай са-
дятся справа на мелцерскую мебель. Остальные цари въ глубинѣ. Калхасъ, Пар-
фенисъ, и Леона — слева).

Калхасъ — Сергіевъ (Оресту). Принцъ,
ваше мѣсто въ обществѣ царей.

Орестъ — Гурьевъ. Нѣтъ, у насъ уговоръ
съ папашей Агамемнономъ; когда онъ ста-
нетъ говорить, я буду подзаднивать на-
родъ къ рукоплесканіямъ.

Калхасъ — Сергіевъ. А! Въ такомъ случаѣ
не смѣю мѣшать вамъ.
Агамемнонъ (встаетъ). Я объявляю за-
сѣданіе открытымъ.

Орестъ — Гурьевъ (рукоплещетъ по чет-
вертаку за строчку). Bravo! Bravo! Урра!
Агамемнонъ — С. В. Итте (морщась). Не
бѣснуйся-же такъ, дитя мое, рано! Я еще
ничего не сказалъ. Слово принадлежитъ
царю Менелая.

Орестъ — Гурьевъ. Bravo!!
Агамемнонъ — С. В. Итте. Рано! — Говору-
же тебѣ, что рано.

Менелай (встаетъ). Господа, я глубоко
тронутъ честью, которую... конечно... того...
но я право... я не привыкъ къ оратор-
скимъ преніямъ. Говорю откровенно —
это не мое дѣло. Я буду очень радъ,
если мой другъ и братъ, царь Агамемнонъ,
спасетъ меня въ настоящемъ случаѣ. (Ага-
мемнону). Вы щедры, — вы мнѣ дали слово;
но я великодушенъ и вамъ его возвра-
щаю. (Садится).

Орестъ — Гурьевъ. Главное достоинство
дядюшки Менелая — скромность... Но
папа! О!.. Это сама мудрость... Слушайте,
слушайте, онъ собирается говорить.

Агамемнонъ — С. В. Итте (встаетъ). Цари
и народы Греціи. Россія... то бишь Гре-
ція дурѣтъ съ каждымъ днемъ!..

Орестъ — Гурьевъ. Bravo! Bravo! Bravo!!
Агамемнонъ — С. В. Итте. (большенно мор-
щась). Рано; экой безпокойный мальчишка.
Мы сегодня собрались не для обычныхъ
сперничествъ въ силъ и ловкости. Нынѣш-
ній день долженъ быть посвященъ остро-
умію. Сильныхъ властью людей у насъ
много. Ахиллъ силенъ, Аяксы сильны...
Наконецъ, я самъ... Но людей сильныхъ
умомъ у насъ нѣтъ.

Всѣ. Правда, правда...
Орестъ. Единодушное сочувствіе.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Да, не помѣ-
шаетъ мнѣ величіе торжества обратиться
съ рѣчью моею къ Парфенисъ и Леона,
которыхъ я тамъ замѣчаю. Скажите, —
спрошу я ихъ, — по вашей профессіи вы
такъ много видали всякаго народа, встрѣ-
чали-ли вы умныхъ людей? И я увѣ-
ренъ, что они мнѣ отвѣтятъ: „Мы встрѣ-
чали воиновъ, администраторовъ, бюро-
кратовъ, но умныхъ людей никогда...“

Парфенисъ — Б. Алетта и Леона — К. Шессин-
ская. Правда, правда! Умныхъ людей не
видали.

Орестъ — Гурьевъ. (Невольно). Рѣзко, но
справедливо.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Но господа, гдѣ
нибудь должны-же быть умные люди.
Если нѣтъ ихъ наверху, то не сидимъ-ли
мы на нихъ? Привстанемъ и посмотримъ,
нѣтъ-ли ихъ внизу подъ нами. Въ кон-
курсѣ остроумія, который мы вздумали
устроить, могутъ участвовать всѣ отъ ца-
рей до мужичковъ. На главу побѣдителя
царица собственноручно возложитъ ла-
вовый вѣнокъ. Мы сперва назначили было
золотой, но, подумавъ я, люди умные
должны быть благоразумны, а золото
пригодится нашимъ министрамъ для
устройства баловъ.

Орестъ — Гурьевъ (тихо наклоняясь къ
Парфенисъ — Б. Алетта и Леона — К. Шес-
синской). И для насъ съ вами ципочки.

Агамемнонъ — С. В. Итте. И такъ, желаю-
щіе удостоиться этой скромной награды,
пусть выступятъ на арену ума и нахо-
дчивости. (Ахиллъ — Д. Урново шагаетъ на
аван-сцену. Агамемнонъ, его останавливая).

Куда вы?
Ахиллъ — Д. Урновъ. На арену ума и на-
ходчивости.

Агамемнонъ — С. В. Итте. На эту арену
идутъ не ногами, а головой.

Ахиллъ — Д. Урновъ. (Ретируется). Ну, это
не по моей части.

Агамемнонъ — С. В. Итте (садясь). Я тоже
такъ думаю. (Продолжительная рукоплеска-
нія).

Орестъ — Гурьевъ (съ энтузіазмомъ). Bravo!

папа, bravo. Музыка!!

Музыка „Русскаго Государства“ играетъ
весьма фальшиво).

Менелай (наклоняясь къ Агамемнону). Хо-
рошенькая музыка — ваша?

Агамемнонъ — С. В. Итте. Моя. Полтора
милліона въ годъ стоитъ, не считая казен-
ныхъ объявленій. Музыкантъ къ музы-
канту; каждый въ день съѣдаетъ однихъ
бутербродовъ на 25 минъ.

Елена (вскликая). Минъ. Не произно-
сите въ моемъ присутствіи этого сквер-
наго слова.

Агамемнонъ — С. В. Итте. (Успокоительно).
Успокойтесь царица. Это не то, что вы
думаете, а просто греческая денежная
единица.

Елена (садясь). Единича. Нѣтъ, то что я
думала, только нуль, хотя и стоитъ нашей
греческой казны многихъ талантовъ *).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Мы начинаемъ.
Слушайте, народы, заданную шараду. (Пе-
редаетъ свѣтло). Читайте царь Менелай.

Менелай (встаетъ). Я умѣю.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Извольте.
Менелай (читаетъ).

Мой первый слогъ есть житель всѣхъ
народовъ,
Онъ по-нѣмецки — дуралей
Одинъ изъ нравственныхъ уродовъ,
Посмѣшище для всѣхъ людей.

Аяксъ — С. Уворинъ. Дуралей! стойте, я
знаю — это Д. Урново.

Ахиллъ (бычно). Что! Во первыхъ я
для васъ не Д. Урново, а царь Ахиллъ,
а затѣмъ. Я урокъ!! (Дѣлаетъ знакъ
листорамъ схватить Аякса).

Аяксъ — С. Уворинъ (до крайности нѣжно).
Изъ нравственныхъ! Только изъ нрав-
ственныхъ! Въ физическомъ отношеніи
васъ природа сдѣлала совершенствомъ, но
въ нравственномъ.

Ахиллъ — Дурново (величественно). А! это
другое дѣло!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Аяксъ, вы пе-
ребиваете очень некстати. Ахиллъ совсѣмъ

не житель всѣхъ народовъ! — такой типъ
возможенъ только у насъ и въ наши дни.

Продолжайте, Менелай.
Менелай (читаетъ по складамъ).
Мой первый слогъ есть житель всѣхъ
народовъ,

Онъ по-нѣмецки — дуралей
Одинъ изъ нравственныхъ уродовъ,
Посмѣшище для всѣхъ людей.

Аяксъ — С. Уворинъ (задумчиво). Д. Урново.
Ей Богу Д. Урново.

Менелай (прерывая чтеніе). Что вы тамъ
все ворчите, Аяксъ. Молчите. (Продолжаетъ
чтеніе).

Второй мой слогъ — есть восклицаніе...
Ахиллъ — Дурново. Восклицаніе! Когда мы
одерживаемъ внутреннія побѣды, мы кри-
чимъ ура! Ура! — восклицаніе.

Аяксъ — С. Уворинъ (многозначительно). И
увы — тоже восклицаніе.

Ахиллъ — Д. Урново (свѣрло). Вы этимъ
что хотите сказать? А?!!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Господа прошу
замолчать; иначе мы никогда не кончимъ.
Читайте, Менелай.

Менелай (читаетъ).
Второй мой слогъ есть восклицаніе,
Восторга, удивленія знакъ,
А все — правительства пытанье
Спаси престижъ свой какъ никакъ.

Я прочиталъ. (Садится. Молчаніе).
Агамемнонъ — С. В. Итте. Ну юные архи-
адютанты, бюрократы и генералъ-губер-
наторы, отгадывайте.

Аяксъ — С. Уворинъ. Умилительно!
Аяксъ — Г. Рингмутъ. Высокопочитаніе!
Ахиллъ — Дурново. Слабѣйшій!

(Всѣ вмѣстѣ повторяютъ нѣсколько разъ
свое слово).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Кто сказалъ
высокопочитаніе?

Аяксъ — Г. Рингмутъ. Я, но я отъ высоко-
почитанія отказываюсь, разъ отъ меня ка-
зенныхъ объявленія отняли.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Я-бы посовѣты-
валъ и слабѣйшему отказаться.

Ахиллъ — Д. Урново. Это почему? Въ сла-

бѣйшемъ есть бей! Бей восклицаніе. Бей —
слабѣйшій.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Да; но вашъ
первый слогъ сла. Что такое сла? Ну бей,
а сла ничего не значить.

Менелай (вставая). Бей осла, ничего не
значить. (Раскланивается и садится).

Ахиллъ — Д. Урново (ворчитъ). Что за на-
меки на овестъ, я здѣсь право непричемъ.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Нѣтъ-ли кого-
нибудь похитрѣ.

(Парисъ появляется передъ толпой).
Елена (вставая). Ахъ! Онъ.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Что съ вами
царица? (къ Парису). Кадетъ! Что тебѣ
надо мальчуганска?

Парисъ — Кадетъ. Я хочу разгадать шараду.
Ахиллъ — Д. Урново (бычно). Послѣ насъ?
Дерзкій!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Конечно это
очень либерально, однако говори.

Парисъ — Кадетъ. Первый слогъ: житель
всѣхъ народовъ, по нѣмецки дуралей —
dumm — неправда-ли царь Менелай.

Менелай (конфузясь). Не знаю. Не знаю.
Парисъ — Кадетъ. Второй слогъ: восклицаніе.
А! — напримеръ: А, попались голуби-
чки. А все правительства пытанье спасти
престижъ свой. Какъ-никакъ Дума.

Всѣ. Дума, Дума!!
Елена — Россія (радостно). Онъ побѣдилъ!
Кадетъ побѣдилъ!

Ахиллъ — Д. Урново. Да я его, да мы его...
Агамемнонъ — С. В. Итте. Заткните фон-
танъ, голубчикъ. Кадетъ заслужилъ первую
награду. Твое имя побѣдитель?

Парисъ — Кадетъ. Я скажу послѣ.
Орестъ Гурьевъ (безъ особаго восторга).
Трубы, трубы въ честь побѣдителя. (Му-
зыка „русскаго государства“ играетъ осо-
бенно фальшиво Орестъ скрывается).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Переходимъ ко
второй задачѣ. Царь Менелай, не угодно-
ли прочесть?

Менелай. Про честь?!. Что за двусмыс-
ленный намекъ. Честь намъ также дорога,
какъ каждому другому.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Добрый другъ,
я нисколько не желаю задѣвать твою
честь. Я знаю, что это твое больное мѣсто.
Прочти вопросъ каламбура...

Менелай (читаетъ вопросъ каламбура).
Что хорошаго слышно объ С. В. Итте и
Д. Урново.

Всѣ. Ничего, ничего.
Менелай. Кто рѣшилъ?

(Парисъ выступаетъ).
Агамемнонъ — С. В. Итте. Кадетъ?!. (Об-
щесъ воланіе).

Ахиллъ — Д. Урново. Молчать, не рассу-
ждать, арестую... повѣшу.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Что дѣлать.
Пусть говоритъ. (Закликающе). Говори
кадетикъ.

Парисъ — Кадетъ. Вы спрашиваете, что
хорошаго слышно про Д. Урново и С. В.
Итте? Я отвѣчаю:

С. Вите съ Дурново уходятъ
съ постовъ, насивенныхъ своихъ,
Такъ лучше; въ грѣхъ другихъ не
вводять,

Не то глядишь уходятъ ихъ!
Ахиллъ Д. Урново и Агамемнонъ — С. В.
Итте. Охъ! отъ сердца отлегло. (Подскаки-
ваютъ къ Кадету и крѣпко пожимаютъ ему
руку). Спасибо, молодой человѣкъ, вы
могли сказать гораздо сильнѣе.

Менелай. Ха, ха, ха... Очень мило.
Орестъ — Г. Урьевъ. Трубы, трубы. (Самъ
вмѣстѣ въ трубу вмѣстѣ съ „Русскимъ
Государствомъ“).

Итте. Да, не помѣ-
торжества обратиться
дарфенисть и Леона,
замѣчаю. „Скажите, —
вашей профессіи вы
всякаго народа, встрѣ-
ть людей?“ И я увѣ-
рять: „Мы встрѣ-
нистраторовъ, бюро-
людей никогда...“
та и Леона — К. Шес-
на! Умныхъ людей не

Невольно). Рѣзко, но

Итте. Но господа, гдѣ
быть умные люди.
ерху, то не сидимъ-ли
танемъ и посмотримъ,
подъ нами. Въ кон-
оторый мы вздумали
наствовать всѣмъ отъ ца-
На главу побѣдителя
учно возложить лав-
сперва назначили было
малъ я, люди умные
горазумны, а золото
тъ министрамъ для

(тихо наклоняясь къ
та и Леона — К. Шес-
съ вами ципочки.

Итте. И такъ, желаю-
ой скромной награды,
арену ума и наход-
Д. Урново шагаетъ на
ионъ, его останавливая).

На арену ума и на-
Итте. На эту арену
головой.
(Ретируясь). Ну, это

Итте (садясь). Я тоже
жестельная рукописка-
въ энтузіазмѣ). Браво!

папа, bravo. Музыка!!

Музыка «Русскаго Государства» играетъ
весьма фальшиво).

Менелай (наклоняясь къ Агамемнону). Хо-
рошенькая музычка — ваша?

Агамемнонъ — С. В. Итте. Моя. Полтора
милліона въ годъ стоитъ, не считая казен-
ныхъ объявленій. Музыкантъ къ музы-
канту; каждый въ день съѣдаетъ однихъ
бутербродовъ на 25 минъ.

Елена (вскакивая). Минъ. Не произно-
сите въ моемъ присутствіи этого сквер-
наго слова.

Агамемнонъ — С. В. Итте. (Успокоительно).
Успокойтесь царица. Это не то, что вы
думаете, а просто греческая денежная
единица.

Елена (садясь). Единица. Нѣтъ, то что я
думала, только нуль, хотя и стоитъ нашей
греческой казны многихъ талантовъ *).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Мы начинаемъ.
Слушайте, народы, заданную шараду. (Пе-
редаетъ свертки). Читайте царь Менелай.

Менелай (встаетъ). Я умю.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Извольте.

Менелай (читаетъ).

Мой первый слогъ есть житель всѣхъ
народовъ,

Онъ по-нѣмецки — дуралей

Одинъ изъ нравственныхъ уродовъ,

Посмѣшище для всѣхъ людей.

Аяксъ — С. Уворинъ. Дуралей! стойте, я

знаю — это Д. Урново.

Ахиллъ (бѣшено). Что! Во первыхъ я

для васъ не Д. Урново, а царь Ахиллъ,

а затѣмъ. Я уродъ!! (Дѣлаетъ знакъ

ликторамъ схватить Аякса).

Аяксъ — С. Уворинъ (до крайности нѣжно).

Изъ нравственныхъ! Только изъ нрав-

ственныхъ! Въ физическомъ отношеніи

васъ природа сдѣлала совершенствомъ, но

въ нравственномъ.

Ахиллъ — Дурново (величественно). А! это

другое дѣло!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Аяксъ, вы пе-

ребиваете очень некстати. Ахиллъ совсѣмъ

Талантъ — греческая монета.

не житель всѣхъ народовъ! — такой типъ
возможенъ только у насъ и въ наши дни.
Продолжайте, Менелай.

Менелай (читаетъ по складамъ).

Мой первый слогъ есть житель всѣхъ
народовъ,

Онъ по-нѣмецки — дуралей

Одинъ изъ нравственныхъ уродовъ,

Посмѣшище для всѣхъ людей.

Аяксъ — Суворинъ (задумчиво). Д. Урново.

Ей Богу Д. Урново.

Менелай (прерывая чтеніе). Что вы тамъ

все ворчите, Аяксъ. Молчите. (Продолжаетъ

чтеніе).

Второй мой слогъ — есть восклицаніе...

Ахиллъ — Дурново. Восклицаніе! Когда мы

одерживаемъ внутреннія побѣды, мы кри-

чимъ ура! Ура! — восклицаніе.

Аяксъ — Суворинъ (многозначительно). И

увы — тоже восклицаніе.

Ахиллъ — Д. Урново (свирѣпо). Вы этимъ

что хотите сказать? А?!!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Господа прошу

замолчать; иначе мы никогда не кончимъ.

Читайте, Менелай.

Менелай (читаетъ).

Второй мой слогъ есть восклицаніе,

Восторга, удивленія знакъ,

А все — правительства пытанье

Спасти престижъ свой какъ никакъ.

Я прочиталъ. (Садится. Молчаніе).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Ну юные архи-

адъютанты, бюрократы и генералъ-губер-

наторы, отгадывайте.

Аяксъ — С. Уворинъ. Умилительно!

Аяксъ — Г. Рингмутъ. Высокопочитаніе!

Ахиллъ — Дурново. Слабѣйшій!

(Всѣ вмѣстѣ повторяютъ нѣсколько разъ

свое слово).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Кто сказалъ

высокопочитаніе?

Аяксъ — Г. Рингмутъ. Я, но я отъ высоко-

почитанія отказываюсь, разъ отъ меня ка-

зенныя объявленія отняли.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Я-бы посовѣты-

валъ и слабѣйшему отказаться.

Ахиллъ — Д. Урново. Это почему? Въ сла-

бѣйшемъ есть бей! Бей восклицаніе. Бей —
слабѣйшій.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Да; но вашъ
первый слогъ сла. Что такое сла? Ну бей,
а сла ничего не значить.

Менелай (вставая). Бей осла, ничего не
значить. (Раскланивается и садится).

Ахиллъ — Д. Урново (ворчитъ). Что за на-
меки на овестъ, я здѣсь право непричемъ.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Нѣтъ-ли кого-
нибудь похитрѣ.

(Парисъ появляется передъ толпой).

Елена (вставая). Ахъ! Онъ.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Что съ вами
царица? (къ Парису). Кадетъ! Что тебѣ
надо мальчуганка?

Парисъ — Кадетъ. Я хочу разгадать шараду.

Ахиллъ — Д. Урново (бѣшено). Послѣ насъ?

Дерзкій!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Конечно это

очень либерально, однако говори.

Парисъ — Кадетъ. Первый слогъ: житель
всѣхъ народовъ, по нѣмецки дуралей —
dumst — неправда-ли царь Менелай.

Менелай (конфузясь). Не знаю. Не знаю.

Парисъ — Кадетъ. Второй слогъ — воскли-

чаніе. А! — напимѣрь: А, попались голуб-

чики. А все правительства пытанье спасти

престижъ свой. Какъ-никакъ Дума.

Всѣ. Дума, Дума!!

Елена — Россія (радостно). Онъ побѣдилъ!

Кадетъ побѣдилъ!

Ахиллъ — Д. Урново. Да я его, да мы его...

Агамемнонъ — С. В. Итте. Заткните фон-

тантъ, голубчикъ. Кадетъ заслужилъ первую

награду. Твое имя побѣдитель?

Парисъ — Кадетъ. Я скажу послѣ.

Орестъ Гурьевъ (безъ особаго восторга).

Трубы, трубы въ честь побѣдителя. (Му-

зыка „русскаго государства“ играетъ осо-

бенно фальшиво Орестъ скрывается).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Переходимъ ко

второй задачѣ. Царь Менелай, не угодно-

ли прочесть?

Менелай. Про честь?!. Что за двусмыс-

ленный намекъ. Честь намъ также дорога,

какъ каждому другому.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Добрый другъ,

я нисколько не желаю задѣвать твою

честь. Я знаю, что это твое больное мѣсто.

Прочти вопросъ каламбура...

Менелай (читаетъ вопросъ каламбура).

Что хорошаго слышно объ С. В. Итте и

Д. Урново.

Всѣ. Ничего, ничего.

Менелай. Кто рѣшилъ?

(Парисъ выступаетъ).

Агамемнонъ — С. В. Итте. Кадетъ?!. (Об-

щее волненіе).

Ахиллъ — Д. Урново. Молчать, не рассу-
ждать, арестую... повѣшу.

Агамемнонъ — С. В. Итте. Что дѣлать.

Пусть говоритъ. (Занскиваяше). Говори

кадетикъ.

Парисъ — Кадетъ. Вы спрашиваете, что

хорошаго слышно про Д. Урново и С. В.

Итте? Я отвѣчаю:

С. Витте съ Дурново уходятъ

съ постовъ, насильственныхъ своихъ,

Такъ лучше; въ грѣхъ другихъ не

вводить,

Не то глядишь уходить ихъ!

Ахиллъ Д. Урново и Агамемнонъ — С. В.

Итте. Охъ! отъ сердца отлегло. (Подскаки-

ваютъ къ Кадету и крѣпко пожимаютъ ему

руку). Спасибо, молодой человекъ, вы

могли сказать гораздо сильнѣе.

Менелай. Ха, ха, ха... Очень мило.

Орестъ — Г. Урьевъ. Трубы, трубы. (Самъ

вылетаетъ въ трубу вмѣстѣ съ „Русскимъ

Государствомъ“).

Агамемнонъ (наблюдая за полетомъ). Вотъ

такъ штука! Менелай, объяви заданныя

рифмы. (Передаетъ бумагу).

Менелай (встаетъ). Рифмы? Вотъ онѣ:

казни — невзгода, боязни — свобода.

Ахиллъ — Д. Урново. Требую слова!

Агамемнонъ — С. В. Итте. Въ васъ много

рвенія, милѣйшій. До сихъ поръ оно было

несчастливо. Но, посмотримъ. Говорите.

Ахиллъ (дѣлая особенное удареніе на за-

данныя слова). Всякіе паршивые либера-

лишки нагло требуют отмѣны смертной казни, вотъ еще не было невзгоды, если они не замолчатъ и будутъ требовать свободы, я имъ ракаліямъ покажу кузькину мать... (Въ ярости брызжетъ слюной).

Агамемнонъ—С. В. Итте. Это не стихи мой милый.

Ахиль—Д. Урново. Какъ не стихи? Это почему?

Агамемнонъ—С. В. Итте. Почему? Почему? Если вы малограмотны, поступите въ городское училище. Намъ васъ учить некогда. (Аякс—С. Уворинъ поднимаетъ руку). Говорите Аяксъ.

Аяксъ—С. Уворинъ. Мое стихотвореніе маленькое, очень маленькое. Вотъ оно:

Я читаю и про казни,
И пишу я про невзгоды,
Я, вы мы полны боязни,
Ахъ свободы, ахъ свободы!!!

Агамемнонъ—С. В. Итте. Понимаешь, царь Менелай?

Менелай. Ничего не понимаю; но оно звучно и благонамѣренно.

Агамемнонъ—С. В. Итте. Винавать, миленькій Аяксъ, повторите пожалуйста.

Аяксъ—первый (съ большимъ чувствомъ повторять).

Агамемнонъ С. В. Итте (подумавъ). Голубчикъ мой! Это очень красиво и звучно, благонамѣренно, но тутъ нѣтъ никакого смысла, это галиматья, почтеннѣйшій... Другой кто-нибудь!

Аяксъ второй—Г. Рингмутъ (нѣжно). А всетаки высокопочитаніе.

Всѣ. Довольно, довольно, уберите его! Кадетъ, кадетъ!!!

Парисъ—Кадетъ (выступая). Я обращаюсь къ царю Менелаю.

Менелай (подходя къ нему). Съ просьбой? Давай!

Парисъ—Кадетъ. Нѣтъ; со стихами.

Менелай. Подноси.

Парисъ—Кадетъ. И царицѣ тоже. (Становится между ними). Я говорю:

Довольно слезъ, долой разстрѣлы, казни.
Пусть кончится кровавая невзгода,
Свѣтъ побѣждаетъ тьму безъ страха,
Безъ боязни.

Впередъ! Да здравствуетъ народная свобода!

Елена—Россія. Боже мой, какъ мило!

Всѣ. Bravo, bravo!

Агамемнонъ—С. В. Итте. Что скажешь, царь Менелай?

Менелай. Мысль нецензурная немного, но стихи гладкіе.

Агамемнонъ—С. В. Итте. Тебѣ третья и послѣдняя награда.

Парисъ—Кадетъ.

Представитель я народа,

Пионеръ я новой жизни,

Я народная свобода

И пришелъ служить отчизнѣ.

За собой изъ тьмы суровой

Поведу народъ я къ свѣту!

Сбросилъ прежній рабъ оковы

И зоветъ васъ всѣхъ къ отвѣту.

Елена—Россія.

О Боже, онъ чей голосъ мощный

Взываетъ ко мнѣ въ годину бѣды.

Хоръ.

Приди и мракъ разсѣй полночный

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, привѣтъ!

Менелай.

Устроимъ пышный вамъ пріемъ,

Дворца откроемъ двери.

Въ четвергъ послѣ дождя васъ ждемъ.

Елена—Россія. Нѣтъ, мы васъ ждемъ въ

Апрѣль!

Парисъ—Кадетъ. Сердечно благодарю, запомню этотъ срокъ.

Калхасъ—Сергіевъ (подобострастно). О поздравлю васъ (подставляетъ руку) дозвольте на чаекъ!

Парисъ.

Мнѣ нужно счастье не такое

И былъ-бы я доволенъ вдвое,

Когда-бы могъ мнѣ кто помочь

Чтобъ Менелай убрался прочь.

(Громовой ударъ,—всеобщій ужасъ).

Хоръ.

Громовымъ ударомъ

Небеса недаромъ

Дрогнули сейчасъ.

Всѣ.

Юпитеръ говоритъ—

Чтобъ Менелай на Критъ

Изволилъ отправляться.

Елена—Россія.

Ну, да, чего-же удивляться?

Менелай.

На кой-же чортъ туда мнѣ шляться?

Всѣ.

Живо, живо снаряжайся,

Тотчасъ отправляйся

И не убивайся,

Року покоряйся.

Маршъ! Маршъ! Маршъ!

Менелай надѣваетъ дорожную шапку и сапоги, прощается съ царями и Еленой.

(Запавъ).

Б. Вилли.

Отдѣленіе III.

„Пошли вонъ дураки“ сцена изъ „Женитьбы“ Гоголя, исполнить хоръ народныхъ представителей.

* *

Катился апельсинъ по улицѣ,

Браво!

Еще ли тотъ апельсинъ съ начинкою

Браво!

Прокатился апельсинъ ко

сатрапику

Браво!

Ничего отъ обоихъ не осталось

Браво!

Апельсинъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Въ скоромъ времени будетъ поставлена запрещенная піеса „Народная Свобода“.

РАЗНИЦА.

— Какая разница между европейскими министрами и нашими?

— Тѣ падаютъ, а наши взлетаютъ.

ЛЕТУЧІЕ ДІАЛОГИ.

— Вы слышали, кабинетъ Витте-Дурново-Акимовъ вышелъ въ отставку.

— Въ отставку?.. Ему уже давно пора, но только не въ отставку, а въ отсидку...

Духъ Банко.

— Что оставилъ Витте Думѣ въ наслѣдство?

— ???

— Секретъ спасенія Россіи.

Шимоза.

НЕМНОЖКО СТАТИСТИКИ.

Золотой Адмираль.

Онъ стоилъ казнѣ:

Въ корпусѣ за 6 лѣтъ . . . 5,100 р.

Одинъ годъ Гардемаринномъ . . . 600 „

6 лѣтъ Мичманомъ . . . 3,546 „

10 „ Лейтенантомъ . . . 10,960 „

6 „ Капит. Лейтенант. . . 11,940 „

3 г. Капитаномъ 2 ранга . . . 14,890 „

9 л. . . 33,675 „

9 л. Контръ-адмираломъ . . . 47,775 „

16 л. Вице-адмираломъ . . . 118,848 „

12 л. Адмираломъ . . . 114,130 „

Всего . 361,464 р. (!!!)

Мы положительно недоумѣваемъ, почему наше морское вѣдомство не воспользовалось талантами такого, въ полномъ смыслѣ, сокровища въ минувшую войну. Быть можетъ мы-бы избѣгли Цусимы.

Статистикъ.

КАНИТЕЛЬ.

(По Чехову).

На клиросѣ стоитъ Меньшиковъ. Передъ нимъ лежатъ двѣ бумажки. На одной написано „о здравіи“, на другой — „за упокой“. Около клироса стоитъ старикъ Суворинъ. Онъ задумался.

— Дальше кого? спрашиваетъ Меньшиковъ.

— Сейчасъ, батюшка. Ну пиши. О здравіи раба произвола полиціи, опять произвола, новопреставленнаго младенца конституціи, усопшей цензуры.

— Пстой — цензура померла?

— Померла, — вздыхаетъ старикъ.

— Такъ какъ-же ты велишь о здравіи записывать? сердится Меньшиковъ, вычеркивая цензуру и перенося ее на другую бумажку. — Кого-же за упокой?

— За упокой? Пиши: свободу слова, неприкосновенность личности, бюрократію, какъ въ третѣмъ годѣ въ Манчжурію пошла.

— Померла?

— А кто ее знаетъ: ты ее, родименькій, на обѣ запиши, а тамъ видно будетъ. Да ей все равно, какъ ни записывай. Теперь за упокой: правосудіе, самоуправленіе, болящую думу.

— Болящую думу за упокой? Тѣфу, запуталъ ты меня. Изволь теперь думу хѣрить и на другую бумажку писать, всю бумагу изгадилъ. Ну слушай я тебѣ прочту: „о здравіи раба произвола, полиціи, опять произвола, новопреставленнаго младенца конст... Пстой, какъ-же сюда конституція попала? Новопреставленный — и вдругъ о здравіи! Запуталъ ты меня, убогий, чортъ съ тобой!

Меньшиковъ крутитъ головой, зачеркиваетъ конституцію и переноситъ ее въ заупокойный отдѣлъ.

— Нагайку записалъ?

— Нагайку? Помню записывалъ, а теперь никакъ не найдешь. Вотъ она. За упокой записана.

— Нагайка-то за упокой. Дня нѣтъ, чтобы она отечества не спасала, а ты на нее уже смерть накликаешь. Самъ ты путаешь. Это тебя жидъ хореводить.

— Совсѣмъ запуталъ старикъ. И эта бюрократія — еще встряла сюда... Шутъ ее принесъ. Ничего не разберу. Надо сызнова.

— Выкинь бюрократію, коли такъ. Чортъ съ нею...

— Я ихъ всѣхъ гуртомъ запишу, а ты неси къ Дурново: пускай разберетъ, кто здѣсь живой, кто мертвый: онъ въ департаментѣ полиціи обучался, а я этихъ дѣловъ не понимаю.

Суворинъ беретъ бумажку, подаетъ Меньшикову 30 серебрянниковъ и сѣмьнитъ къ Дурново.

Кустаръ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ДЕШЕВО СДАЕТСЯ

ПУСТОПОРОЖНЕЕ МѢСТО

„ЛѢВЪЕ КАДЕТОВЪ“.

Кустаръ.

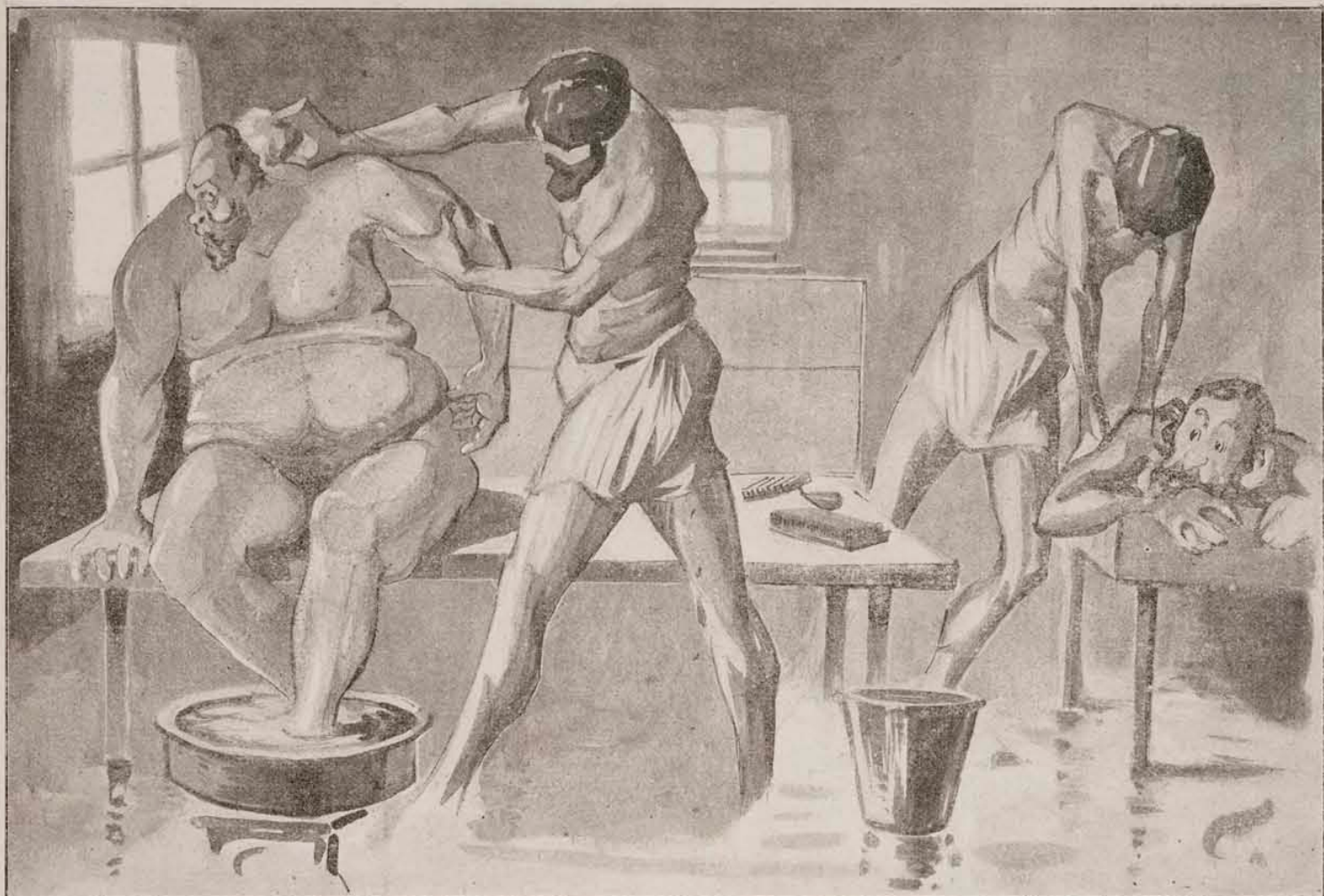
СЛУХИ

Мы слышали, что дума соберется 10 мая по новому стилю и будетъ распушена 27 апрѣля по старому стилю.

Кустаръ.

Мы слышали, что гр. Витте, избрѣтя самодержавную конституцію, ходатайствуетъ въ министерствѣ торговли и промышленности о привилегіи на свое избрѣтеніе.

Шимоза.

Въ бань передъ баней.

НАКАНУНЪ.

Сегодняшній день онъ провелъ въ страшныхъ хлопотахъ. Уничтожалось все нелегальное: проекты объ устройствѣ Россіи, дружеская переписка, циркулярныя распоряженія и прочая дрянь; даже письма сжигались, чтобы никто не упрекнулъ въ свѣтской связи.

Потомъ онъ собралъ неоплаченные счета и, внутренне улыбаясь, положилъ ихъ на самое видное мѣсто: „придутъ, молъ, посмотреть и скажутъ:—неповиненъ-де въ расхищеніи денегъ народныхъ“.

Наконецъ, министръ сталъ репетировать передъ зеркаломъ поклоны; но по привычкѣ спина его все время гнулась ниже, чѣмъ то полагается въ приличныхъ учрежденіяхъ.

Лицо его выразило неудовольствіе; однако, осмотрѣвъ свой расшитый мундиръ, онъ понялъ, что не напрасно трудился.

Черезъ минуту затрещалъ телефонъ, и министръ услышалъ сладкій голосъ своего сотоварища:

„Чувствую себя прекрасно... думаю прокатиться на острова... и вы тоже? Очаровательно, значить увидимся“.

„И къ чему врать“, сказалъ съ досадой министръ, опуская телефонную трубку. „Туда-же на острова!“ „Самъ, поди, сидить гдѣ-нибудь за шкафомъ,—только людей порядочныхъ морочить, но меня, братъ, не проведешь“.

И вмѣсто условленной прогулки онъ поболталъ для моціона ногами и, считая свой трудъ оконченнымъ, сталъ приготовляться ко сну.

„Что-то завтра?“ думалъ министръ, утопая въ пуховыхъ тюфякахъ своей роскошной кровати—и мысли одна мрачнѣе другой закружились въ его заслуженной головѣ.

И снится ему сонъ, будто настало утро—яркое, свѣтлое утро.

„И чему оно радуется“, злобно сказалъ министръ:—„Здѣсь человекъ погибаетъ, а оно вонъ какъ развеселилось“.

Онъ одѣлся въ новый мундиръ, приколотъ всѣ регалии и въ полномъ блескѣ вошелъ въ Думу.

Тамъ встрѣчаютъ его рукоплесканіями, любуются его манерами, граціозной походкой, блестящимъ костюмомъ.

„Давайте-же познакомимся съ нимъ поближе, сбросимъ съ него этотъ нарядъ, блескъ котораго только затемняетъ его настоящія достоинства; пусть мы увидимъ его такимъ, какъ онъ есть!“

Съ этими словами они быстро придвинулись къ министру. Холодный потъ покрылъ его тѣло, глаза дико заблуждались.

„Что они хотятъ дѣлать“, едва простоналъ онъ. „Развѣ я могу показаться такимъ, какъ я есть?“

И онъ быстро метнулся въ сторону, но на что-то наткнулся; тогда министръ рванулся еще разъ, съ большей энергіей и отъ боли въ вискѣ проснулся. Оказывается, онъ бился головой о стѣну, возлѣ которой стояла кровать.

„Не понимаю, откуда такіе страхи; кажется наша безопасность теперь вполне узаконена, а впрочемъ... Теперь ему снилось, что на трибуну государственной думы вззошелъ кадетъ.“

„Отечество, говорилъ онъ, забыто“. Небольшая кучка людей раззоряетъ его, стремясь лишь къ тому, чтобы насытить свои низменные желанія, да пополнить, на всякій случай, карманы!

Затѣмъ онъ перешелъ къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ представителей.

„Неужели онъ про меня?“ шепчетъ министръ, — „Неужели же я на самомъ дѣлѣ такъ глупо поступалъ?“ Да вѣдь это балаганъ!!

Здѣсь взоръ министра упалъ въ зеркало, и что-же представилось его глазамъ: передъ нимъ стоялъ настоящій шутъ, въ красномъ колпакѣ, съ глупой физиономіей и въ арлекинскомъ костюмѣ.

Отъ ужаса у министра поднялись волосы дыбомъ; онъ словно застылъ и, какъ вкопанный, не могъ двинуться съ мѣста. Онъ только едва слышалъ, какъ депутаты любопытной толпой приближались къ нему съ восклицаніями: — „Смотрите, какъ мастерски сдѣланъ шутъ!“

„Что-это? Они, кажется, меня принимаютъ за шута? Какъ они смѣютъ?!“ „Войска мнѣ, войска!“

И, собравъ всѣ силы, онъ громко вскрикнулъ: — „Господа, вы ошибаетесь—я не шутъ, я министръ!“ Вскрикнулъ и проснулся.

Черезъ нѣсколько мгновеній снова слышались рѣчи, споры, критика.

Но вотъ добрались и до него, прося отчета.

„Отчетъ?“ „Какой отчетъ?“ Недоумѣвалъ министръ. „Я всегда управлялъ такъ,—безотчетно; все больше по вдохновенію. А впрочемъ, извольте... Моя политика... Но въ чемъ-же состояла моя политика?“ старательно вспоминалъ министръ; однако, всѣ усилія были напрасны. Имъ овладѣлъ ужасъ, въ глазахъ потемнѣло, ноги подкосились, раздался трескъ... и онъ упалъ.

„Какое скверное предзнаменованіе“, сказалъ министръ, проснувшись и увидя себя на полу около кровати.

Шимоза.

....Ухватилъ его всадникъ страшною рукою и поднялъ его на воздухъ... Еще разъ засмѣялся рыцарь и кинулъ въ пропасть страшную добычу... И всѣ мертвецы подхватили его и вонзили въ него свои зубы...

«Страшная месть» Гоюля.

